

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2006

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: mspskniga@co.ru

http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ

по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

М. Мертес (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рьжков

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Редактор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Евгений Греков, Кира Мартынова, Олег Начинкин*

Издание журнала стало возможным благодаря щедрой поддержке народа США, оказанной через Агентство международного развития США (USAID). Московская школа политических исследований несет полную ответственность за содержание публикаций. Точка зрения авторов журнала может не совпадать с официальной позицией Правительства США и Агентства международного развития США.

Издание осуществлено при поддержке Комиссии Европейских Сообществ

Содержание

№ 4 (39) 2006

<i>К читателю</i>	5
Семинар	
<i>Национальная безопасность и права человека</i> <i>Родрик Брейтвейт</i>	7
<i>Заметки с семинара</i> <i>Юрий Гиренко</i>	19
Тема номера	
<i>"Главное... чтобы люди поверили в свои возможности"</i> <i>Сергей Морозов</i>	21
<i>Развитие банковской системы в России</i> <i>Михаил Задорнов</i>	27
XXI век: вызовы и угрозы	
<i>Национальные интересы России и внешняя политика</i> <i>Константин Косачев</i>	34
<i>От точечного антитерроризма</i> <i>к глобальному [контр]террору</i> <i>Лида Рыгина</i>	40
Концепция	
<i>Путь России: по главной дороге развития человечества?</i>	44
Дискуссия	
<i>Права человека и политика</i> <i>Андрей Юров</i>	54
<i>Будущее гражданского общества</i> <i>Даниэль Деттлинг</i>	62
<i>Партийный застой и актуальная повестка дня</i> <i>Александр Шмелев</i>	66
Личный опыт	
<i>Предпринимательство и проблема лидерства</i> <i>Сергей Недорослев</i>	71
<i>Зачем человек работает?</i> <i>Александр Зурабов</i>	76

Свобода и культура

Свобода под угрозой: три взгляда. Хайек, Кейнс, Оруэлл
Роберт Скидельски 78

Новые практики и институты

Местное самоуправление: реальность и иллюзии
Яков Силлин, Алексей Клешко 84

In memoriam

C'était Salmin
Юрий Гиренко 100

Книги

Правители и жертвы
Александр Согомонов 102

Региональное книжное обозрение
Евгений Барабанов
Андрей Перла 105

Контрапункт
Александр Архангельский 108

Nota bene

Русь и Италия. Начало связей и возвышение Москвы
Глеб Тюрин 111

К читателю

В начале XX века в России стал обсуждаться вопрос: какой идеал – социальный или политический – для страны предпочтительней?

На первый взгляд, поскольку социальное развитие немислимо вне политического контекста, вопрос этот вроде бы не имеет смысла. Однако авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909) думали иначе. Критикуя русскую интеллигенцию за ее приверженность идее справедливости и «народного счастья», они считали, что после отмены крепостного права она забыла об идеале политической свободы. Что свобода имеет самостоятельное значение, независимо от ее роли в достижении материального благосостояния народа. И, как показали последующие события российской истории, они были правы. Ибо политика действительно не сводится к экономике и не является ее «концентрированным выражением». Или, как проницательно заметил современный английский публицист Джордж Монблат, анализируя современные неуправляемые тенденции мирового развития: «если мы позволим рынку управлять нами, всем нам конец». «Позволить управлять рынку» в данном случае означает то же самое, что перестать обращать внимание на политику и не стремиться поднять ее на качественно новый уровень.

В наши дни Россия, безусловно, еще далека от идеалов свободы, открытого общества и демократии. И это естественно. Чтобы преодолеть тоталитаризм, понадобилась горбачевская перестройка, а затем революция начала 90-х, которая разрушила тоталитарную систему. Но она же обессилила российское общество, что и обусловило откат в последние годы государства, да и значительной части общества от демократических ценностей и принципов. Однако это не реставрация «старого порядка» и не возврат к диктатуре. Рожденные «новой» революцией российские институты демократического государства и гражданского общества хотя и остаются слабыми, но сохраняются. Модернизация страны хотя и замедлилась, но продолжается. Режим, существующий сегодня, будет меняться. Главный вопрос, в каком направлении,

*Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»*

на основе каких политических целей, задач и ценностей будет развиваться этот процесс после предстоящих в стране в 2007–2008 годах парламентских и президентских выборов. То есть, другими словами, способно ли наше общество, сохраняя идеалы демократических преобразований начала 90-х, продвигаться вперед?

Что конкретно имеется в виду?

Во-первых, сохранение идеала свободы как основополагающего морального принципа. Тем более в условиях расширяющейся глобализации, когда экономическая ситуация уходит из-под контроля представительных институтов граждан (причем не только в России), что приводит к тому, что сверхбогатые (и люди, и страны) могут пренебрегать любыми интересами, кроме собственных. Так как, будучи «прагматиками», они теряют, подобно чиновникам, чувство реальности и общественного целого.

Руководители любой современной страны, являющейся частью мирового геопорядка, также склонны к ограничению свободы, плюрализма мнений и т.д., что якобы приносит «хаос» в сферу экономики и социальной жизни.

Поэтому, во-вторых, России нужна просвещенная национальная элита, которая осознавала бы эту опасность, то есть ясно видела, что движение к идеалам свободы и права в качестве условия реализации человеческих способностей и талантов невозможно без развитой гражданской и политической жизни.

Уже сам термин «политическая жизнь», если он понят, приближает человека к более серьезному отношению к политике, а значит, как показывает история, и к пониманию, что лишь демократические институты и соответствующая система «сдержек и противовесов» способны обеспечить свободу.

Следовательно, в-третьих, чтобы развивалась экономика и гарантировалась свобода, стране нужны лидеры с гражданской позицией, развитым чувством ответственности и ясной конструктивной программой.

Россия не может сохраниться без сильного государства, это очевидно, как столь же очевидно, что это невозможно и без просвещенного слоя профессионалов в сферах политики, бизнеса, образования, журналистского и правового сообщества, не говоря уже о военной сфере.

Наше население традиционно гордится своим прошлым – культурным, экономическим и военным могуществом страны – и за сохранение этого наследственного статуса платит налоги, а потому вправе контролировать власть. То есть требовать от нее играть по правилам, не допускающим некомпетентность, произвол и коррупцию.

Только гражданское просвещение и реализация демократических ценностей и идеалов – гарантия того, что наша страна не вернется к советскому прошлому, к тоталитарной системе. Эта истина рано или поздно, я думаю, найдет дорогу к более широкому общественному сознанию, потому что другого варианта нет. И хотя это только надежда, именно надежда, а также мудрость всегда помогали людям сохранять честь и совесть, которая ассоциировалась в России с чувством долга, а честь – с пробуждением личного достоинства.

Национальная безопасность и права человека*

Тема моего выступления — соблюдение прав человека в условиях борьбы с терроризмом. Поскольку я имел отношение к переговорам с ирландскими террористами, скажу вначале, как эти переговоры начинались.

Борьба с терроризмом в Северной Ирландии

Ирландская республиканская армия (ИРА) начала свою очередную террористическую кампанию в 1969 году (при этом я опускаю всю предшествующую историю борьбы Ирландии за независимость) — в ответ на дискриминацию местной (протестантской) администрации католиков в области жилищных прав, права на работу, на образование — и продолжала до 1998 года. При этом ИРА боролась не только за гражданские права католиков, но и преследовала также политическую цель — воссоединение Северной Ирландии, где проживает большинство протестантов, с республикой Ирландия, где большинство населения католики. Так что это была и религиозная война. Это были, если угодно, наши шииты и сунниты.

В течение этой кампании погибло свыше трех с половиной тысяч человек, причем солдат было убито в два раза больше, чем террористов. Американцы сегодня говорят, что это был не международный терроризм. Однако ИРА действовала не только в Британии и Северной Ирландии, где в 1998 году в результате последнего теракта погибло 28 мирных жителей, но и в Европе и даже в США. И при этом ей оказывалась внешняя поддержка. Большая часть финансов и оружия (помимо предоставления террористам политического убежища) поступало от американских ирландцев — в основном из города Бостона, а также через КГБ СССР.

Английское правительство долгое время принципиально отказывалось разговаривать с террористами. Но в 1993 году, будучи после окончания службы в России советником у нашего премьер-министра Джона Мейджо-

*Родрик Брейтвейт,
посол Великобритании
в СССР и России
(1988–1992)*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 28 июля 2006 года.

Отто Херберт Хайек. Большой путь цвета. 1966

ра, я мог наблюдать, как оно впервые обсуждало послание лидера ирландских террористов Джерри Адамса, предлагавшего начать переговоры о перемирии.

Надо сказать, это было непростое обсуждение после продолжавшейся более двадцати лет вооруженной борьбы, когда правительство не доверяло Адамсу, а Адамс не доверял правительству. А североирландские протестанты не доверяли ни тому ни другому. И тем не менее процесс переговоров тогда был запущен и постепенно привел к прекращению вооруженного противостояния.

Примерно спустя год после встречи на Даунинг-стрит, где мы обсуждали послание Джери Адамса, 31 августа 1994 года ИРА сделала заявление о «полном прекращении военных операций». И хотя напряженные отношения после этого продолжали сохраняться, достигнутый нами компромисс постепенно расширил рамки начавшегося политического диалога. Сначала нам помогало в этом ирландское правительство из Дублина, а потом правительство США. В частности, вклад Адамса в политику мирного урегулирования в Ирландии оценила администрация Клинтона.

В настоящее время люди в Северной Ирландии уже не убивают друг друга. Отсюда мой *первый вывод*: в конце концов террористическая кампания может закончиться переговорами и политическим решением.

«Война против терроризма»?

Террор — это не новое явление. Англичане, русские, испанцы, французы в отличие от американцев борются с террористами уже давно. И у всех нас есть сравнительно успешный практический опыт по предотвращению этой угрозы. Так что не надо ее преувеличивать. Я лично принципиально против расхожей фразы «война с терроризмом», потому что мы хорошо знаем, что такое настоящая война. Цель, как и смысл войны очевидны: один народ стремится захватить территорию

другого народа, и тот вынужден защищать ее, чтобы не быть покоренным. Но войны начинаются и кончаются, а террор — это нечто другое. Современный терроризм, принимая разные формы, продолжается. И здесь едва ли возможна окончательная победа.

К сожалению, наши СМИ и политики не всегда это понимают, в результате чего принимаются неадекватные решения и неэффективно тратятся ресурсы.

Но при этом не стоит забывать, что террористы готовят свои акции скрытно и действуют обычно небольшими группами, независимо друг от друга. А это значит, что использование армии против них фактически бесполезно. Не говоря уже о бомбардировках, когда гибнет мирное население и неизбежно появляется новое поколение добровольцев, готовых совершать террористические акты. Следовательно, предпочтительнее в этом случае полагаться не на методы ведения «правильной» войны, а на хорошую разведку, эффективную полицию и на международное сотрудничество. И лишь в случае необходимости — на ювелирное применение силовых методов с участием специально подготовленных для этой цели подразделений спецназа.

Второй вывод: не надо преувеличивать угрозу: террор — это не война и справиться с ним сугубо военными методами неэффективно.

Понимать террориста

И что, на мой взгляд, не менее важно: надо учитывать и пытаться понимать мотивацию террористов. Понимать не означает одобрять их действия. В английском языке есть два слова, которые мы употребляем: симпатизировать и эмпатизировать. Эмпатизировать — значит стараться понимать, не симпатизируя тому, что делает террорист. На мой взгляд, это имеет смысл, даже если многие люди склонны демонизировать террористов, поскольку уверены, что любой из них обязательно фанатик без каких-либо ра-

циональных мотивов. И тогда действительно с трудом можно предвидеть его действия. Те террористы, против которых мы боремся на Ближнем Востоке, не сумасшедшие. Я чуть было не сказал «они нормальные люди». Но все-таки они люди, которых можно понять.

Хотя бывают, конечно, исключения, и мы о них знаем. Я имею в виду события 11 сентября 2001 года и террористов-интеллектуалов, совершавших в семидесятые годы террористические акты в Германии и Италии во имя утопической идеи — свержения капитализма. С такими террористами переговоры заведомо бесполезны, и успешная борьба возможна лишь с применением силовых методов.

Третий вывод: надо стараться понимать, а не демонизировать своего врага.

Права человека и защита национальной безопасности

А теперь о нарушениях прав человека под предлогом защиты национальной безопасности.

Наши органы безопасности, борясь с терроризмом, сталкиваются с проблемами отнюдь не простыми. Если происходит теракт, как это случилось, например, в Лондоне год назад, когда были взорваны четыре бомбы и погибло 55 человек, публика их обвиняет за то, что они не предотвратили его. А если антитеррористическая акция проваливается, их тоже критикуют, но уже за то, что она якобы была проведена непрофессионально. А если акция успешная и проводится тайно, публике об этом не информируют.

В Англии органы безопасности критикуют постоянно. Они находятся под постоянным стрессом. И, учитывая, что на них лежит огромная ответственность, неудивительно, что иногда они используют методы, запрещенные законом, и люди это оправдывают, полагая, что в борьбе с террористами это неизбежно. Рассуждают обычно так: арестованный человек, возможно, знает о предстоящем теракте; поэтому, чтобы предотвратить худшее,

его приходится пытаться. И если закон это запрещает, его можно нарушить.

Именно подобной аргументацией стали руководствоваться, как известно, американцы после одиннадцатого сентября, что привело фактически к легализации применения ими пыток, после чего разразился скандал по поводу Гуантанамо, тюрьмы Абу-Грейб и т. д.

Возможно, кто-то из вас видел прекрасный итальянский фильм «Битва за Алжир», который был снят в 1966 году. Фильм о том, как французские десантники, применяя пытки, боролись с алжирскими террористами. Но Франция в конце концов проиграла свою колониальную войну в Алжире.

Использование незаконных методов в борьбе с террористами неизбежно порождает новых террористов, и их называют нередко «борцами за национальную независимость», «подобно рыбе, плавающим, — по словам Мао Цзэдуна, — в море народной поддержки». Что мы и видим сегодня в Ираке или в том же Афганистане, на Северном Кавказе...

В ходе антитеррористических операций наше правительство и службы безопасности, естественно, обвиняли неоднократно в самых разных нарушениях закона: в задержании арестованных на неопределенный срок без судебного разбирательства, в применении пыток, убийстве людей, подозреваемых в терроризме, и т. д. Особенно сильной была общественная реакция после расстрела британскими десантниками в самом начале 70-х годов тринадцати мирных демонстрантов во время событий известных как «Кровавое воскресенье». Этот инцидент вызвал целую бурю протестов во всем мире.

В течение антитеррористической борьбы в Северной Ирландии наше правительство привлекло к суду несколько солдат, обвиняемых в нарушении закона. Другие подобные акции также были признаны британскими судами и Европейским судом по правам человека в Страсбурге незаконными. Так что в конце концов наши силовые ведомства отказались от тех методов, которые были осуждены.

К сожалению, после одиннадцатого сентября правительство, очевидно, забыло об этом опыте. После прошлогодних терактов в Лондоне стали раздаваться голоса, что действующее британское законодательство слишком мягкое, и правительство предлагало в этой связи ввести такие меры, как задержание арестованных на более длительный срок без судебного разбирательства, наделение дополнительными полномочиями правоохранительных органов. Появился также проект закона, по которому считалось преступлением «прославление терроризма» на том основании, что в мечетях проповедуются экстремистские взгляды. Правительство решило даже ввести внутренние паспорта, которых у нас никогда не было.

При этом министры утверждали, что общественное мнение на их стороне, а те, кто не согласен, — это лишь горстка гнилых либералов. Нарастала критика положений европейского Закона о правах человека, которые якобы мешают в проведении антитеррористической политики и подрывают суверенитет страны. Но все проекты новых законов, даже те, которые вносились в парламент после взрыва седьмого июля прошлого года, были отвергнуты.

Сошлюсь в этой связи на прецедент из истории нашей юриспруденции.

После поражения Франции в 1940 году, наша небольшая армия, потеряв всю технику, чудом вернулась в Англию. И мы ожидали высадки немецкого десанта. Правительство Черчилля тогда арестовало почти всех немцев и итальянцев, включая антинацистов, проживавших в Британии, что тут же вызывало бурную дискуссию в парламенте и на страницах газет. Дело дошло до Верховного суда. Большинство судей поддержало правительство. Но один из них, лорд Аткин, процитировал известную фразу Цицерона *Inter arma enim silent leges* («Когда применяется оружие, законы безмолвуют»). Вопреки мнению римлянина, он заявил буквально следующее: «Во время войны в нашей стране законы *не* молчат.

Их можно менять, но они говорят о том же и выражены тем же языком, что и в мирное время. Не будем забывать основной принцип свободы, ради которой мы сейчас воюем. Судьи должны защищать гражданина от любых посягательств на его свободу со стороны властей и следить за тем, чтобы любая акция принуждения была оправдана законом». Правительство Черчилля было вынуждено с этим согласиться и отступить.

Я, конечно, горжусь, что мы соблюдали законы даже во время войны. Конечно, в нашей истории было многое, чем нельзя гордиться. Я имею в виду борьбу с террористами с применением самых ужасных методов в Палестине, Кении, на Кипре и т.д. И вовсе не хочу преуменьшать проблему терроризма, но и не снимаю ответственности с тех, кто отвечает за нашу безопасность. Сохранять баланс между требованиями национальной безопасности и защитой прав человека, то есть стоять на страже закона, конечно, очень трудно. Но, по-моему, нужно требовать от наших политиков одного — чтобы они открыто признавали, что отвечают за этот баланс и стараются его поддерживать. И поэтому критикую нашего нынешнего премьер-министра, когда он говорит, что безопасность — это большая ценность, чем закон и права человека.

Возможно, все сказанное мной несколько наивно. Поэтому в продолжение нашего разговора я бы хотел, чтобы вы ответили на следующие четыре вопроса.

1. Можно ли в борьбе с террористами применять пытки?
2. Существует ли опасность, что подобные методы только порождают новых террористов?
3. Можно ли сломить волю террористической организации, то есть, другими словами, возможна ли полная победа над терроризмом?
4. Стоит ли вести переговоры с террористами?

Эти вопросы задают сегодня и у нас в Британии, и у вас, и в Америке. Ответы на них непростые. Но меня интересует ваша точка зрения.

Дискуссия

Расул Хайбуллаев, главный редактор общественно-политического еженедельника «Черновик», Республика Дагестан:

— Отвечу на один из поставленных вопросов. Возможна ли победа над террористами? На мой взгляд, и опыт Дагестана об этом свидетельствует, однозначно нет.

Напомню: девяносто девятый год, вторжение в Дагестан банд Басаева и Хаттаба. После этого, используя волну общественного негодования, силовые структуры, как местные, так и федеральные, начали применять пытки, запрещенные, как известно, не только международным, но и российским законодательством, и, в общем, добились успеха. Многих посадили, причем без суда и следствия. Но через два-три года эти люди вышли, и они не забыли, как с ними обращались. И в 2002 году мы снова получили всплеск террористической активности. Это уже после того как банды Басаева были фактически вытеснены из республики... Разумеется, это была обыкновенная месть. Люди мстили за оскорбление своего человеческого достоинства, за унижения. Силовые же структуры стали снова закручивать гайки, включили весь репрессивный аппарат и снова добились временного успеха. Убили несколько лидеров, посадили их родственников, братьев. Но на их место пришли другие родственники и просто земляки, считавшие, что с ними обошлись несправедливо.

И только сейчас, спустя семь лет, впервые у нас осознали, что надо бороться не с конкретными террористами, а с терроризмом, поскольку это явление порождается и действиями силовых структур, которые буквально в геометрической прогрессии увеличивают число сторонников террористов.

Евгений Сулов, доцент кафедры журналистики Марийского государственного университета, Республика Марий Эл:

— На мой взгляд, национальная безопасность и права человека являются коррелирующимися понятиями и взаимно влияющими процессами. Совсем недавно, в восьмидесятые — девяностые годы это было очевидно. Сегодня же, во время встречи «Большой восьмерки», мы видим, что проблема прав человека отодвинута по существу на второй план. Но нарушение этого баланса, мне кажется, может привести лишь к подрыву вообще национальной безопасности. То есть, используя такие средства, самой цели — безопасности — мы все-таки не достигаем.

Дмитрий Макаров, председатель общественной организации «Молодежная правозащитная группа – Орел», Орловская область:

— Я считаю, что уже сама постановка вопроса о допустимости пыток недопустима. Опускаясь до уровня террористов, применяя те же методы, что и они, то есть оправдывая фактически пытки, мы тем самым невольно сами становимся террористами. И в результате исчезает граница между добром и злом. Это очень тонкая материя, но для нас все-таки принцип прав

человека приоритетен. И я хочу каким-то образом выразить свою позицию по этому поводу. Не всегда успешно получается. Но мне кажется, что абсолютная безопасность возможна только в тюрьме.

Я не хочу жить в государстве, в котором мне приходится бояться уже государства, а не террористов. Когда под предлогом обеспечения безопасности, оно вторгается в сферу прав человека, а не защищает их.

Дмитрий Колбасин, руководитель отдела информации межрегиональной ассоциации правозащитных организаций «АГОРА», Республика Татарстан:

— Спасибо за провокационные вопросы. Я думаю, это была сознательная провокация. Что касается допущения пыток. Под пытками человек может оговорить и себя и других, это известно. Если государство допускает применение пыток, то оно лишь демонстрирует свою несостоятельность, свою неэффективность.

И ответ на второй вопрос. Сейчас появляется, к сожалению, такое понятие, как легитимный терроризм. И когда говорят о мировом терроризме, хотя, на мой взгляд, это во многом надуманная проблема, он может находить свое оправдание именно в легитимном характере государственного терроризма.

Елена Касторнова, исполнительный директор некоммерческой организации «Фонд общественного мнения “Гражданский ресурс”», Орловская область:

— Я соглашусь с коллегами, что нельзя применять пытки, но смотрю на эту проблему с другой стороны. По-моему, нельзя применять пытки, потому что тем самым создается образ мученика, который будет востребован террористами до тех пор, пока они существуют.

И по поводу переговоров — можно ли их вести с террористами? По принципиальным вопросам — нет. Но когда происходит захват заложников, вести переговоры надо до тех пор, пока есть максимальная возможность их освободить. То есть здесь все зависит от ситуации.

Людия Хромина, заместитель генерального директора по исследовательской работе компании «PR-Корпус», Москва:

— Спасибо за действительно очень близкое, наверное, многим в этом зале мнение по поводу терроризма. Да, это сложное явление. И однозначно ответить на ваши вопросы тоже сложно. Но я попытаюсь проиллюстрировать один из моих возможных ответов на конкретном примере.

Совсем недавно, в ответ на убийство российских дипломатов в Ираке и после общественной дискуссии по этому поводу, наш президент сказал, что убийцы должны понести наказание. Глава силового ведомства взял на себя соответствующие обязательства. Экспертное сообщество тоже приветствовало его заявление. Более того, было высказано мнение, что не только конкретные убийцы должны понести наказание, но и их семьи. То есть речь в данном случае идет фактически об акте возмездия. Разумеется, нельзя применять пытки, но нельзя и не противодействовать терроризму. Потому что иначе эта гидра будет только размножаться. И тем не менее государства, по-моему, не должны опускаться на уровень террористов. Заявление президента, конечно, очень важно для нашего населения, которое хочет знать, что государство о нем заботится и готово наказывать террористов. Но здесь есть еще, повторяю, и вторая сторона медали.

Что касается переговоров, то, конечно, они нужны. Но я лично разделяю в этой связи скорее точку зрения главного редактора журнала «Искусство кино» Даниила Дондуря, что террористы стремятся просто привлечь к себе внимание. И если они действительно к этому стремятся, мы должны разбираться и на государственном, и на международном уровне, чего они хотят. Это не должна быть реактивная политика, необходима постоянная работа в области просвещения населения.

Эдуард Шармазанов, помощник премьер-министра Республики Армения:

— Господин Родрик, вы сказали, что в борьбе с террористами не бывает победителей, и я с этим в общем согласен. Но мне непонятна позиция премьер-министра Великобритании, прозвучавшая здесь, что безопасность государства выше прав человека. Сегодня мы видим, что ради такой безопасности нарушаются права человека во многих странах, и прежде всего на Ближнем Востоке, где каждый день гибнут десятки людей. А что касается переговоров, то, мне кажется, их можно и нужно вести.

Алексей Толкачев, глава общественного комитета национальной безопасности Украины, глава международной демократической инициативы «Помаранч»:

— Большое спасибо за возможность задавать вопросы. Вчера мы обсуждали проблему эффективности государства, то есть способно ли оно в принципе осуществлять функцию компромисса. Некоторые государства и общества страдают от терроризма, другие — нет. На Украине, к счастью, терроризма нет. Возникает вопрос: действительно ли существует международный терроризм? У Соединенных Штатов есть конкретная проблема с Аль-Каидой, у России — с чеченскими террористами. У Британии была проблема с ирландскими террористами. Изготовить взрывчатку — технология ее изготовления описана в книжках — и совершить теракт можно. Главное: есть ли в этом у человека потребность? И если она существует, не является ли это признаком неэффективного государства?

Дмитрий Агмалов, руководитель пресс-центра ИА «Новое кавказское время», г. Хасавюрт, Республика Дагестан:

— Жители нашего города, и я в том числе, не понаслышке знают, что такое борьба с терроризмом. Практически все мы так или иначе испытали это на себе, побывав в том числе и в заложниках. Поэтому ответ на первый вопрос будет таким.

Да, в нашем городе сотрудниками милиции применялись пытки. Это факт, доказанный не только правозащитными организациями, но и признанный фактически самими сотрудниками милиции. И то, что мы видим наш город на телеэкранах, когда он появляется в новостях, то могу прямо сказать, это следствие именно тех действий, которые проводились силовыми структурами в отношении не террористов, а радикально настроенных верующих людей, которые могут стать и становятся террористами. Террористические вылазки в нашей республике и в нашем городе в основном совершаются в отношении сотрудников милиции: взрывают либо милицкий «уазик», либо еще что-то. То есть на насилие отвечают насилием и получается замкнутый круг

Относительно возможности переговоров. Я понимаю это так. Любая террористическая деятельность опирается на две вещи. Всегда есть люди, которые или по идейным соображениям, или за деньги занимаются профес-

сионально подготовкой терактов. Мне как журналисту приходилось встречаться и разговаривать с такими людьми. Как правило, это люди, с которыми очень трудно вести переговоры, особенно если они работают за деньги. И еще труднее, если это идейные фанатики. Но и эти люди не смогут ничего сделать против государства, если у них нет, если можно так выразиться, «террористического мяса». То есть тех, кого они могут использовать как солдат. И вот с такими людьми, которые потенциально готовы стать пособниками террористов, нужно вести переговоры. Это крайне необходимо, и желательно еще до того, как они включаются в подготовку теракта или захвата заложников.

В заключение хотелось бы подчеркнуть такую мысль. Как говорил Козьма Прутков, «зри в корень». Надо смотреть в основы. Я думаю и согласен с вами, наша большая проблема, что мы стараемся вести борьбу с терроризмом методами насилия. Болезнь всегда легче предупреждать, чем лечить. Если бы в нашем Дагестане прожиточный минимум был хотя бы раза в два больше, то раза в два реже наш город появлялся бы на телеэкранах.

Елена Немировская, основатель и директор Московской школы политических исследований:

— Я хочу сказать два слова о Диме. Меня познакомил с ним здесь на семинаре Женя Греков, наш менеджер. Димин брат из Нижнего Новгорода приехал в Хасавюрт работать священником. А Дима приехал туда пять лет назад помогать брату. И теперь Хасавюрт — это их город.

Алена Обьездчикова, председатель координационного совета международной сети — молодежное правозащитное движение, г.Воронеж:

— Одна из проблем борьбы с терроризмом состоит в той категоричности, и в этом я согласна с докладчиком, с какой мы постоянно говорим «война», «война». Извините, во время войны хотя и действуют другие законы, но и гуманитарное право никто не отменял. Если вы ведете войну, все равно мирных граждан убивать нельзя. А если террористы это преступники,

и на них не распространяется даже уголовное законодательство, то и тогда пытки неприемлемы. По-моему, в нашем государстве никак не могут определиться, полагая, видимо, что это настолько сложное явление, что иначе с ним справиться невозможно.

И что касается переговоров. Конечно, переговоры — это единственный оставшийся, наверное, эффективный способ воздействия на сознание террориста сегодня. Потому что при таком количестве накопленного оружия и агрессии в мире, никаким другим способом решить проблему, скорее всего, невозможно. И хотелось бы согласиться также с вашим тезисом, что для этого нужны эффективные спецслужбы. Эффективные и профессионально обученные. Увы, в России нашим спецслужбам некогда учиться, они бизнесом занимаются.

Борис Паитов, председатель комитета по культуре, туризму, спорту и СМИ парламента Кабардино-Балкарской республики:

— Сэр Родрик, я бы свой ответ на ваши вопросы перевел в несколько другую плоскость. Если я правильно понял, в конечном счете вы спросили о том, что когда наши права в широком смысле сталкиваются с правами конкретного человека, который или подозревается в совершении теракта или является террористом, можно ли считать его гражданином и относиться к нему с точки зрения соблюдения его прав? Очень сложно сказать — да, но, тем не менее, как бы ни было трудно воспринимать террориста гражданином и считать, что у него есть права, мой ответ: да. И тогда, я думаю, мы найдем ответы на остальные вопросы.

Лаша Киладзе, председатель регионального департамента Министерства здравоохранения и социального обеспечения, Республика Грузия:

— По-моему, когда мы употребляем такое понятие, как международный терроризм, мы искусственно объединяем всех террористов. Обычно говорят, что для достижения успеха надо разъединить врагов и соединить друзей. А мы врагов, как правило, объединяем, несмотря на разницу их происхождения, занимаемых позиций и т.д.

Дмитрий Головин, член регионального совета «Опоры России», г. Екатеринбург:

— Можно ли применять пытки? Обязательно. Но при двух условиях. Первое, когда нет времени для принятия решения и от этого зависит жизнь других людей.

И второе условие — при явной причастности человека к террористической деятельности и от него можно узнать о подготовке очередного теракта. Про добрых дельфинов, которые спасают утопающих, мы говорим, а как быть с злыми дельфинами?

Владислав Южаков, обозреватель газеты «Уездный телеграф», Санкт-Петербург:

— Я считаю, что, конечно, нельзя действовать теми же методами, которыми действуют террористы. Хотя бы по той причине, и мы об этом знаем, что в игре всегда побеждает тот, кто диктует правила. Если мы действуем по правилам террористов, то мы проигрываем изначально.

Затиф Алхасов, депутат городского собрания, г. Махачкала, Республика Дагестан:

— Я хотел бы тоже сказать о специфике терроризма. Нельзя всех ставить в один ряд. Специфика дагестанского вектора террора направлена в ос-

новном на сотрудников МВД. Специфика же кавказского террора, если мы вспомним Беслан и другие террористические акты, гораздо шире и беспринципнее.

Год назад я был в Северной Ирландии, в Белфасте. Мы обсуждали проблему межнациональных отношений. И там своя специфика, но связанная уже с поиском путей перевоспитания потенциальных террористов — и католиков, и протестантов.

Наталья Малащук, начальник отдела новых технологий и взаимодействия с общественными объединениями департамента социальной политики администрации г. Красноярска:

— Лорд Чарльз Гатри, выступая на нашем семинаре, говорил о тактике террористов, что они хотят вызвать страх в обществе. На мой взгляд, они никогда не откажутся от этой идеи.

Вести переговоры или не вести? Соглашаюсь с коллегами, которые сказали, что нужно ориентироваться по ситуации и принимать решение в зависимости от того, стоит их вести или не стоит, поможет или не поможет это действительно спасти людей.

А теперь о вашем тезисе, что необходимо понимать террориста, а не демонизировать его. Знаете, у меня возникает вопрос: а почему они не хотят понимать тех, кого убивают и за что? И здесь я ставлю точку, и обращаю внимание коллег на обязанность государства обеспечивать нашу безопасность, поскольку мы платим налоги.

Светлана Петракова, эксперт Государственной думы ФС РФ:

— В самом начале своего выступления вы дали определение борьбы с террором и войны с террором. Мне кажется целесообразным дать определение попыткам и уточнить использование методов психологического воздействия.

Александр Хрусталеv, помощник генерального директора «Леноблгаз», Ленинградская область:

— Я практически продолжаю то, что сказала Светлана. О разнице между террором и терроризмом. Террор — это методы борьбы и использование силовых акций для психологического воздействия на население либо должностных лиц. А терроризм — это современный образ международных преступных группировок, имеющих разные цели: дестабилизация обстановки в каком-либо регионе с целью контроля над этим регионом; подрыв экономики государства для каких-то финансовых групп и т.д. И обращаясь к коллеге, который сказал, — это правда, — не хочется, чтобы государство вмешивалось в мои личные дела. Но с другой стороны, очень не хочется, чтобы, выплатив родственникам компенсацию, как жертвам терроризма, оно говорило: у них ведь был выбор.

И о попытках, которые были показаны всему миру, в Гуантанамо и т.д. Уверяю вас, что и без всяких пыток, просто используя современные методы, в том числе и психологического воздействия, от людей можно добиться многого.

Илларион Морозов, заместитель директора департамента спецпроектов и стратегического консультирования, «Регион-Информ», Москва:

— Я хочу поддержать Александра Хрусталева. Террор — это действительно инструмент, причем универсальный, подобно молотку, которым забивают

гвозди. Но для этого нужен мастер. Это не инфекционное заболевание, передающееся воздушно-капельным путем.

Родрик Брейтвейт:

— Это была очень интересная дискуссия. Меня поразило, что большинство из вас согласилось со мной. Я этого, честно говоря, не ожидал.

Кто-то сказал, кажется Дмитрий, что абсолютная безопасность возможна только в тюрьме. Вообще, абсолютной безопасности не бывает. Американцы, по-моему, после одиннадцатого сентября это не совсем понимали. Не надо поддаваться панике. Мы в Англии, когда у нас были теракты, старались не паниковать.

Что такое терроризм? Я на этот раз не слышал Чарльза Гатри, но знаю его и догадываюсь, о чем он говорил. Терроризм — это не только теракты, а непрекращающаяся борьба, в ходе которой применяется разное оружие, и надо всегда различать тактику и стратегию борьбы. Стратегии тоже бывают разные. В Северной Ирландии, например, была вполне определенная политическая стратегия — воссоединение северной и южной частей страны. Но многие из террористов, создавая криминальные группировки, превратились просто в бандитов. Они грабили банки и так далее. И сейчас проблема в том, что те, кто занимался этим двадцать и тридцать лет, не хотят стать законопослушными гражданами. Я думаю, и у вас то же самое.

Слушатель из Грузии сказал, и, по-моему, это очень важно, что надо стремиться к разобщению, а не к объединению террористов, учитывая, что в разных странах у них разные мотивы и т.д. Когда я работал председателем комитета в правительстве Мейджора, мы обращали на это внимание и обсуждали вопрос: существует ли вообще международный терроризм? И пришли к выводу, что террористы разных стран пытаются обычно помогать друг другу, но это не значит, что у них одна цель и одна организация.

У ирландцев, например, существовали контакты с ливийскими террористами, с разведслужбами Ливии и террористами некоторых стран Южной Америки. Но это не значит, что они разделяли стратегические цели Каддафи или, скажем, колумбийских террористов. Мирового террористического движения в то время не было. И сегодня я не очень верю, что оно существует даже в рамках Аль-Каиды. Есть палестинцы, которых, по-моему, можно понять. Есть теоретики-фанатики, переговоры с которыми бесполезны. Так что, согласен, не стоит все слишком обобщать.

Да, и насчет эффективности государства. Конечно, государство должно защищать своих граждан. Но делать это эффективно. Я считаю, что кроме фанатиков с остальными террористами можно вести переговоры и искать политические подходы к разрешению конфликтов. Когда полиция и спецслужбы, борясь с терроризмом, ведут вооруженную борьбу ради вооруженной борьбы, тогда это чаще всего не эффективно.

Кто-то сказал из вас, что терроризм очень сложное явление и нет однозначных ответов на вопрос, как решить эту проблему. Я с этим согласен. Когда говорят, что есть простые ответы, я к этому отношусь скептически.

Заметки с семинара

Московская школа политических исследований — не учебное заведение и не исследовательская организация. Она не учит, а стимулирует самопознание. Занимается не политической учебой, а гражданским просвещением. В Школе сообщество активных молодых людей — экспертов, выпускников, слушателей — обсуждает на семинарах пути развития нашей страны и стремится к осмыслению роли каждого из нас в этом развитии. Лена Немировская, открывая июльский федеральный семинар Школы в Голицыно, сказала: «Мы должны выйти из небытия истории. Мы хотим видеть собственную страну современной, вернувшей себе достойное место в мировой истории».

Все эксперты, выступавшие на семинаре, так или иначе говорили именно об этом — о пути России к современности и достоинству. О необходимости личного усилия каждого гражданина. «Хорошо, когда есть маленькие победы — тогда есть смысл в жизни!» — сказала руководитель Федерального казначейства Татьяна Нестеренко, на счету которой много побед, и совсем не маленьких: за восемь лет работы во главе ФК РФ ей удалось создать в России современный институт казначейства, без которого неммыслимо становление современной рыночной экономики. Говорили о необходимости структурных преобразований в государстве. «Нужна система управления, качество которой соответствует духу времени», — заявил губернатор Ульяновской области Сергей Морозов. «Нужно время, нужны средства, нужна система подготовки муниципальных кадров, — продолжил тему глава комитета Государственной думы по местному самоуправлению Владимир Мокрый. — Местное самоуправление может состояться только тогда, когда оно будет востребовано гражданами. В осознании обществом своих прав и лежит наше движение к демократии и гражданскому обществу».

Обсуждали политические сложности на пути модернизации страны. По мнению депутата Госдумы Владимира Рыжкова, препятствия возникают «из-за неверно выбранного властью направления развития партийной системы... Весь комплекс принятых решений показывает, что ставка сделана на создание партийной системы, полностью контролируемой исполнительной властью». Однако председатель исполкома партии «Единая Россия» Андрей Воробьев полагает: «Роль, место и, если хотите, миссия партии в современной России не столько в борьбе за власть, сколько в том, чтобы быть мостиком между властью и обществом».

*Юрий Гуренко,
заместитель главного
редактора журнала
«Общая тетрадь»*

Зарубежные эксперты обращали внимание на то, что некоторые наши проблемы не являются исключительно российскими, в том числе и кризис партийной системы. Британский парламентарий, один из лидеров Либерально-демократической партии Чарльз Кеннеди считает, что одна из причин сегодняшнего кризиса партий — кризис идеологий. Идеология сегодня стала «рыночной», или, точнее, маркетинговой. Идеологию во многом заменили реклама и массмедиа. Существует, правда, и другое мнение, что это вполне закономерно и современной политике идеология не нужна, что достаточно прагматизма.

Глобальный контекст вообще не слишком благоприятен для беспрепятственного движения России в современность. Это связано и с переменами в системе международного права (классик западной юриспруденции, американский профессор Гарольд Берман отметил: «Право развивается исторически. Сейчас мы все становимся ближе, и потому важнее становится *общее* для всех право, чтобы обеспечить мир, справедливость, правда, и устранить угрозы»). Сэр Родрик Брейтвейт обсуждал в этой связи проблему соотношения национальной безопасности и прав человека.

В глобальные экономические процессы Россия вписывается весьма непросто.

«Ресурсы дешевого роста исчерпываются», — предупреждал российский профессор-экономист Евгений Гавриленков. Сегодняшняя ситуация в российской экономике кажется благополучной, но это благополучие во многом мнимое, основанное исключительно на высоких нефтяных ценах, — об этом говорили предприниматель Игорь Юргенс и финансист Михаил Задорнов. «Вопрос в том, будет ли Россия и дальше продавать только сырье и оружие или после весны 2008-го обретет новый модернизационный импульс?» — сказал сэр Родерик Лайн. Это уже не чисто экономический вопрос, подчеркнул он.

Как всегда, много внимания было уделено отношениям России и Европы — и в политических, и в экономических, и в культурных аспектах. Британский политический мыслитель Кристофер Коукер подчеркнул: «Быть европейцем — значит участвовать в путешествии, которое никогда не

кончается... Цивилизации — это развивающиеся сообщества людей. Европа — не географическое понятие. Если хочешь быть европейцем, живи по-европейски». Что же касается России, то ее европейское самоопределение все еще под вопросом: «Выбор пути в современную цивилизацию нами не сделан, — резюмировал дискуссию на одном из своих круглых столов Александр Согомонов, тут же уточнив: — и он никогда не будет оформлен, как окончательное решение. К этому нужно стремиться постоянно и при этом должна быть абсолютно внятной модель политической коммуникации».

Именно по такой модели выстраивалась коммуникация в течение всего семинара. В том числе и по вопросу о предлагаемых стратегиях для развития страны, прежде всего — о доктрине суверенной демократии. Апология этой идеи, выдвинутой идеологами «Единой России», содержалась в выступлении А. Воробьева: «Суверенная демократия — это значит жить своим умом, быть сильными и свободными. У нее есть четыре базовых критерия: сильная армия, самостоятельные финансы, национально ориентированные ресурсы и самобытная культура. Россия должна быть конкурентоспособной, чтобы занять место в совете директоров планеты». Этот взгляд поддержали В. Мокрый и председатель парламентского комитета по международным делам Константин Косачев. Однако И. Юргенс и уполномоченный РФ по правам человека Владимир Лукин концепцию суверенной демократии критиковали как с точки зрения теории, так и реальной политической практики.

Последним событием семинара стал круглый стол под названием «Образы будущего России», и это символично. Все, о чем говорилось в течение голицынской недели, имеет отношение к будущему, которое мы строим сегодня. Ошибаясь, спотыкаясь, добиваясь успехов и терпя поражение, споря между собой и с окружающим миром. И все же — строим.

Сама постановка обсуждавшихся тем и проблем на семинаре задает тот интеллектуальный контекст, в котором рождается трезвая оценка наших шансов на будущее и стратегическое видение развития страны.

«Главное...
чтобы люди поверили
в свои возможности»*

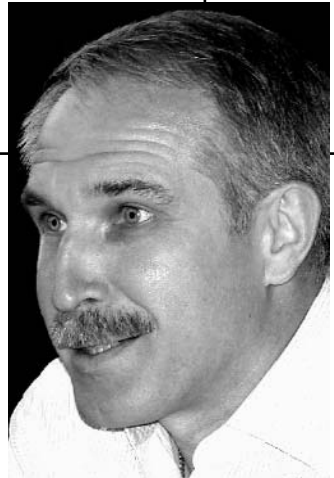
Я возглавляю один из самых известных регионов в Российской Федерации, являющийся родиной не только В.И. Ленина, но и Н.М. Карамзина, И.А. Гончарова, Н.М. Языкова, А.Ф. Керенского, В.В. Розанова и многих других известных писателей, ученых, общественных деятелей.

Поделюсь своими мыслями о том, каким я вижу будущее Ульяновской области.

Одной из ключевых проблем любой сферы деятельности является проблема пространства, когда никто не хочет уступать свое место. С ней, кстати, хорошо знакомы бизнесмены, выходящие на рынок, где их никто не ждет с распростертыми объятиями. И то же самое относится к региональным политикам, политическим партиям, общественным движениям и к стране в целом. Поэтому не случайно проблема конкурентоспособности вышла сегодня на первое место в национальной повестке дня. И я думаю, вы согласитесь, что для ее решения требуется успешное проведение преобразований во всех областях. При этом замечу, что одновременное их проведение, то есть своеобразная «достройка» государства, — это некая-то прихоть власти, а жизненная необходимость.

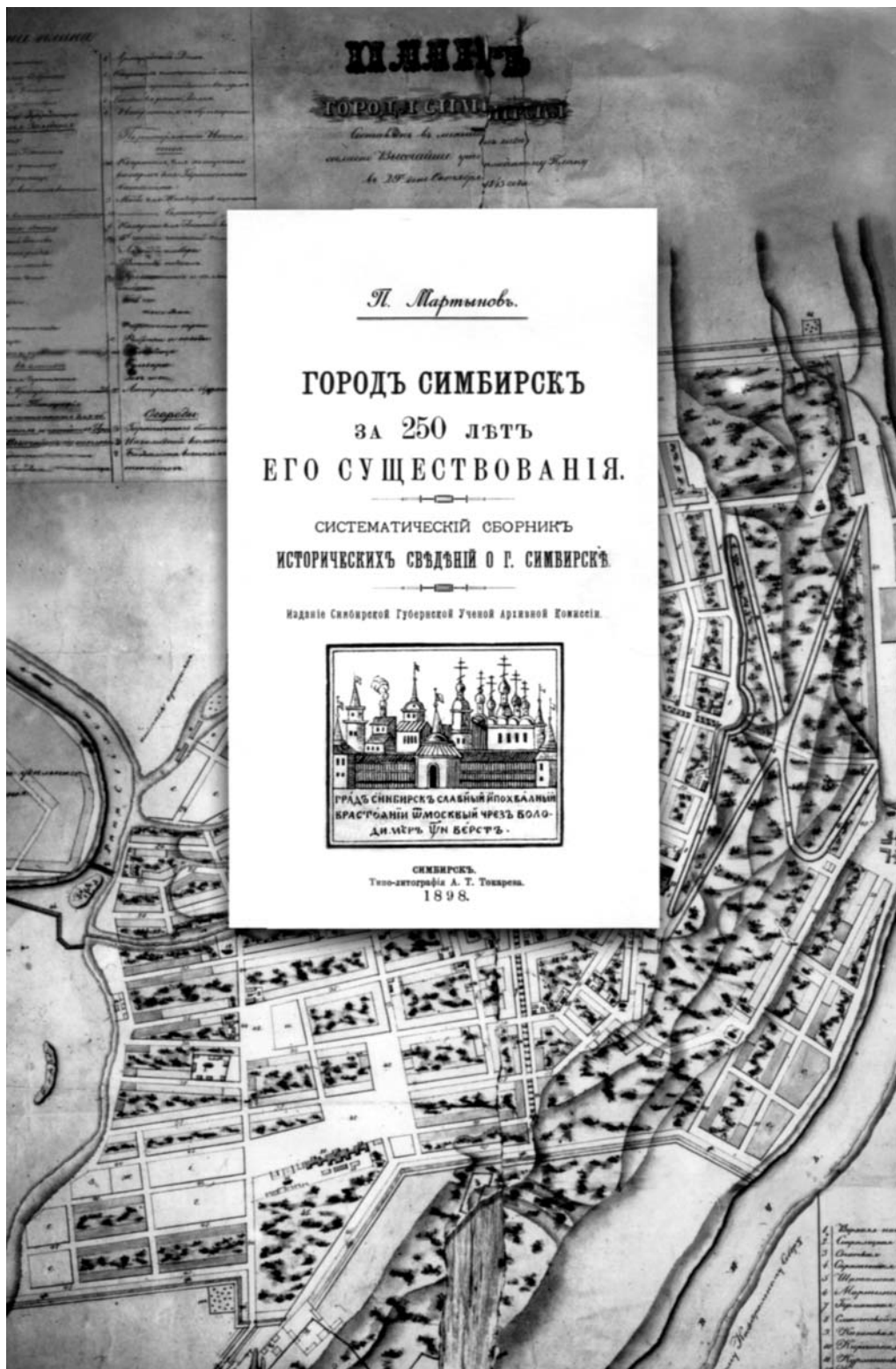
Некогда Ульяновская область входила в число тридцати самых благополучных регионов СССР, обладала огромным потенциалом и ее население жило значительно лучше, чем, например, наши соседи в Самарской области, Мордовии, Чувашии. Но, к сожалению, в силу непродуманных политических решений экономика региона к концу 90-х годов оказалась, прямо скажем, в плачевном положении.

Если очень кратко сформулировать стартовые позиции области на начало 2005 года, когда я был избран губернатором, то они таковы. На территории нашего региона проживает один процент населения Российской Федерации, который производит лишь полпроцента валового внутреннего продукта страны. За последнее десятилетие этот показатель снизился более чем в полтора раза. В комплексном рейтинге социально-экономического развития четырнадцати регионов Приволжского федерального округа Ульяновская область по итогам 2004 года заняла последнее место. В сельском хозяйстве по размерам посевных площадей, валовому

*Сергей Морозов,
губернатор Ульяновской
области*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 23 июля 2006 года.

сбору зерновых культур и поголовью скота во всех категориях хозяйств показатели за 2004 год были ниже, чем в довоенном 1940-м. Среднедушевые доходы бюджета были самыми низкими в Приволжском федеральном округе, государственный долг области составлял порядка двух с половиной миллиарда рублей, долги перед газовиками и энергетиками — почти 4,5 миллиарда. Тогда всерьез встал вопрос даже о нашей состоятельности в качестве самостоятельного субъекта Российской Федерации. На Ульяновскую область часто ссылались как на пример тупости, лени, нежелания ее руководства вести преобразования. Мне об этом неприятно говорить, но это так. Отопительный сезон в областном центре на протяжении многих лет начинался в ноябре и кончался 15 марта, а с 16 марта и до ноября у ульяновцев не было горячей воды. Поэтому не приходится удивляться той политической и духовной обстановке, которая существовала. Она была просто удручающей. По данным социологических опросов, в конце 2004 года 75 процентов ульяновцев крайне негативно оценивали деятельность администрации региона и примерно у 55 процентов было твердое убеждение, что они живут хуже всех в России. Восемь из десяти жителей области говорили, что у региона нет будущего и из него надо уезжать.

В то время мы часто вспоминали известную фразу Михаила Булгакова, что разруха начинается в головах, давая характеристику тем неумелым действиям, которые предпринимались тогдашними руководителями области. И задавали вопрос: можно ли вывести из такой ситуации «депрессивный» регион и сделать его конкурентоспособным?

Предложений было много. Одно из них обсуждалось вполне серьезно и сводилось к тому, что надо повысить тарифы на жилищно-коммунальные услуги, чтобы не было так называемых выпадающих доходов, отказаться от всех социальных гарантий, запретить дополнительные социальные выплаты и сосредоточиться только на экономике. И, думаю, это было правильно, потому что в любом случае многое начинается с экономики. Но как после этого смотреть в глаза людям, которые живут рядом, своим родителям, родственникам?.. Были предложения пойти другим путем. В том числе поставить перед руководством страны вопрос об объединении с одним из ближайших регионов. Сейчас, по прошествии полутора лет работы в должности губернатора могу сказать, что из множества возможных путей нам удалось выбрать свой собственный и, на мой взгляд, наиболее оптимальный.

Первое и самое главное: мы решили прежде всего изменить отношение людей к происходящему, дать им возможность поверить в свои возможности, независимо от того, каких политических взглядов они придерживаются. То есть привлечь к решению проблем всех, кто обладает гражданским сознанием. До этого у меня уже был некоторый опыт вывода территории из достаточно сложной ситуации в Димитровграде. Там в 2002 году, возглавляя мэрию города, мы с коллегами сосредоточились на повышении культуры горожан. Именно эта инициатива дала возможность городу стать узнаваемым и позволила после выхода из экономического тупика добиться не только статуса «культурной столицы» Приволжского федерального округа, но и сделать второй по величине город Ульяновской области одним из лучших в России по благоустройству. Димитровград стал городом, в котором люди хотели жить и работать во многом благодаря тому, что мы совместно с Институтом экономики города, социологами, рядом общественных организаций проводили встречи с наиболее активной частью горожан, обсуждали на них самые острые проблемы, искали пути их решения.

Так и в Ульяновской области мы решили опереться в первую очередь на силы гражданского общества. Мы создали более двух десятков общественных советов при губернаторе и передали им, лишив этого чиновников, часть властных полномочий. В итоге целый ряд проблем, годами копившихся, скажем, в такой отрасли, как строительство жилья, стал успешно решаться за счет ликвидации излишних административных барьеров.

Опираясь на систему общественных советов, мы стали вести борьбу с подобного рода бюрократизмом и волокитой, решать вопросы благоустройства городов и населенных пунктов. Это очень непростая задача — изменить отношение граждан к территории своего проживания. Непростая, но, как оказалось, вполне решаемая. В прошлом году, в частности, мы провели в Ульяновске очень интересный «фестиваль скамеек». Важно, что на мое предложение провести такой фестиваль откликнулись вначале не столько чиновники, сколько сами горожане и бизнесмены. И в городе появились просто выдающиеся скамейки — приезжайте к нам и вы их увидите. А в этом году дарим городским дворам детские и спортивные площадки, украшаем областной центр оригинальными скульптурами и памятниками, такими, например, как «Мост влюбленных», где молодые люди назначают свидания. Заложили прекрасный розарий, начинаем восстанавливать набережные.

Естественно, одним из принципиально важных вопросов было погашение всех долгов, накопившихся перед жителями области, особенно перед работниками бюджетной сферы. Могу сказать, что на сегодняшний день ситуация в этой сфере тоже кардинально изменилась. За прошлый год мы погасили долги по зарплате бюджетникам, сейчас решаем проблему выплат прошлых лет по детским пособиям и «книжным». Помогла этому и наша акция «Лицом к человеку». Каждый месяц в зале совещаний администрации у нас собираются люди, обращавшиеся до этого в разные органы власти с жалобами на тех или иных чиновников. Не получив ответа, они приходят на прием к губернатору. Когда их слушаешь, понимаешь, насколько все же некоторые наши чиновники не уважают своих сограждан. И вот таких чиновников мы сажаем с одной стороны, а заявителей жалоб — с другой, и спрашиваем тех и других, что необходимо сделать, чтобы быстрее решить тот или иной вопрос. Все это, естественно, в присутствии журналистов, телекамер, практически в «прямом эфире». И уверяю вас, после таких встреч у многих чиновников уже исчезает желание заниматься волокитой.

Замечу также, что мы стали больше внимания уделять средствам массовой информации. Доводим регулярно до сведения журналистов, какие приняты меры после их критических публикаций и выступлений. Причем и в этом случае приглашаем на встречи журналистов вместе с чиновниками и обсуждаем появившиеся в областных и муниципальных СМИ статьи и сюжеты, показанные по телевидению, и принимаем соответствующие решения.

Наконец, своеобразным нашим «ноу-хау» стала молодежная политика, рассчитанная не только на поддержку молодежных инициатив, но и на активное вовлечение юношей и девушек в общественную жизнь. Кстати, 2006 год в нашей области, единственной в Российской Федерации, был объявлен Годом молодежи. Среди множества мероприятий мы провели Дни дублеров, когда все региональные чиновники и губернатор на три дня были отстранены от занимаемых должностей и вся власть была передана в руки молодежи. Дублеры три дня руководили территорией области, в том числе и в каждом муниципальном образовании. Хочу подчеркнуть, что никаких чрезвычайных происшествий при этом не произошло, система управления работала нормально. Зато молодые люди

получили возможность посмотреть, как работает власть, что называется «изнутри». А мы получили уникальный шанс увидеть в деле тех, кто не сегодня-завтра может прийти на работу в органы власти. Ведь уже сейчас несколько руководящих должностей в аппарате правительства области, в том числе и должности министров, занимают молодые люди, которым нет еще и 30 лет. И я считаю, что это нормально. В ближайшее время мы будем проводить областной конкурс «Молодежный кадровый резерв». А следующий год по инициативе наших юношей и девушек будет объявлен Годом молодежи в рамках всего Приволжского федерального округа. При этом я не исключаю, что он будет объявлен и в Российской Федерации. Совсем недавно я встречался с руководством Общественной палаты и мы говорили о том, что это — уникальный шанс для реализации молодежного потенциала России.

Сегодня политическое развитие опережает готовность кадров органов власти к решению проблем, порождаемых этим развитием

Достижение общественного согласия и политической стабильности в стране я рассматриваю как важнейшее условие для реализации преобразований и считаю, что качество работы органов власти в области должно соответствовать духу времени.

Я доволен, что нам удалось создать систему управления, в которой все ведущие чиновники регионального правительства занимают сегодня свои должности не после собеседования с губернатором, а после обсуждения с руководителями общественных организаций, политических партий, депутатским корпусом. Эта общественная кадровая комиссия оценивала профессиональные и человеческие качества каждого члена правительства области.

Сегодня у нас есть понимание, что мы идем правильной дорогой. Мы изменили Устав области и не только создали правительство региона, но и пошли дальше в рамках 131-го Федерального закона о местном самоуправлении, учредив на постоянной основе Ассоциацию муниципальных образований. Я думаю, пока — единственную в Российской Федерации. Был сформирован губернаторский совет, куда вошли все главы городов и районов области, совет глав поселений, и я подписал также распоряжение о создании общественно-консультативного совета руководителей представительных и законодательных органов власти для выработки единой нормотворческой политики в регионе.

Все эти меры позволили вернуть региону управляемость и создать необходимое условие для решения нашей ключевой задачи: мы просто обязаны войти в число 30 ведущих регионов России. И люди в это поверили.

Как этого добиться? Начну с тривиального: конкурентоспособность означает востребованность для других. Неважно, человека или целого региона. То есть задача номер один — повышать востребованность области, ее предприятий. Добиться этого можно лишь через включение промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг региона в систему мирового разделения труда, чтобы мировые финансовые потоки хотя бы краешком касались Ульяновской области. Именно в этом и состоит смысл экономического развития: строить будущее, используя эффект масштаба и преимущества глобализации.

Привлечение на предприятия области крупных зарубежных инвесторов, таких как японский автомобильный концерн «Исудзу» и европейская оптовая сеть гипермаркетов «Метро Кэш энд Керри», – крайне важный шаг на этом пути, который мы уже сделали.

Кстати, в привлечении российских и зарубежных инвесторов мы используем совершенно разные формы сотрудничества. Это и организация выставок, проведение ярмарок, встречи с послами, а также опора на наших земляков, которые проживают не только в России, но и за ее пределами. В прошлом году мы провели первый Конгресс соотечественников «Симбирск – родина талантов», пригласив на него со всего мира несколько сот человек, которые имеют отношение к Ульяновской области, и обсуждали с ними в течение трех дней настоящее и будущее региона.

Казалось бы, путь найден, но в руководстве области – люди достаточно неугомонные. Мы часто говорим себе, что если мы ограничимся только такой моделью, по которой уже идут десятки развивающихся стран и регионов, то лидеров мы вряд ли догоним. Ну, поднимемся на шестое или пятое место в Приволжском федеральном округе, но не догоним такие передовые регионы, как Татарстан или Липецкая область, Краснодарский край, я уже не говорю о Москве. Во всяком случае, наш экономический рост не приобретет новое качество, которое возможно только с развитием инновационной экономики. Поэтому наряду с крупными проектами в авиа- и автомобилестроении мы возлагаем также большие надежды на реализацию ярких инновационных проектов. Таких, например, как Центр ядерной медицины в Димитровграде.

Жизнь сегодня требует от каждого региона самого главного: порождать инновации, поддерживать в себе эту способность. Но здесь возникает серьезнейшая проблема, с которой сталкиваются и политики, и бизнесмены. Я имею в виду проблему кадров. К сожалению, сегодня политическое развитие опережает готовность кадров органов власти к решению проблем, порождаемых этим развитием. Старые кадры не успевают за новыми проектами, откровенно тормозят их осуществление, создают, если угодно, «тромбы» в государственном аппарате.

О том, как решать эту проблему, я уже сказал: за счет привлечения общественности к управлению регионом. И еще одно направление я вижу в человеческом отношении к развитию бизнеса. Считаю это самым важным. Следующий год мы хотим объявить Годом поддержки малого бизнеса и предпринимательства. Мы хотим решить при этом не только экономические и социальные задачи, но и в полном объеме кадровую проблему. Найти молодых талантливых бизнесменов, патриотов Ульяновской области, и привлечь их в систему органов власти.

И последнее. Для меня совершенно ясно, что если человек хочет произвести какие-либо изменения в общественной жизни, то в первую очередь он должен начинать с самого себя. Чтобы быть неким образцом того будущего, к которому он ведет других людей. Я рад, что на нашем семинаре присутствуют мои коллеги-ульяновцы, которые находят время повышать свои профессиональные качества, получать новые знания. Надеюсь, что правительство Ульяновской области тоже будет постоянно к этому стремиться. В конце концов, как говорил герой повести братьев Стругацких: «Надо отчетливо видеть цель, верить в себя и не замечать препятствий». И тогда все будет получаться.

Развитие банковской системы в России

Банковская система в России сегодня один из самых динамичных, а главное — высококонкурентных секторов, что само по себе достаточно редкое явление в нашей экономике. Так каковы же отличительные черты банковской системы, в чем суть и логика процессов, определяющих ее развитие и перспективы?

Во-первых, обозначу некоторые количественные и качественные итоги изменений в банковской системе за последние три-четыре года. Почему происходил рост, каковы его причины, как он сочетается с изменениями в экономике страны в целом. Во-вторых, остановлюсь на перспективах банковской системы в контексте процессов, происходящих в экономике в целом. В-третьих, попытаюсь показать, насколько устойчиво ее развитие и не грозят ли ей какие-либо кризисы. И наконец, коротко скажу о месте самой группы Внешторгбанка на банковском рынке и в экономике страны, а также о наших стратегических планах.

Итак, итоги последних лет. Как я уже сказал, банковская система — один из наиболее быстро развивающихся секторов экономики. Количественный показатель ее состояния — это активы банковского сектора. Причем этот показатель определяется в соотношении с ВВП страны. Так вот, номинально активы банковского сектора за последние четыре года увеличились примерно в три раза, и динамика за первое полугодие показывает, что за 2006 год они возрастут не менее чем на треть. Почему это происходит? Во-первых, сама система стартовала в 2001–2002 годах с очень низкой начальной позиции. В российской экономике, как и в советской, степень развитости банковского сектора, равно как и других видов сервиса — торговли, страхования, прочих услуг, была очень низкой. Именно этим и объясняется очень быстрый рост системы. Сегодня активы всех российских банков — это 45 процентов ВВП страны. Не говорю о США и Германии, скажу о странах Восточной и Центральной Европы, включая Прибалтику, где доля банковских активов в ВВП составляет от 55 и выше процентов. То есть мы идем за Восточной Европой и Прибалтикой с определенным лагом примерно в 3–5 лет, и я думаю, что в ближайшее время сохранится тенденция

*Михаил Задорнов,
президент-председатель
правления
Внешторгбанка-24*

последних четырех лет, и доля банковских активов в валовом продукте страны будет каждый год увеличиваться на 3–4 процентных пункта.

Во-вторых, мы наблюдаем в нашей стране потребительский бум. Он продиктован целым рядом причин и имеет ряд следствий. В России в среднем реальные доходы людей растут примерно на 8–9 процентов в год. Эти доходы очень неравномерно распределяются, но они достаточны для того, чтобы определенные социальные слои получили доступ к новым для них видам товаров и услуг, что неизбежно влияет на их предпочтения как потребителей. Достаточно сказать, что только за первое полугодие 2006 года наши граждане официально купили 400 тысяч импортных автомобилей. За весь прошлый год – 250 тысяч, а три года назад эта цифра была примерно 80–100 тысяч. Это ведет к достаточно серьезному изменению структуры автопарка. Она и дальше будет меняться, но уже в пользу импортных автомобилей, в том числе произведенных в России. Растет спрос на определенные виды потребительских товаров, прежде всего бытовой техники. И то же самое относится к предприятиям. До определенного момента в структуре их инвестиций около 60 процентов составляли собственные средства, то есть прибыль и амортизационные отчисления. Сейчас объем инвестирования за счет займов растет, хотя еще очень медленно и с низкой долей банковского капитала и заимствований на финансовых рынках в общем объеме инвестиций.

Таким образом, качественные изменения в поведении людей создают и уже создали за последние годы пространство для развития банковской системы.

Наконец, третье. Произошел ряд серьезных качественных изменений в сфере надзора за деятельностью банков. В 90-е годы регулирующие структуры, прежде всего Центральный банк, не уделяли столь пристального внимания развитию системы банковского надзора. Многие банки имели фиктивный капитал, осуществляли небанковские операции, наблю-

дались массовые случаи нарушения законодательства, то есть банки являлись главным звеном в цепочке ухода от налогов, серого импорта, иных нарушений. Все это отчасти существует и сегодня, но все же нельзя не отметить некоторые позитивные изменения последних лет. Так, произошло событие, которое само по себе не должно было вызвать качественных изменений – был принят закон, регламентирующий доступ в систему страхования вкладов. Но одновременно с этим законом, который был направлен на то, чтобы создать определенные гарантии для частных вкладчиков, Центральный банк на основании закона, во-первых, ужесточил надзорные требования к банкам и, во-вторых, критерии отбора в систему страхования частных вкладов. В результате примерно 300 банков не попали в систему страхования. Они получили лицензию страхования только на работу с предприятиями, а их вкладчики – определенный сигнал. Помимо этого Центральный банк стал работать не просто по формальным документам, а требовать наличия реального капитала, четкого соблюдения нормативов. В результате этого некоторые собственники банков были вынуждены вложить в активы реальные деньги, а некоторые – продать свои банки. То есть они вынуждены считаться с абсолютно новыми правилами игры, что привело к качественным изменениям в самом секторе и ускорило в нем консолидацию капитала.

Вот эти причины, а именно органический рост с низкого стартового уровня, рост вместе с экономикой, которая диктует спрос на банковские услуги как со стороны предприятий, так и со стороны населения, и изменения в надзорных требованиях подтолкнули развитие. А теперь сравним наш финансовый сектор с другими странами.

Есть две модели конструкции финансовых и банковских рынков. Одна модель европейская, когда, по сути, кредитование экономики прежде всего строится через систему банков, в том числе и привлечение средств предприятиями через фон-

довый рынок, потому что в Европе никогда не было разделения между институтами фондового рынка и банковскими. Так вот, в Европе совокупные активы всех европейских банков (напомню, европейская экономика суммарно меньше американской) составляют 28 триллионов долларов. И их активы в 3 раза больше, чем капитализация европейского фондового рынка. Это, по сути, банковская форма кредитования развития экономики и населения. И есть американская модель. Все активы американских банков составляют 8,5 триллиона долларов. То есть их суммарные активы в 3,5 раза меньше европейских. Но зато американский фондовый рынок вдвое больше, чем американская банковская система. Это — американский путь, когда средства инвестируются в основном с фондового рынка. Мы же, как всегда, пошли своим путем. Я не буду вдаваться в предысторию и говорить о борьбе по этому поводу разных консультантов, отмечу лишь, что у нас до сих пор банковское законодательство и законодательство фондового рынка продолжают формироваться. При этом банковское законодательство создавалось по европейской модели, а фондовое развивается по американской. Может быть, это и хорошо, но объективно в финансовом секторе до последнего времени у нас доминировала банковская система. Размеры всех активов российской банковской системы всего 400 миллиардов долларов. А капитализация фондового рынка составляет порядка 600 миллиардов. Так что, я думаю, понятна та отметка, на которой мы находимся.

Следовательно, когда мы оцениваем степень развития наших финансовых институтов, я на этом чуть позже остановлюсь, то должны сравнивать себя с иной группой стран — с Китаем, Индией, Турцией и Бразилией. Мы находимся в этом ряду.

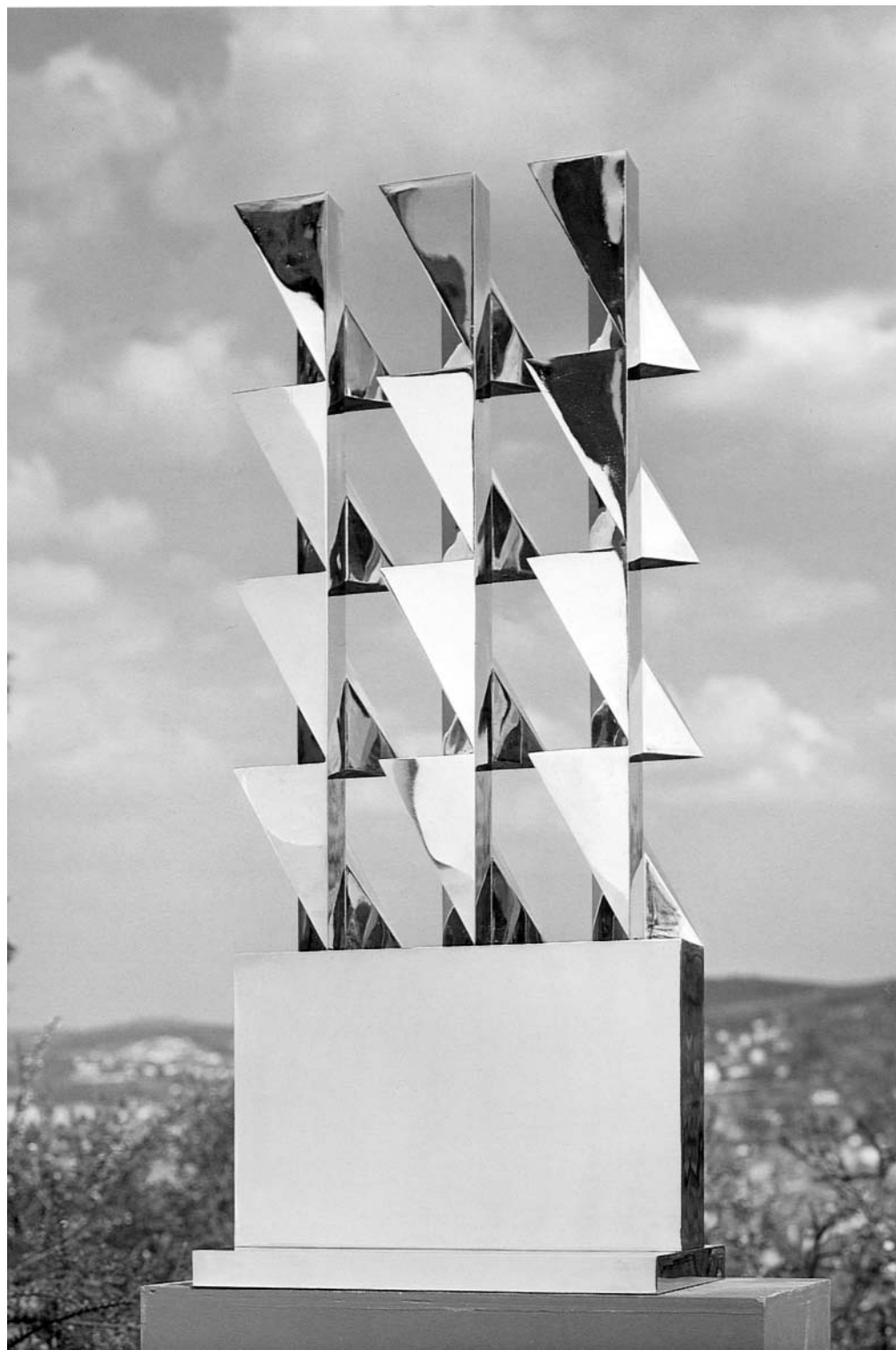
Какие качественные изменения еще можно отметить? Во-первых, в работе бан-

ковской системы происходит сдвиг в пользу кредитования физических лиц. Этот сдвиг привел к тому, что, скажем, четыре года назад в совокупном портфеле активов Сбербанка кредиты населе-

*Если цены на нефть серьезно упадут,
для банковской системы это будет
существенная проблема*

нию составляли всего 4 процента, сегодня — 25. Четыре года назад в портфелях всех банков, суммарно, доля кредитов населению была примерно 8 процентов, сегодня, я думаю, к концу года она составит 25 процентов. Таким образом, за счет стремительных темпов роста кредитование населения намного опережает рост других активов. Начиная с 2003 года, каждый год объем потребительских кредитов удваивается. Это первая тенденция, она качественно очень важна.

Второе. Зарубежные банки, которые в начале девяностых годов пришли на российский банковский и страховой рынки, после кризиса 1998-го, естественно, снизили активность. Был период, когда доля иностранного капитала в банковской системе снижалась ниже отметки в 4 процента. Однако в последние два года здесь наметилась очень важная тенденция: иностранный капитал снова приходит на российский банковский рынок, и к началу 2006 года его доля в капитале банковской системы достигла примерно 9,3 процента. Это достаточно много, и можно ожидать, что эта доля будет расти и дальше. Я считаю, что это чрезвычайно позитивная тенденция. Это современные банковские технологии, это другой уровень сервиса, это опыт столетнего развития зарубежной банковской системы. Иностранцы фактически полностью взяли под контроль все финансовые рынки Восточной Европы, например, банковская и страховая системы Венгрии и Польши полностью контролируются иностранным капиталом. В Чехии процент «иностранцев»

Генри Мур. Внутренние и внешние формы. 1953

несколько ниже. В Прибалтике есть и национальные банки, но в основном там доминируют банки скандинавских стран.

Третий, принципиально важный момент: если два года назад все крупные отечественные банки предпочитали работать в Москве, Петербурге и еще в 3–4 больших городах, то сейчас они смещаются в регионы. Это стратегия не только нашей группы, но и еще полутора десятков финансовых институтов — массовое открытие их филиалов в регионах. Полтора-два десятка банков скоро откроют свои отделения в каждом городе с населением более 200 тысяч человек. Все это сопровождается качественным улучшением услуг и снижением процентных ставок по кредитам. Известно, что еще три года назад человек не мог взять ипотечный кредит дешевле, чем под 18–20 процентов в рублях, а сегодня в результате роста конкуренции ставки снизились до 12 процентов годовых в рублях, а в валюте приближаются к 9 процентам, то есть ипотека становится гораздо более доступной услугой. Причина одна — конкуренция, которая заставляет улучшать условия кредитования.

Скажу в этой связи о потребительском кредитовании, которое также становится все более массовой услугой для населения страны. На начало 2006 года суммарные кредиты населению составляли у нас 5 процентов ВВП, к концу года эта цифра, я думаю, достигнет 8 процентов. Для сравнения: в США — 100 процентов! В Германии потребительское кредитование, включая ипотеку, это 62 процента без учета средств на кредитных картах. Если же мы возьмем упомянутые мной Бразилию, Индию, Китай, Турцию, то там доля потребительского кредитования составляет от 4 до 14 процентов ВВП, то есть мы находимся по этому показателю четко посередине этого ряда стран.

Что сейчас делают глобальные игроки, я имею в виду крупные транснациональные банки? Они считают, что семья может стать потенциальным клиентом банка, если имеет совокупный доход, равный 10 тысячам долларов в год. Они подсчитали, что в ближайшие 5 лет таких семей в ми-

ре появится примерно 75–77 миллионов, и видят для себя приоритетными как раз те страны, где прирост количества таких семей будет максимальный. При этом главный рынок, конечно, китайский, потому что там быстро растет количество семей данной категории, но Россия также входит в число стран, которые, безусловно, привлекательны с точки зрения развития этих услуг. Кстати, развивая сейчас розничный бизнес, ВТБ-24 также ориентируется на целевую аудиторию с доходом на члена семьи более 500 долларов в месяц, то есть мы выходим на те же самые 10 тысяч долларов на семью в год.

Какими финансовыми моделями пользуются наши граждане, когда у них появляются избыточные средства? Назову три основные традиционные формы их поведения на финансовом рынке: сберегательные вклады, в меньшей степени размещение средств в инструменты фондового рынка и хранение наличных денежных средств — рублей, долларов, евро и т.д. — вне банка. Но в последнее время наметилась еще одна тенденция — инвестиции в недвижимость. С мая 2005 по май 2006 года население вложило примерно триллион рублей в эти три формы сбережения, тогда как в недвижимость за этот же период — триллион двести миллиардов, то есть очевидно явное предпочтение, которое граждане отдают недвижимости. Порядка 55 процентов денег население вкладывает в недвижимость в разных формах, а на все сферы финансового рынка приходится 45 процентов средств граждан. Думаю, это достаточно устойчивая тенденция.

Еще одна качественная тенденция, которую я хотел бы отметить: люди избавляются от иностранной валюты. Они ее продают или кладут на счета. При этом доля валютных вкладов упала сегодня до 20 процентов от общего объема вкладов населения. Последние 3–4 года реального и номинального укрепления рубля по отношению к доллару привели к тому, что валюта вымывается как средство сбережения. Но здесь существуют значительные региональные различия. Напри-

мер, 56 процентов всех вкладов в валюте держит Москва, еще 16 — Московская область, то есть примерно 70 процентов всех валютных вкладов сосредоточены в этом регионе, а на рублевых счетах находится всего 14 процентов средств. Валютными зонами, кроме Москвы и Московской области, являются также Петербург, Татарстан и Башкирия. А в рублевых зонах за последние 2–3 года практически 95 процентов кредитов берут в рублях и в рублях же номинируется недвижимость. При такой динамике, на мой взгляд, будет происходить переориентация на рубль и в двух столицах.

Чего нам ожидать? Во-первых, нельзя забывать, что рост доходов населения за последние 5–6 лет происходит благодаря высоким ценам на нефть и металлы. Но это не значит, что не может произойти очередного падения цены на нефть. Сейчас все говорят, что в ближайшие 3–4 года существующая тенденция сохранится. И я с этим, в общем, согласен. Но хочу напомнить: в начале 1999 года, когда цена на нефть была 9,5 доллара за баррель, те же самые агентства и эксперты инвестиционных банков, что и сегодня, говорили нашим нефтяникам и правительству Российской Федерации, что и в следующие 5 лет ее цена будет в пределах 6 долларов за баррель. И даже предлагали на 4 года остановить ее добычу в Сибири, полагая, что вся нефть будет добываться в Саудовской Аравии или на Ближнем Востоке, где себестоимость ее добычи была 2 доллара за баррель, а у нас тогда порядка 6–7 долларов. Я это говорю к тому, что сегодня мы балансируем наш бюджет исходя из 34–36 долларов за баррель. А если цена на нефть упадет ниже этой отметки?..

Но как бы то ни было, при благоприятных предпосылках можно ожидать, что при росте экономики на 5,5–7 процентов в среднем в год за следующие 4 года наша банковская система будет расти: ее активы к 2010 году составят 60–65 процентов ВВП, а совокупный капитал российских банков примерно 9 процентов ВВП, при нынешних примерно 5,6 процента.

Более серьезными, с моей точки зрения, будут и качественные изменения банковской системы. Во-первых, произойдет ее консолидация. Сегодня лицензию на работу с физическими лицами имеют примерно 900 банков, и их количество сократится на несколько сотен. Во-вторых, в результате консолидации возникнет порядка 20 или даже 10 крупнейших банков, которые очень существенно оторвутся от остальных. Небольшие региональные банки будут работать на конкретные предприятия или обслуживать средний бизнес, розничных вкладчиков в регионах, однако у них будут очень ограниченные перспективы роста в сравнении с ведущими игроками. Третье. Как сегодня выглядит банковская сфера с точки зрения природы активов? Примерно 40 процентов активов принадлежат государству. Примерно 27 процентами владеет Сбербанк, группа ВТБ имеет примерно 8 процентов активов, еще есть «Внешэкономбанк», «Российский банк развития», «Россельхозбанк». В целом же, повторяю, около 40 процентов всех активов — это доля государственных банков. Но и здесь произойдет тоже определенная консолидация: я думаю, часть специализированных банков будет выполнять функции агентств, а два основных игрока — Сбербанк и ВТБ — сохранят и даже усилят свои позиции.

Еще одна важная тенденция, о которой я упоминал, участие в нашей банковской системе иностранного капитала. В ближайшие пять лет, если нынешний рост доходов будет продолжаться, я думаю, доля иностранного капитала в российской банковской системе может увеличиться до 25–35 процентов за счет игроков, которые уже присутствуют на рынке, или новых участников. И произойдет это за счет банков, в капитале которых государство не является доминирующим акционером. Сейчас частные средства составляют примерно 50 процентов всего банковского капитала. Однако новая ситуация заведомо вынудит значительную часть собственников в банковском секторе продать свои активы прежде всего приходящим на этот рынок иностранным инвесторам.

ранцам, либо они будут поглощены более крупными игроками, что приведет в итоге к серьезной концентрации средств.

Вместе с тем ментальность людей, принимающих решения в России, позволяет предположить с высокой долей вероятности, что банковский рынок не должен быть отдан иностранцам, и поэтому у нас их доля никогда не будет такой высокой, как, скажем, в Польше или в Венгрии, где она достигает более 80 процентов. К тому же это сильно затронуло бы интересы российского частного капитала, с одной стороны, и государства в банковской сфере — с другой.

И еще одна тема, касающаяся банковской системы, — возможность каких-либо кризисных явлений. До тех пор пока цены на энергоносители не упали, система будет расти, и то, что порой говорят в этой связи о проблеме невозврата потребительских кредитов, — это просто от непонимания ситуации. Даже те банки, у которых проблема невозвратов, как может показаться, стоит достаточно остро, уже давно все отыграли за счет повышенных ставок и, в общем, спокойно могут списать свои долги. То есть это проблема управления рисками, структуры активов. Возможно, конечно, банкротство отдельных банков, потеря лицензии, но в системе страхования вкладов сейчас достаточное количество денег и вкладчикам их деньги, безусловно, вернут, даже если будут какие-то небольшие локальные кризисы.

Однако, что все же случится, если цены на нефть серьезно упадут? Это тема отдельного разговора, но, безусловно, для банковской системы это будет существенная проблема. Особенно для тех банков, где не оптимизированы балансы. Но в целом, тенденции будут следующие: будет расти конкуренция, особенно в регионах; будут улучшаться услуги, потому что только с помощью этого можно конкурировать; будут несколько снижаться ставки кредитования и, как я уже сказал, валютные кредиты и депозиты будут вытесняться рублевыми; население будет более ак-

тивно использовать инструменты фондового рынка.

И в заключение два слова о том, как планирует развиваться группа ВТБ. Стратегия абсолютно четкая и понятная — увеличить к 2010 году долю рынка до 10 процентов, как в сфере корпоративного кредитования, так и в области кредитования частных лиц. Это целевая установка будет достигаться с помощью четкой специализации. Сам ВТБ — это корпоративные и инвестиционные услуги, а ВТБ-24 — ипотека, малый бизнес, розница, то есть работа с населением. Четкая специализация и стремительное расширение сети должно нам позволить занять названные 10 процентов рынка к 2010 году. На сегодняшний день, если говорить, например, об ипотеке, то наша рыночная доля уже составляет 10 процентов, примерно 5–6 процентов рынка мы занимаем в сфере кредитования малого бизнеса, по вкладам населения — около 5 процентов. По остальным направлениям несколько отстаем, поэтому задача создания ВТБ-24, собственно, и заключалась в том, чтобы продвинуть те розничные услуги, которые в рамках всей группы ВТБ имели периферийное значение и отставали с точки зрения развития. Вторая принципиальная задача — сделать банк представителем нашего бизнеса за границей. Существуют семь росзагранбанков еще с советских времен. Сейчас они преобразуются в дочерние банки ВТБ-Европа, штаб-квартира которого будет в Лондоне и девять его отделений в разных западноевропейских странах. Будут также в девяти странах СНГ свои дочерние банки. И наконец, будут созданы банки в Китае, Индии, Венесуэле, есть банки в Сингапуре, во Вьетнаме и Анголе. То есть третье направление экспансии группы ВТБ — это поддержка нашего бизнеса на наиболее быстрорастущих рынках.

Таковы, собственно говоря, основные задачи группы. Все это вместе отражает наше стремление занять в банковской системе прочное второе после Сбербанка место в среднесрочной перспективе.

*Константин Косачев,
председатель Комитета по
международным делам
Государственной думы ФС РФ,
вице-председатель ПАСЕ*

Национальные интересы России и внешняя политика

Все, что сегодня происходит в мировых делах и во внешней политике России, у каждого на виду и на слуху. Поэтому попытаюсь ответить на вопрос, почему происходит именно так, а не иначе.

В дискуссиях по поводу внешней политики, как в профессиональных кругах, включая Государственную думу, так и на бытовом уровне, у нас по-прежнему борются друг с другом два разных концептуальных подхода к тому, как обеспечивать национальную безопасность России.

Первая концепция, традиционная. В упрощенном виде ее суть состоит в следующем: национальная безопасность страны может быть обеспечена только в том случае, если она сильна экономически, политически и, безусловно, в военном отношении.

Вторая концепция, оспариваемая первой, появилась не так давно. Она сложилась по итогам Второй мировой войны и заключается в попытке обеспечить национальную безопасность стран через взаимопроникновение интересов, сотрудничество и интеграцию. Эта модель была блестяще апробирована на практике Францией и Германией, которые на протяжении веков исповедовали первую концепцию — опору на силу, являлись непримиримыми соперниками, врагами, время от времени отвоевывая друг у друга Эльзас. Но только после создания Европейского объединения угля и стали (1951), когда сотрудничать оказалось гораздо перспективнее, чем пытаться стать сильнее соперника, это соперничество прекратилось. Сейчас Эльзас не чувствует себя прифронтовой зоной не потому, что у Франции есть ядерное оружие, которым она может отбить любые претензии на свои пяди земли. И не потому, что Германия чем-то отличается в смысле своего военного или промышленного развития, а потому, что силовой конфликт оказывается бессмысленным, если есть возможность договориться.

Вот эти две концепции и присутствуют в наших внешнеполитических дебатах. Есть известный подход наших либералов, достаточно активно применявшийся на протяжении девяностых годов. Так называемая внешняя политика Козырева — это одна крайность: попытка максимально раскрыться окружающему миру в расчете на то, что взаимные интересы окажутся сильнее и в конечном итоге будут работать в том числе и на национальные интересы. Противоположную же крайность исповедуют наши изоляционисты, прежде всего в лице так называемых

патриотических партий. Они постоянно эксплуатируют идею, что у России в окружающем мире нет и не может быть союзников, что есть только соперники, а большей частью противники, что любые действия наших внешних партнеров заведомо направлены против интересов России. Поэтому почти любое событие международной жизни трактуется изоляционистами как угрожающее интересам России и требующее адекватной реакции.

Таковы две противоборствующие точки зрения. Не буду доказывать, что крайности никогда не приводили к успеху и истина, как всегда, где-то посредине. Скажу лишь, что они соревнуются между собой за «ухо» президента, который у нас по Конституции определяет в том числе и внешнюю политику страны. И, на мой взгляд, президент свой выбор сделал в пользу второй, интеграционной, а не в пользу конфронтационной модели взаимодействия с окружающим миром, но при четком осознании национальных интересов России и намерении их не менее четко и последовательно отстаивать.

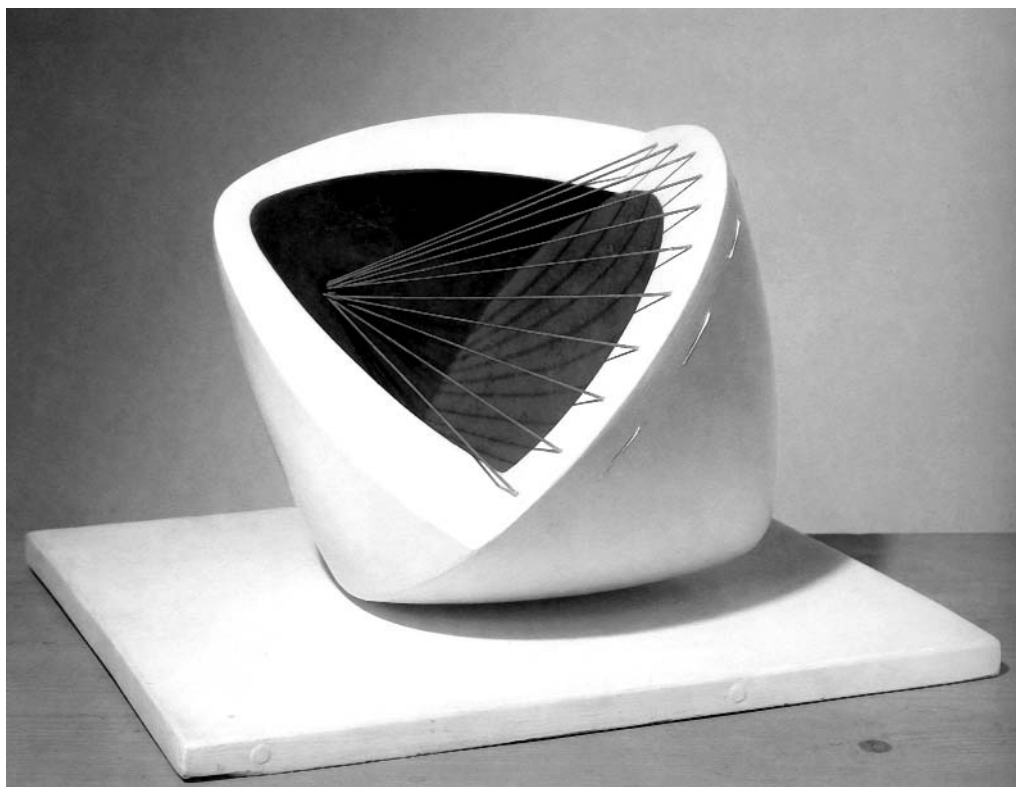
Получается это или не получается? Скорее нет, чем да. Российскую внешнюю политику сегодня, хотя она не статична, я назвал бы скорее неэффективной, чем эффективной по той простой причине, что пока она мне лично представляется в значительной степени реактивной. Мы все время, как правило, только реагируем на действия наших партнеров. Расширяется НАТО, появляются военные базы в Средней Азии, происходит еще что-то, и мы, хватаясь за голову, думаем, как противостоять очередному якобы коварному замыслу наших соперников вместо того, чтобы проявлять инициативу. Наша внешняя политика, хотя мы к этому стремимся, очень редко оказывается активной, а именно — способной формировать окружающий мир по модели, которая отвечала бы нашим интересам.

Почему так происходит? Потому что, как ни парадоксально, возможно, это прозвучит, она не имеет ясно выраженных внешних интересов. А между тем Россия — это страна, два процента населения которой занимает примерно тринадцать процентов мировой суши, не говоря уже о наших возможностях для внутреннего развития.

Реальные внешние интересы появляются, на мой взгляд, когда возможности для внутреннего развития уже исчерпаны. В чем же эти внешние интересы могут проявляться и проявляются сегодня в действиях других ведущих держав мира?

Это может быть обеспечение рынков сбыта для собственной продукции, когда внутренний рынок уже освоен. Например, германской промышленности, чтобы развиваться, крайне важно в этой связи продавать по всему миру свои «мерседесы». Для Франции столь же важна ее авиационная промышленность. У России же такого явно выраженного внешнеэкономического интереса пока нет, поскольку отечественная продукция, во-первых, увы, мало конкурентоспособна. А во-вторых, потому что наш внутренний рынок не до конца насыщен, и задача реализовать где-то в мире, скажем, «жигули» существует лишь в умах наших автомобилестроителей. Отсутствие позитивного интереса к бизнесу со стороны российского населения, на мой взгляд, и объясняет в значительной мере пассивность нашей внешней политики.

Другой не менее естественный внешний интерес, влияющий на характер внешней политики, — поиски сырья для развития экономики. Скажем, те же Соединенные Штаты постоянно пытаются использовать те или иные ситуации в мире в интересах более устойчивого снабжения своей эконо-

Отто Херберт Хайек. Ворота пространства. 1965

мики ресурсами. Китай, подписывая на любых условиях контракты, подобно огромному пылесосу высасывает из всего мира нефть, газ, электроэнергию, потому что без них его экономика просто-напросто встанет.

Такого внешнего интереса у России тоже нет, потому что, слава богу, судьба наградила ее неисчерпаемыми природными ресурсами. Хотя я считаю, что это скорее минус, а не плюс для российского развития, но это тема для отдельной дискуссии.

И еще один, третий внешний интерес – обеспечение собственной безопасности, когда страна, опасаясь внешней агрессии, ищет место в тех или иных военно-политических союзах. Например, государства Балтии, воспринимая Россию как военную угрозу, стремительно уходят на так называемый Запад, в частности вступают в НАТО. То же пытаются сделать Грузия, может быть Украина, другие страны, правильно или нет оценивая внешнюю угрозу. И такого внешнего интереса у России тоже нет, потому что это большая страна с ядерным оружием и самодостаточная с точки зрения обороноспособности.

Этот перечень факторов можно продолжать, но, на мой взгляд, им можно и ограничиться, чтобы продемонстрировать, что в действиях многих наших партнеров, вне зависимости от политической прозорливости лидеров и искушенности политиков, присутствуют, как правило, некие реальные интересы, которые предопределяют существо, направленность и степень активности их внешней политики. Россия же действует обычно спонтанно: либо чтобы продемонстрировать свой флаг, к чему у нас есть

привычка еще со времен Советского Союза, либо так, на всякий случай, предполагая, что вдруг какая-то ситуация станет развиваться без ее участия и без нее что-то поделят или решат. То есть нашим действиям не хватает более содержательного мотива.

Приведу пример. Когда мы участвуем, предположим, в ближневосточном «квартете», то делаем это, безусловно, исходя из гуманистических соображений: глубоко сочувствуя народам и конфессиям, которые находятся в неразрешимом тысячелетнем противоречии друг с другом, нам очень хочется способствовать миру на этой истерзанной земле. Не надо это недооценивать. Но уместно задать вопрос людям, которые реально определяют нашу внешнюю политику: а что мы еще там хотим? Хотим ли мы мира или войны? Ведь вроде бы чем там лучше, тем ниже цены на нефть. Что России интересно? Трудно сказать, думает ли кто-то в таких категориях. Или ситуация на Балканах: почему мы были на стороне Сербии? Выясняется, что и в этом случае нами двигали какие-то достаточно поверхностные соображения: там, мол, братья славяне, они такие же православные, как и мы, а что еще? А никаких других, более прагматичных интересов за этим не скрывается.

И, продолжая, то же самое я бы сказал и о нынешних конфликтах на постсоветском пространстве. Например, ситуация с Южной Осетией или с Абхазией. Безусловно, есть очевидные соображения, которые не позволяют России действовать иначе, чем она действует. В случае с Южной Осетией речь идет о разделенном народе, и российское руководство в своих действиях находится под очевидным давлением со стороны жителей Северной Осетии, которые хотят воссоединиться с Южной Осетией, приводя в пользу этого огромное количество аргументов. Но что России важнее — контроль над любой территорией, входящей де-юре в состав Грузии, или дружественная Грузия, которая, я думаю, охотно согласится на пребывание российских баз на своей территории, всегда будет помощником в противодействии терроризму, будет участвовать в транспортных, энергетических, каких угодно инфраструктурных проектах?

У меня нет ощущения, чтобы кто-то сейчас в нашей политической элите всерьез взвешивал плюсы и минусы того или иного варианта развития событий. И собственно поэтому, являясь заложниками инерции мышления, мы действуем так, а не иначе.

Подчеркну, что при этом я не ставлю под сомнение нынешнюю линию поведения России в конфликтных регионах. Я ставлю под сомнение продуманность и обоснованность этой линии. Может быть, продуманная и обоснованная, она окажется ровно такой же, как сейчас. Я это не исключаю, я говорю и спрашиваю о другом.

Как нам преодолеть существующую ситуацию? То есть сделать внешнюю политику более осознанной и более прагматичной?

Известно, что наш президент — и, я думаю, руководитель любой другой страны — в своих действиях неизбежно находится под давлением, как правило, трех основных групп интересов или групп влияния. Первая — это профессионалы. В сфере внешней политики это дипломаты, военные, сотрудники спецслужб. Словом, все, кому государство платит за то, чтобы они занимались этой работой. Вторая группа — неправительственные организации, ученые, деятели культуры, то есть люди, которым внешняя политика просто интересна по тем или иным причинам; все, кто имеет гражданскую позицию по этим вопросам, включая, безусловно, и средства мас-

совой информации. И наконец, третья группа – это, разумеется, представители бизнеса. В российской внешней политике этот фактор, пожалуй, отсутствовал на протяжении всех девяностых. Сейчас он становится все более весомым, по мере того как наше бизнес-сообщество консолидируется и обретает собственные интересы, в том числе и за рубежом.

Но в России пока отсутствует площадка на системном, государственном уровне для обсуждения названных групп интересов. Нынешняя система принятия внешнеполитических решений сохраняет спонтанность и лишена здоровой амбициозности.

Вообще, любая система, например бизнес, работает хорошо, когда процесс управления разбит на три стадии: постановка стратегической задачи, определение путей ее реализации и исполнение. И я предпочел бы такую же схему в нашей внешней политике, когда президент формулирует, скажем, некую задачу, исходя из высших национальных интересов страны. Условно говоря, должна, например, Белоруссия стать субъектом Российской Федерации или, наоборот, в наших высших интересах она должна сохранять свой суверенитет, но при этом быть союзным России государством. Или существует какой-то третий или четвертый вариант. Но тогда он должен быть сформулирован, должна быть понятна конечная цель. И то же самое относится к Абхазии, Южной Осетии, Нагорному Карабаху, Северной Корее, Ирану..

Затем, когда сформулирована задача, наступает следующий этап. В соответствии с нашей системой государственного управления, в основном прописанной в Конституции, по идее на этом этапе распределение ролей должно происходить в Совете безопасности. То есть именно там должно быть сформулировано, что реализацией такой-то задачи будет заниматься МИД, бизнес будет заниматься другой задачей, а военным предстоит то-то. И только после этого все эти компоненты сосредотачиваются в МИДе, который координирует направления реализации внешней политики.

Так в идеале должна выглядеть эта система, но в России она не действует. Как человек, пятнадцать лет проработавший в Министерстве иностранных дел, потом в правительстве, а теперь находясь в Думе, могу сказать, что она выглядит достаточно примитивно. Все равно всем занимается Министерство иностранных дел, которое, изучив какую-то ситуацию, докладывает президенту оптимальную, опять же с точки зрения МИДа, схему действий, которая, как правило, безальтернативна, хотя, наверное, и согласуется с каким-то заинтересованным ведомством. Президент же, как правило, соглашается с действиями по предложенной схеме, и машина начинает крутиться. Но когда даже уважаемое ведомство само для себя формулирует задачу, понимая, что оно ее и будет исполнять, ясно, что эта задача никогда не будет амбициозной, а тем более не выйдет за рамки возможного. В силу этого наша внешняя политика и оказывается раз за разом весьма реактивной. Мы по-прежнему действуем исходя из принципа: как бы не ошибиться и не получить за это выговор, а не из стремления к максимальной реализации национальных интересов.

Не хочу утверждать, что ситуация беспросветна. В последние год-два в нашей внешней политике наблюдаются серьезные перемены, и некоторые из них я даже готов отнести к проявлению активности. К таким примерам я бы отнес Шанхайскую организацию сотрудничества, которая очень быстро набирает обороты, договор о строительстве Северо-Европейского

газопровода, а до этого сооружение Северо-Балтийской трубопроводной системы. В этом же контексте могу назвать наши последние договоренности с Китаем в сфере нефти и газа и не в последнюю очередь — поставок электроэнергии. Не очень широко известно, что в ходе визита В. Путина в Китай в марте 2006 года была достигнута договоренность об экспорте примерно десяти гигаватт электроэнергии. Но чтобы удовлетворить эти потребности, нам необходим прирост генерирующих мощностей в Сибири и на Дальнем Востоке на сто пятьдесят процентов.

Это, на мой взгляд, прорывное решение по целому ряду причин. Во-первых, мы до сих пор почти не экспортировали электроэнергию. Всего два процента — в основном в Финляндию. Поэтому когда мы говорим, что Россия держава энергетическая, это не совсем точно. Пока мы поставляем главным образом сырье для производства электроэнергии и других видов энергии. Во-вторых, при этом появляется колоссальный стимул для развития Сибири и Дальнего Востока — в силу необходимости строительства объектов производства как атомной энергии, так и традиционных ее видов. И наконец, в-третьих, что очень важно, это стратегический фактор в развитии наших отношений с Китаем.

Я убежден, что никакая внешняя политика, ни сильная, ни слабая, не делают страну более сильной или слабой. Нас будут уважать либо не уважать прежде всего в зависимости от того, как мы будем развиваться. То есть какой у нас будет экономика, политическая система, как будут проходить выборы, развиваться наука, искусство. Вот после того как это изменится, даже слабая внешняя политика не сможет испортить имидж страны.

По моим наблюдениям, мир знает две успешные модели консолидации настроений, существующих в обществе по вопросам внешней политики. Одна модель свойственна странам с развитой многопартийной системой, когда та или иная партия имеет собственную внешнеполитическую платформу, идет с ней на выборы и, победив, начинает ее реализовывать. На мой взгляд, это нормальная модель, но у нас, к сожалению, она пока не работает, потому что нет сильных политических партий, а те партии, которые претендуют на звание сильных, не занимаются внешней политикой. Во время избирательных кампаний люди, как правило, говорят — и абсолютно обоснованно — про пенсии, зарплаты, про экологию и в гораздо меньшей степени про внешнюю политику. Потому что это что-то отдаленное. Скажем, людям, живущим в Красноярске или во Владивостоке, не очень интересно, существует Северо-Европейский газопровод или нет. Профессионалы понимают, насколько это важно, а остальным гораздо важнее, придет ли газ в их деревню и если придет, то когда?

Приведу один поразивший меня опрос РАМИРа. Правда, ему уже около года. Людям задавали вопрос, какая проблема беспокоит их больше всего в жизни? На первом и последующих местах — вовремя выплачиваемые пенсии, зарплаты, естественно борьба с коррупцией, преступность, Чечня и даже экология. А проблема демократии оказалась на восемнадцатом месте. Всего три процента. По этому поводу можно сокрушаться, но нужно это понимать.

И в заключение, возвращаясь к внешней политике, еще несколько слов об аналитическом центре, где могли бы вестись дискуссии в поисках выработки внешнеполитических решений. В США, например, существует огромное количество самых разных научно-исследовательских институтов, финансируемых в том числе и за счет бюджета; какая-то часть из них политически ангажирована, какая-то не ангажирована, но между ними постоянно идет конкуренция и предлагаются разные идеи относительно национальной внешней политики. А у нас в обозримом будущем, пока не сложится реальная многопартийная система, рассчитывать на появление такой конкуренции едва ли оправданно.

*Ли́ка Ры́гина,
научный сотрудник Центра
социальной политики
и гендерных исследований
(Саратов)*

От точечного антитерроризма к глобальному [контр]террору

*Не так страшен черт,
как (те, кто) его малюют.
Постнародный фольклор*

Смысл этих заметок в попытке оценить адекватность угроз и вызовов со стороны глобального терроризма системам безопасности национальных государств. Привлекая интеллектуальный инструментарий постмодернистской и постфеминистской теории я хочу обратить в этой связи внимание на традиционный характер организации террористических сетей.

Гибель 11 сентября 2001 года двух нью-йоркских небоскребов потрясла мир, озадачила военно-политические ведомства и побудила ученых разных стран попытаться понять характер новых вызовов сложившемуся миропорядку. Оформленный в теоретико-философских и исследовательских трудах, закрепленный в американской военно-политической доктрине разных лет* взгляд на эти вызовы сводится прежде всего к угрозам со стороны «слабых» участников международных отношений – всевозможных террористических, криминальных и иных объединений, представленных в дизайне сетевых структур и/или систем. Политические лидеры и эксперты в области безопасности пишут в этой связи о наступившей эре «асимметричной» и «сетевой» борьбы, в которой используются различные, порой и нетрадиционные, но не менее действенные методы и средства вооруженной борьбы, появившиеся благодаря информационно-технической революции**.

Сетевая война и террористические сети сегодня стали темой дня, фреймом академических диспутов и политических решений. Международный терроризм опознается в них как SPIN – в виде текучих, динамически развивающихся и расширяющихся, самоуправляемых, сегментированных организаций, объединенных на основе

* См., например: «Единая перспектива» (Joint Vision 2010, 2020) – программный документ военного ведомства США.

** См.: Т.А. Мешкова. Эра асимметрии и сетей в международных отношениях. Доклад на конференции «Международные отношения в эпоху глобальной информатизации». – М., 2002.

структурных, личных и идеологических связей*. Сложность совладания с такого рода организациями состоит в том, что привычные государственные структуры, ориентированные на традиционные построенные на субординации методы управления, оказываются «обречены на асимметрию» при встрече с новым типом противника, обладающим организационными и другими ресурсами, которые позволяют ему сохранять высокую мобильность и эффективность в быстро меняющейся обстановке. Кроме того, транснациональный характер действия террористических сетей затрудняет применение уголовного законодательства какой-либо конкретной страны к отдельным участникам сетевых проектов, а значит и предотвращение террористических актов.

Из множества моделей сетей, предложенных аналитиками и экспертами за последние годы, я хочу выделить концепцию Д. Аркилла и Д. Ронфельдта, разработанную в рамках исследовательских проектов RAND-Corporation. Развивая оригинальные идеи на основе результатов собственных эмпирических исследований, привлекая лучшие из уже существующих наработок в области анализа социальных движений, авторы названного проекта фактически задали новый вектор изучения сетей в контексте национальной и международной безопасности. Нельзя не отметить, однако, что ряд базовых положений их объяснительной кон-

цепции исходит из признания гибридно-транзитного характера сетей, допуская комбинацию горизонтальной и иерархической организации и полагаясь на такие традиционные категории как «нарратив» (описание) и «идентичность», а также концепт социального капитала**. Современные информационно-коммуникационные технологии, названные ключевым фактором рождения сетевой морфологии, определяются здесь по большей части инструментом оптимизации (со)общения, а ведь вынесение взаимодействия в виртуальное пространство меняет сам характер социальности и способы, которыми люди мыслят и действуют***.

В этом случае вопрос принципиальной новизны таких сетей остается открытым. Новизны, предлагаемой логикой постсовременности и гипермедиированной реальности, порожденной, как представлено у теоретиков постмодерна, распадом «больших нарративов», на смену которым пришло осознание многоплановости истории: отказом от идеи линейности и поступательного развития в пользу фрагментарности и ситуативности; утратой «реального опыта» и, как следствие, невозможностью различения между аутентичным переживанием и симулякр; релятивизмом, ведущим к снятию традиционных бинарных оппозиций я/другой, разум/тело, культура/природа, реальное/воображаемое, целое/часть, творец/творение, мужчина/женщина, черное/белое, Бог/человек****. В результа-

* Понятие SPIN (*segmented, polycentric, ideologically integrated network*) впервые предложил Luther P. Gerlach в 1970 году.

** Так Т. Даниц и В. Стробел, концептуализируя организацию активистской работы с использованием ресурсов Интернета, подчеркивают значимость общения лицом к лицу, создание условий доверия и уважения между участниками коммуникации [T. Danitz & W.P. Strobel. *Network Dissent: Cyber Activist use the Internet to Promote Democracy in Burma.* – 2001]; Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт убеждают, что традиционный уровень личного доверия и лояльности остается важным и в информационный век. [J. Arquilla & D. Ronfeldt. (eds.) *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy.* – Santa Monica, Calif.: RAND, 2001].

*** Об этом писали, например, С. Брунстинг и Т. Постмес в сравнительном исследовании природы онлайн-нового и офлайн-нового активизма: Интернет трансформирует природу коллективного действия; вынесенное в виртуальное пространство оно в большей степени определяется сознательным расчетом участников движений, чем чувством коллективной идентичности [S. Brunsting & T. Postmes. *Social Movement Participation in the Digital Age: Predicting Offline Collective Action.* // *Small Group Research*, 2002, vol. 33, № 5].

**** См.: J. Baudrillard. *Simulation.* – New York, 1983; R. Barthes. *S/Z.* – New York, 1974; J. Derrida. *Living On. In: Deconstruction and Criticism.* – London, 1979.

те пространство оказывается лишенным локальности, а время становится безвременным континуумом. Субъективность, как и социальная практика, в такой системе координат утрачивают свою фиксированность и прежнее органическое единство, оборачиваясь текучей, перформативной и фрагментарной, то есть гораздо более соответствующей описаниям в виде метафор «номадического субъекта», «киборга» и т.д.*.

Так, киборг в определении Д. Харавей — это постмодернистский субъект, возникший на сломе барьеров между человеком и животным, природой и техникой, реальной социальностью и сферой виртуальных иллюзий. В научной фантастике киборги обычно фигурируют как существа, внешне похожие на людей, действующие во многом подобно людям, но имеющие «электронику под кожей», что и открывает перед ними новые возможности. Однако мир киборгов не ограничивается литературой, считает исследовательница. Генная инженерия, трансплантология, косметическая хирургия, а также современные средства коммуникации (факс, Интернет) делают всех нас в какой-то степени киборгами, оснащая человеческое тело искусственными объектами, «взламывая идентичность органов, нарушая их порядок»**. Потенциал киборга в его новых способностях: высокая интеллектуальная подвижность, культурная всеядность и отстраненность от каких-либо определенных догм, трансгрессивность с ориентацией на создание собственных образцов социальной и телесной активности, способность к расширению и совместимости с множеством оболочек.

Именно сообщество киборгов представляет новую модель «идеальной» сети — непубличной, внетерриториальной, самоорганизующейся системы, основанной на потенциальных связях, актуализирующихся в различных конфигурациях под конкретные проекты; системы полицентричной (или без центральной координации вообще), где горизонтальные коммуникации преобладают над вертикальными. Возможность формирования и расширения такой сети киборгов предоставляет сам характер современной социальности, который Деррида раскрыл через описание [гипер]текста, потенциально открытого для вхождения новых креаторов***, а также для создания «частичных альянсов» — объединений на основе фрагмента идентичности по принципу тождества, а не аналогии****. Эта постчеловеческая «идеальная» сеть и способна, по мнению исследователей, предложить непростые задачи даже сверхсовременным, но все же по большей части ориентированным на человеческий фактор системам безопасности. Что известно о сети киборгов? Не имея определенной локализации, она становится постгендерной ассоциацией, состоящей из субъектов без определенного пола, поскольку утрата [границ] территории на уровне отдельного агента означает здесь утрату тела в его привычной трактовке и, соответственно, систему прописанных социальных кодов, определяющей социальную иерархию***** и ее социальный автоматизм, который «останавливает и замыкает повторения на равновесии»*****. В итоге детерриторизации/утраты телесности традиционные

* См.: G. Deleuze. *Nomad Thought*. — A. David. *The New Nietzsche: Contemporary Styles of Interpretation*. — Cambridge, 1985; R. Braidotti. *Nomadic Subjects. Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory*. — New York, 1994; D. Haraway. *A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century*. // D. Bell, B. Kennedy. (eds.) *The Cybercultures Reader*. — London, 2000.

** О. Горюнова. *Петербург.ru: особенности Net-культуры и искусства*. // *Русский журнал / Net-культура* / 12.01. 2000.

*** См.: J. Derrida, *opus cit*; G.P. Landow. *Hipertext 2.0. The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology*. — Baltimore, 1997.

**** См.: Ch. Sandoval. *Methodology of the Oppressed*. — Minneapolis, 2000.

***** См.: R. Braidotti. *Nomadic Subjects*.

***** О. Сулова. *Тело без тела*. <http://www.tac.spb.ru/cfc/index.htm>

понятия и институты как раз и лишаются властной и распорядительной потенции. Сеть выводит их «в пространство чистых силовых взаимодействий»*.

Обращение к данным и выводам имеющихся исследований в то же время показало, что далеко не все коллективные акторы, обозначаемые современными аналитиками как сети, отвечают определению постчеловеческой и постгендерной коалиции. Так, широко известная Аль-Каида не соответствует критериям «идеальной» сети. Анализ социально-демографических характеристик ее участников и организационной структуры обнаруживает ее сходный по полу состав, а соответствующие публикации в прессе позволяют понять роль и позицию женщин в организациях подобного типа – живых орудий террористической войны, исполнителей терактов, мобилизуемых в основном по линии родственных и личных связей**.

Этот факт имеет вполне очевидное объяснение. М. Киммел в статье «Гендерная мораль и политэкономия терроризма» отмечает, что традиционная гендерная модель мира, подвергшаяся пересмотру в ходе глобализационных процессов, становится сегодня одним из главных организующих принципов местного, регионального и национального сопротивления, выраженного в терминах веры, этничности или национализма. Изучая деятельность экстремистских групп Европы, США и исламского мира, Киммел приходит к заключению, что все они ис-

пользуют «приверженность мужеству» как символический капитал и идеологический ресурс для оправдания своих целей и способов борьбы, конструирования образа врага и вербовки новых сторонников***.

Подобно большинству криминальных групп, молодежных националистических ячеек, локальных религиозно-фундаменталистских движений и других маскулинно-ориентированных объединений, террористические организации производят собственную структуру в режиме более или менее очевидной гендерной субординации****. Из чего можно заключить, что значимость традиционных гендерных ролей, а также ориентация на поддержание определенной идентичности и корпуса религиозно-этнических метанарративов позволяет отнести террористические сети скорее к ранее известной категории диаспор, хотя и в глобальном масштабе.

Тем не менее идея борьбы с неведомыми сетями активно используется некоторыми политическими лидерами и группами влияния ряда стран для оправдания свертывания демократических свобод и милитаризации, а в сфере международных отношений для образования новых военных альянсов, расширения географии превентивного военного строительства и даже для развязывания открытых вооруженных конфликтов, что в стратегической перспективе означает переход от локализованных, точечных антитеррористических атак к глобальному [контр]террору.

* Указ. соч.

** См.: V.E. Krebs. *Unclouing Terrorist Networks*. // *Pre-reviewed Journal on Internet Connection*, 2002, vol. 24, № 3; C. Dickey. *The Women of Jihad*. – *Newsweek*, 12.12. 2005, а также соответствующие аналитические статьи на сайте *World Trade Center/Pentagon Terrorism and the Aftermath*.

*** M.S. Kimmel. *Globalization and its Mal(e)Contents. The Gendered Moral and Political Economy of Terrorism*. // *International Sociology*, 2003, vol. 18, № 3.

**** См. гендерный анализ криминальных групп: T. Newburn & B. Stanko (eds.) *Just Boys Doing Business*. – London, 1994; J.D. Vigil. *Barrio life: Street Life and Identity in Southern California*. – Austin, 1988; A.L. Salagaev & A.V. Shashkin. *Russian Delinquent Gangs: Gender Regime and Masculinities Construction... Report from a Conference in Koge, Denmark (23-24 November 2001)*. – Kobenhavn, 2002; S. Garden. *Street Gangs in America*. – New York, 1992; A. Campbell. *The Girls in the Gang*. – New York, 1984; S. Mydans. *Life in Girl's Gang: Color and Bloody Noses*. // *New York Times*, 29.01. 1990; молодежных националистических ячеек и локальных религиозно-фундаменталистских движений: K.M. Blee. *Becoming a Racist: Women in Contemporary Ku Klux Klan and Neo-Nazi Groups*. – // *Gender and Society*, 1996, 10; S.Z. Zickmund. *Approaching the Radical Other. The Discursive Culture of Cyberhate*. – D. Bell, B.M. Kennedy (eds.) *The Cybercultures Reader*.

Публикуемый материал – восьмая глава доклада Трехсторонней комиссии «Новая помолвка с Россией», подготовленного международным коллективом экспертов в составе: Родерик Лайн (посол Великобритании в России, 2000–2004 гг.), Строби Талботт (заместитель госсекретаря США в администрации Б. Клинтона), К. Ватанабе (экс-премьер-министр Японии).

Путь России: по главной дороге развития человечества?*

Всего 11 лет назад наши предшественники писали в докладе Трехсторонней комиссии: «В ближайшие десять, двадцать, а то и пятьдесят лет Россия, скорее всего, будет переживать потрясения». Подобные сценарии широко распространены и сегодня. Но с тех пор положение страны и ее экономики стало гораздо стабильнее, и самые пессимистические сценарии выглядят не слишком реальными, хотя они и возможны. Мы попытаемся сделать некоторые выводы относительно направления, в котором движется Россия сегодня.

Направление внутреннего развития

По-прежнему актуальны слова Джорджа Кеннана: «Дайте им время, дайте им быть русскими, дайте им решить их внутренние проблемы в их собственной манере». Или, как недавно написал российский эксперт Дмитрий Тренин, Россия, подобно Западной Европе, «достигнет экономического, социального и политического успеха сама и постепенно». Русские не считают себя обязанными двигаться в направлении, удобном для Запада; у них сильная аллергия на указания, что надо делать. «Я убежденный сторонник сотрудничества с Западом, – сказал 30 мая 2006 года Михаил Горбачев, – но Западу не стоит говорить России, что она развивается в неправильном направлении».

Движется ли Россия в направлении, которое нужно россиянам и что соответствует интересам России? Россияне хотят стабильности, процветания, жизни в «нормальной цивилизованной стране», уважения в мире (особенно со стороны своих ближайших соседей). Под нормальной и цивилизованной они подразумевают страну, развивающуюся по-современному в соответствии с ценностями верховенства права, социальной справедливости, демократии и уважения к правам человека, но без отказа от россий-

* *Engaging with Russia. The Next Phase. A Report to the Trilateral Commission. Ed. by R. Lyne, S. Talbott, K. Watanabe. – Washington, Paris, Tokyo, 2006. – Chapter 8. Публикуется в сокращении.*

ских традиций и свободы действий. Избыточное социальное регулирование, наподобие швейцарского или шведского, им не нравится как слишком ограничивающее.

Когда Путин был избран президентом, он выражал ожидания народа и повел страну туда, куда она хотела. Он преодолел опасность распада России и предпринял шаги по наведению порядка в стране. Быстрое развитие российской экономики и приток иностранных инвестиций говорят сами за себя. Жизненный уровень значительно вырос. Для обычных людей Россия стала гораздо привлекательнее для проживания, чем на рубеже тысячелетий; у русских стало больше уверенности в будущем, и большая часть работающих в России иностранных бизнесменов разделяет эту уверенность. Всякое суждение о России должно начинаться с признания успехов последних шести лет.

Тем не менее в России и за рубежом растет озабоченность в отношении направления пути ее развития. Опросы общественного мнения показывают, что широко распространена убежденность в неэффективности государственного управления; что многие надежды пятилетней давности сменились разочарованием; что доверие к руководству уменьшается, что сохраняющийся высокий уровень поддержки президента основывается в первую очередь на отсутствии у него достойной альтернативы. Недовольство кристаллизуется в трех утверждениях: «власти предерживающиеся озабочены только своими краткосрочными корыстными интересами»; «администрация ради самосохранения контролирует слишком многое»; «бюрократия некомпетентна и неэффективна и ничуть не меняется». Есть четыре основные сферы — свобода, строительство институтов, реструктуризация и социально-экономические реформы, ситуация на Северном Кавказе, — в которых краткосрочный оппортунизм и избыточный контроль создают препятствия для прогресса России на «главной дороге развития человечества», как определил его президент Путин.

Свобода

Свобода — это слово, с которым надо обращаться осторожно. Она может принимать разные формы. Свобода в рамках законности желательна; абсолютная свобода разрушительна для общества. Свобода и демократия связаны, но это не одно и то же. Свобода — залог демократии; необходимое, но недостаточное условие для нее. Личной свободы в России стало больше при президенте Горбачеве, а еще больше — при президенте Ельцине. Развенчание КПСС и особенно дискредитация и лишение власти КГБ после путча 1991 года придали свободе мощный импульс. Личная свобода в основном не умалилась и при президенте Путине. Обозначение России как «несвободной» страны неточно. Большинство россиян обладает свободой выражения, информации, вероисповедания, передвижения.

Но есть две причины для серьезной озабоченности. Во-первых, ограничена политическая свобода. Действия, предпринятые против наиболее жестких противников администрации, настораживают. Возражения со стороны политиков и партий, как левых, так и правых, не были приняты во внимание Кремлем, лишившим россиян возможности выбирать из всего спектра политических позиций. Во-вторых, усилилась активность спецслужб, нередко действующих вне рамок закона и вне контроля.

*Строительство институтов
и дорога к демократии*

Россия начала приближаться к демократии при Горбачеве и в первые год-два правления Ельцина (кульминацией стало решение о прямых выборах губернаторов). Но Ельцин не передал Путину демократическую систему. Он больше говорил о демократии, чем делал, и то же самое происходит сегодня. Не было никакого «золотого века» демократии или даже демократизации.

Это вряд ли удивительно. Демократия развивалась на Западе сотни лет, в течение которых мы двигались от феодализма и коллективизма к правам личности, включая право собственности. Россия только 15 лет назад освободилась от коммунизма, и только 5 лет назад Путин подписал закон о частном владении землей. Владеющий собственностью средний класс для России — совсем новое явление. Россия в 1991 году не была ни побежденной державой, ни освобожденной нацией. Ее институты и правящие элиты остались на месте, сменив вывески и отбросив идеологию. Не было ни альтернативной элиты, готовой взять власть, ни значительных демократических сил (не считая просвещенного либерального меньшинства, ненадолго допущенного к власти Ельциным), ни общего согласия на радикальные перемены.

У России нет разумной альтернативы эволюционному и поэтапному реформированию, предложенному Путиным. Это не значит, что нет иной альтернативы, и наиболее вероятная гораздо хуже: популистский авторитарный национализм под руководством «красно-коричневых» демагогов. Российские руководители провозглашают свою приверженность демократии. Они говорят — и справедливо, — что требуется время для ее развития. Стабилизация страны — высший приоритет. Но эволюционный подход требует движения вперед. Без такого движения утверждение «Россия не готова к демократии» становится самосбывающимся пророчеством. Это ложный аргумент: существует множество доказательств того, что российский народ хочет двигаться в демократическом направлении и жалеет о невозможности выбирать своих региональных лидеров. Они хотят лучшей демократии, а не меньше демократии.

Сейчас нет ни эволюции, ни понимания направления — только застой и консолидация власти. Политические дискуссии сведены на нет. Кремль держит под жестким контролем законодателей, суды, региональные институты, командные высоты в бизнесе, средства массовой информации, гражданское общество. Это происходит не во время войны, а в самых спокойных условиях за многие десятилетия. Вместо того чтобы способствовать органичному развитию стабильных, независимых институтов, которые могли бы придать устойчивость государственному кораблю при вхождении его в бурные воды, Кремль усиливает зависимость всей страны от единственного института — президентства — и от личности президента. Это ведет не к стабильности, а к уязвимости.

Такое президентство подобно фарфоровой вазе — такой прочной и красивой с виду, но очень хрупкой и неспособной выдержать сильную встряску. Она может храниться очень долго или разбиться очень быстро — в зависимости от давления на нее. Президентство для упрочения своей позиции должно использовать авторитарные меры, а это усиливает небезопасность и риски подрыва его легитимности и авторитета. Во-

прос легитимности может встать еще острее, если будут предприняты манипуляции с конституцией в интересах отдельной личности или какой-либо группы или если следующий президент не будет иметь такого народного мандата, как Путин. Система уязвима, поскольку основана на очень узком фундаменте: у нее нет механизма нормального перехода власти от одной правящей группы или партии к другой; существующий полный контроль над исполнительной и региональной властью делает президента зависимым от бюрократии (нереформированной) и ответственным за все ошибки; отсутствуют институты, уравнивающие исполнительную власть и критикующие ее провалы; фактически нет средств для выражения альтернативных взглядов и созидательных дискуссий.

*Свобода в рамках законности
желательна; абсолютная свобода
разрушительна для общества*

Президент Путин отметил в своем ежегодном послании 2000 года, что «только демократическое государство может обеспечить баланс интересов личности и общества, соединить личную инициативу и национальные задачи». Российская элита обеспокоена тем, что моноинституциональная культура, часто именуемая слабым авторитаризмом, является «главным препятствием на пути становления в России современного государства», как сказал один комментатор. Ее озабоченность внушает надежду, что со временем изменение кадрового состава приведет к изменению подхода.

Реструктуризация и социально-экономические реформы

Заняв свой пост, президент Путин сказал, что позиции России в мире, как и ее возможности эффективно справляться с внутренними вызовами, зависят в первую очередь от ее способности модернизировать экономику и успеха в конкуренции на мировом рынке. Модернизация не единственно возможный вариант, но альтернатива ему — оставаться главным образом производителем сырья и полуфабрикатов при сокращающемся населении, импорте знаний и экспорте талантов — не привлекает мыслящих россиян. Такой сценарий обрекает Россию на продолжающееся снижение ее роли в мире и способности влиять на своих ближайших соседей, а также обеспечивать безопасность на своей территории.

Основываясь на работах российских и международных экспертов, мы можем сделать следующие выводы:

- **Благосостояние привело к самоуверенности, самоуспокоенности и пассивности.** Неудача попыток продвижения структурных реформ после 2003 года уже отрицательно сказалась на росте ВВП, приведя к его замедлению. Сегодняшний бум маскирует глубокие структурные перекосы, чреватые будущими потрясениями.
- **Опасность пренебрежения макроэкономической политикой.** Упорство администрации в проведении макроэкономической стабилизации подтолкнуло экономический рост. Не менее важную роль оно должно сыграть в предстоящий период, чтобы справиться с притоком нефтяных денег и укрепить рубль, не допуская повторения галопирующей инфляции.

Ф.Ф. Каменский. Первый шаг. 1872

- **Растущая роль государства подрывает эффективность.** Увеличиваются численность и власть бюрократии, но не ее квалификация и способность управлять процессами. Это приводит к высоким издержкам экономики. Доля в ВВП принадлежащих государству активов значительно увеличивается. Это экономически неэффективно, что показывает, например, сравнение эффективности государственных и частных энергетических компаний. Существует негативная корреляция между увеличивающимся объемом государственной собственности и модернизацией экономики.
- **Необходимость эффективных действий против коррупции.** Коррупция существует в любой стране. Это глобальная проблема. Коррупция пронизывала советскую систему, достигла высочайшего уровня в 1990-х и оказала разлагающее воздействие на государство и бизнес, да и на жизнь обычных людей. Ожидается новая антикоррупционная кампания. Отдельные действия важны для начала, но продолжение требует более широких перемен в культуре взаимодействия бизнеса и госуправления. Один из главных шагов в этом направлении — меры по разделению бизнеса и госаппарата, а также по предотвращению конфликта интересов, возникающего у чиновников напрямую или через родных и близких, вовлеченных в частный бизнес.
- **Действенное продолжение структурных реформ жизненно необходимо для реализации потенциала России.** Некоторые реформы идут (например, в банковском секторе и в таможенных процедурах); вероятен положительный эффект от национальных проектов в здравоохранении, образовании, жилищном строительстве и сельском хозяйстве (все это требует затрат), но нужны более фундаментальные изменения. Чем дольше откладываются меры по диверсификации экономики и повышению ее конкурентоспособности — такие как реформа управления, демонополизация, создание честных правил для бизнеса, реформа образования, здравоохранения и социальной защиты, — тем выше будет цена для России.

*Отношения России с ЕС,
несмотря на сложности, складываются
лучше, чем с США*

В 2008 году следующему президенту России придется принимать жизненно важное стратегическое решение: продолжать или нет структурные реформы. Тяжесть и политическую сложность этой задачи нельзя недооценивать. Политические вызовы потребуют смелого и дальновидного руководства процессами в стране. Потребуется много лет, чтобы разрешить социальные проблемы и преодолеть демографический кризис. Описать повестку дня гораздо проще, чем принять груз ответственности за нее.

Северный Кавказ

Самая реальная угроза безопасности России исходит с Северного Кавказа. Конфликт в Чечне продолжается уже шесть с половиной лет. В соседних республиках тоже нестабильно, происходят вспышки насилия, неко-

торые из них (но, разумеется, не все) связаны с Чечней. Нестабильность в регионе порождает террористические акты в разных местах. Это должно беспокоить всех международных партнеров России. Необходимо сделать акцент на некоторых пунктах:

- **Чечня расположена в пределах международно признанных границ России.**
- **В настоящее время нет возможности для ведения переговоров на приемлемых условиях**, так как мятежников возглавили экстремисты, с которыми переговоры могут быть не более успешными, чем с Усамой Бен-Ладеном.
- **Службы безопасности России и местные чеченские власти во время этого конфликта нарушали права человека и международное гуманитарное законодательство.** Но жестокое и негуманное поведение сепаратистов не является оправданием для правительственных войск. Что же делать? Не отрицая колоссальной сложности проблем, мы полагаем, что России следует:

- Признать, что стратегия и методы последних шести лет были неэффективными и должны быть изменены.
- Должен быть выработан новый подход, применимый не только к Чечне, но к Северному Кавказу в целом. Его задача – предотвратить эскалацию конфликтов путем политики повышения благосостояния и достижения социальной гармонии, лишаящей привлекательности насилие и терроризм. Проблему надо решать во всех аспектах, не ограничиваясь механизмами обеспечения безопасности.
- Обратиться к международному сообществу, которое поддержит такой подход, и Россия может в большей степени использовать механизмы международного сотрудничества, в том числе структуру ОБСЕ.

Описанный подход не приведет к быстрому решению. Однако мы считаем, что и нынешний подход не позволит ни улучшить ситуацию, ни преодолеть терроризм и насилие; скорее он будет иметь следствием продолжение и расширение конфликта.

Россия вовне: направление внешней политики

«Стратегия национальной безопасности США», опубликованная в марте 2006 года, предупреждает Россию, что «попытки воспрепятствовать демократическому развитию в стране и за ее пределами осложнят отношения России и Соединенных Штатов». Это только один пример растущего восприятия России как антизападной страны, противодействующей западным интересам, которую больше нельзя рассматривать как партнера. Очевидно, что жесткая риторика творцов российской политики переходит границы и что Кремль инспирирует нападки телевизионных каналов на Запад. Почему так происходит? Означает ли это агрессивность?

Риторика – вещь многозначная. Она адресована внутренней аудитории, которая желает, чтобы Россия была сильной и гордой, и в негативном свете рассматривает НАТО (особенно после бомбардировок Сербии) и войну в Ираке. Более половины населения России сожалеет о распаде советской державы. Риторика отвлекает от местных проблем и отражает разо-

чарование общества чрезмерными обманутыми ожиданиями России от сотрудничества. Но, кроме как в сознании иррациональных националистов, эта риторика не означает экспансионистской философии. Российская внешняя политика – это арьергардные бои за предотвращение дальнейшей утраты позиций страны. Русские в течение десятилетия после 1991 года испытали боль от драматического крушения державы и унижение в результате экономического коллапса. Они столкнулись с покровительственным отношением Запада и были обескуражены своим неожиданным бессилием. Они никак не могут осознать, что

*Недостаток диверсификации
и честной конкуренции в бизнесе не ведет
к передовой устойчивой экономике*

прежние сатрапии и бывшие подданные стали независимыми суверенными государствами. Многие бывшие метрополии переживали подобные ментальные конфликты, но ни одна из них в обозримом прошлом не утрачивала свою силу так быстро, как Россия. Опыт показывает, что требуется много времени для установления новых взаимоотношений между бывшей метрополией и бывшими колониями: лет 50, а не 15.

В России, как и на Западе, разумеется, есть люди старшего поколения, рассматривающие ситуацию в терминах холодной войны. Но это не значит, что россияне хотят вернуться к вражде и изоляции. Они желают быть частью мира и играть в нем значительную и самостоятельную роль. Русские не хотят подчиняться диктату Запада, особенно диктату американской сверхдержавы. Первым приоритетом российской внешней политики является сама Россия, и не только в смысле защиты национальной безопасности, хотя это представляет собой главную головную боль, учитывая нестабильность по всему южному флангу, но и для создания прочного фундамента.

Военное могущество, на котором основывалась советская внешняя политика, в большой степени безвозвратно утрачено. Тем не менее, имея огромный арсенал боеголовок, стратегических ракет и атомных субмарин, Россия остается ядерной державой номер 2. В других отношениях ее значение гораздо меньше. Для нового подъема России экономическая мощь важнее, чем военная. Нет сомнений, что высокие цены на нефть, увеличивающийся спрос на российскую энергию, привлекательность России для инвесторов и вовлечение ее корпораций и капиталов в мировой рынок изменяют ее международные позиции. Они дают России «мягкую силу». Некоторые люди в России полагают, что ее надо обратить в более жесткие формы, настаивая, что она должна стать энергетической сверхдержавой и использовать энергетические ресурсы, особенно экспортную монополию Газпрома, как непосредственный инструмент внешней политики. У такого подхода есть свои ограничители. Кратковременное прекращение газового экспорта на Украину и через Украину в Западную Европу подорвало репутацию России как надежного поставщика и активизировало в ЕС дебаты о необходимости диверсифицировать поставки энергоресурсов, чтобы не зависеть от единственного источника.

Российская внешняя политика официально называется многовекторной. Главный из векторов – ближнее зарубежье, именуемое «постсоветским про-

странством». Политика в этом регионе не столько неоимпериалистическая, сколько постимпериалистическая. Хотя россияне и сожалеют о распаде СССР, особенно о потере Украины, творцы российской внешней политики не пытаются реинкорпорировать бывшие советские республики в состав РФ (кроме, возможно, Белоруссии). Но они рассматривают этот регион как свои угодья, буферную зону и сферу влияния. Насколько это возможно, они

хотят удержать его в своей орбите и противодействуют любым центробежным тенденциям. У них есть там существенные и законные интересы, включая безопасность границ, миграционные потоки и экономические связи.

*Промедление в социальных реформах
в сочетании с растущим разрывом
в доходах не ведет к социальной
гармонии*

Китай — другой вектор. Китайско-российские отношения сейчас лучше, чем когда-либо. Нашли решение старые разногласия, происходит обмен визитами на высшем уровне, проведены большие совместные военные учения. Это демонстрирует, как говорят российские дипломаты, что Россия — евразийская держава, не привязанная исключительно к Западу. Более точное определение дала недавно одна из китайских газет: «Горячо сверху, холодно внизу».

Отношение России к Китаю носит двойственный характер: добрый друг, главный торговый партнер, потенциальный рынок для энергетического экспорта из Сибири и Дальнего Востока, но одновременно (как признают в частных беседах российские генералы и стратеги) самая большая стратегическая проблема России в долгосрочной перспективе. Россия находится в неудобной позиции: она поставляет передовые военные технологии соседу и сопернику, намного опередившему ее в экономическом развитии и способному стать мировой военной державой в следующем поколении. Ее колоссальные сырьевые ресурсы расположены на обширных малонаселенных территориях Сибири и Дальнего Востока вблизи от бедной ресурсами и перенаселенной территории Китая. Россию не привлекает перспектива стать младшим партнером Китая. Россиян также беспокоит тот факт, что во всех областях, кроме военной, у Китая есть более важные партнеры: например, объем его торговли с США в десять раз больше, чем с Россией. У этого стратегического партнерства есть серьезные ограничения, и оно порождает много вопросов в долгосрочной перспективе.

Другие важные векторы российской внешней политики — американский и европейский (менее важные направления — Индия, Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток). При всех сделанных выше оговорках насчет риторики, надо отметить, что сегодня Россия противоречит США по всем важным для Штатов вопросам. Отношения России с ЕС, несмотря на сложности, складываются лучше, чем с США: ЕС является главным торговым партнером России и основным источником инвестиций, что является и очень позитивным элементом, и предметом взаимного напряжения.

В широком смысле мы можем сделать вывод, что внешняя политика России, несомненно, стала более наступательной, так как страна вернула себе силу и самосознание, но она в основе своей скорее оборонительная и

независимая, чем агрессивная и экспансионистская. Россия будет оказывать разного рода давление на менее сильные страны и использовать возникающие разногласия между ведущими державами (как по иранскому вопросу), но она не ищет конфронтации с ними. Российских лидеров не очень беспокоит урон, наносимый имиджу страны за рубежом такими действиями, как дело ЮКОСА, нарушения прав человека в Чечне или вмешательство во внутренние дела Украины и Грузии. Амбиции нынешнего руководства, поддерживаемые большинством избирателей, состоят в том, чтобы восстановить Россию в качестве сильного, уважаемого, не поддающегося давлению игрока на мировой сцене.

*После 2008 года:
долгосрочные перспективы*

Русский транзит слишком сложен и грандиозен, чтобы развиваться по законам линейного прогресса. Нынешний порядок в России, как и ельцинский период в 1990-х, это лишь стадия транзита, а не пункт назначения. Как долго эта стадия будет продолжаться, никто не может сказать. Если пребывающая ныне у власти группа не изменит курс, страну ожидают большие трудности. Отсутствие сильных и разнообразных институтов препятствует достижению долгосрочной стабильности. Недостаток диверсификации и честной конкуренции в бизнесе не ведет к передовой устойчивой экономике. Промедление в социальных реформах в сочетании с растущим разрывом в доходах не ведет к социальной гармонии. Если Россия не добьется успехов в модернизации и не осуществит быстрые изменения, она рискует потерять адекватность быстро развивающемуся миру и не сможет занять место под солнцем, которое отводят ей прогнозы компании «Голдман Сакс».

Одни в России хотят решить проблему русской идентичности путем политического и экономического протекционизма, государственного контроля, защиты традиционной, консервативной и авторитарной модели правления, отказа от зарубежных ценностей. Другие стремятся к движению в противоположном направлении и утверждают, что Россия может модернизироваться, конкурировать и войти в ряд передовых экономик, используя лучшие достижения всего мира. Российский народ должен выбрать, какого будущего он хочет для своей страны.

Первое действительно постсоветское поколение лидеров и менеджеров, несомненно, достигнет высших постов в течение следующих 15–20 лет. Оно не хочет быть выброшенным из мейнстрима международного сообщества и глобальной экономики. Гордясь своей историей, традициями и достижениями, оно стремится внедрить в российскую душу ценности и системы, работающие во всех современных обществах: верховенство права, гражданские и политические права, демократические институты.

*Перевод с английского
Юрия Гиренко*

Андрей Юров,
секретарь Общественного
совета международного
Молодежного правозащитного
движения (МПД)

Права человека и политика, или Почему нормальное государство не может жить без правозащитников?

1. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКА (Мнимое сходство и базовые различия)

Мы каждый день занимаемся только политикой и больше ничем.

И мы стараемся держаться как можно дальше от политики, никогда не участвуем в ней!

Из выступления одного современного правозащитника

Начнем с вопросов, которые в последнее время стали особенно часто возникать и в «новых независимых государствах», в том числе в России, и даже в «старых демократиях». Они касаются темы соотношения «прав человека» и «политики», и само ее обсуждение приводит не только к идеологическим конфликтам, но и к международным скандалам, изменению законов и влияет на работу всего гражданского общества во многих странах.

- Почему правозащитников упрекают в том, что они «занимаются политикой»?
- Почему многие правозащитники не знают, что на это отвечать?
- Почему политики часто используют правозащитную риторику?
- Почему многие общественные действия правозащитников и акции политических организаций так похожи?
- Почему все-таки важно отделять «гражданские и правозащитные действия» от «политической борьбы»?

От слова «политика» многих уже давно тошнит. Это плохо. Плохо, когда граждане считают эту сферу помойкой, куда порядочным людям не следует соваться. Это значит — еще не скоро сами граждане смогут участвовать в настоящей политике и действительно менять положение в своих странах, не отдавая все на откуп узкой «политической элите».

Понятие «права человека» почему-то до сих пор (несмотря на все старания недоброжелателей) остается очень модным. И поэтому многие политические и околополитические силы (нередко оппозиционные) именуют свои действия «правозащитными». Иногда это просто дань моде и желание «примазаться» к сфере деятельности,

завоевавшей своим бескорыстием и многолетним трудом серьезный авторитет в обществе. Иногда желание все извратить. Иногда просто недомыслие или откровенная глупость. Кто только не называет себя «правозащитниками» или «гражданскими активистами» — от полунацистских групп до политических проходимцев, стремящихся ухватить кусок власти или деньги каких-нибудь фондов. Даже часть правозащитников (особенно работающих на региональном уровне) не всегда понимает фундаментальное различие между гражданской деятельностью и политической борьбой. Иногда такие люди совершенно искренне не видят разницы и не в состоянии понять, чем же они на самом деле хотят заниматься. Особенно это свойственно недавно созданным молодежным «общественным организациям».

Подход, который здесь хотелось бы представить, основан на трех утверждениях:

1) и политическая борьба, и гражданские действия, в том числе защита прав человека, нужны и важны для современного («модернизированного») демократического государства, но именно как совершенно самостоятельные формы участия граждан в «овладении» государством («*нация — это народ, овладевший государством*», по известному выражению К. Дейча);

2) между этими двумя видами деятельности есть принципиальное различие, прежде всего в целях и, соответственно, в стратегиях и тактиках работы, — более того, они не только не близки, но во многом *противоположны*;

3) их смешение ведет к весьма печальным последствиям: мы получаем и плохую защиту прав людей, и не очень внятную политическую деятельность.

Конечно, это не единственный подход к проблеме, но очень многие известные правозащитники — и Востока, и Запада — придерживаются именно его. Именно он дает им возможность успешно действовать, защищая права человека и в своих странах, и на международном уровне.

Язык и права человека

Язык как важнейшее средство коммуникации, информационного обмена участвует в формировании общественного сознания. Нередко для изменения реальности необходимо изменить язык. Приведу несколько примеров такого влияния, связанных с правами человека.

Первый пример. Может быть, вы заметили (и это стало особенно актуально в последние лет 5–7), что правоохранные органы во многих странах, в том числе в России, все чаще называют силовыми структурами. Однако между этими понятиями есть фундаментальная разница. Силовая структура должна с помощью силы защищать власть. Правоохранные органы должны защищать право. Мне кажется, что чем чаще мы будем милицию называть силовой структурой, а не правоохранным органом, тем больше она будет становиться именно такой структурой. Чем чаще мы будем им говорить, что они, на самом деле, *правоохранители*, тем чаще мы будем им напоминать о том, *зачем* они созданы и что они *на самом деле* должны делать. Так и язык газет и ТВ, и наш повседневный язык напрямую влияют на работу отдельных институтов наших государств.

Второй пример. По поводу приспособленности некоторых других языков именно к сфере права и прав человека. Есть такое английское слово «*privacy*» (прайваси), которое в контексте прав человека на русский язык переводится как «право на неприкосновенность частной жизни» (многие правозащитники даже придумали сокращение — ПНЧЖ!). Ну не было на наших территориях, по большому счету, никогда такого права, не было такого института. Нет и слова...

Третий пример. Почти о том же.

Есть такое английское слово *advocacy* (эдвакаси). Нам приходится переводить его как «Действия в защиту общественных интересов». Длинно? Тяжело? Там всего одно слово, а у нас четыре (точнее — пять). Говорят, что в Финляндии в ходу 40 слов для определения снега, а у нас снег и

снег... Так же и с терминологией в сфере права, прав человека и защиты общественных интересов...

Если мы хотим, чтобы гражданское общество стало сильным, общественные проблемы благодаря гражданским действиям решались быстро и эффективно, права человека стали реальностью, а право на неприкосновенность частной жизни уважалось и властью, и другими людьми, то рано или поздно нам придется приспособлять и наш язык, и международную терминологию под наши реальности.

Что касается «политики», то здесь мы тоже сталкиваемся с языковой проблемой. Употребляя одно и то же слово, мы порой имеем в виду совершенно разные, а иногда почти противоположные понятия.

Права человека и политика

Проблема терминологии

Начать стоит с того, о чем мы говорили чуть выше. В русском, да и во многих других языках одним словом «политика» называют очень разные вещи. В этом смысле английский точнее (видимо, он оказался более развит в общественно-политической сфере, в то время как русский богат другими темами). В английском языке существует два термина: *policy* и *politics*.

Схема 1

Policy (*полиси*) — это то, что мы называем *общественной политикой*. Это, если говорить точнее, не политика, а *стратегия* целенаправленных действий. В этом ряду мы часто говорим о *молодежной политике*, *социальной политике*, *правовой политике* и т.п. В этом смысле *права человека* явля-

ются такой же *общественной политикой*. Как стратегическая последовательность действий и «политическая воля» в направлении качественного и своевременного исполнения обязательств государства по защите прав человека в отношении своих граждан. Естественно, правозащитники постоянно вовлечены в эту самую «общественную политику».

Politics (*политикс*) — это то, что подразумевает сферу *борьбы за политическую власть* на каком-либо уровне. И как раз в такой политике правозащитники не участвуют. Например, защита права на свободные выборы и контроль за честностью выборов — это абсолютно правозащитная деятельность, потому что это попытка заставить власть исполнять статьи национальной конституции и Европейской конвенции по правам человека о честных и прозрачных выборах. Но это и общественная политика, направленная на восстановление доверия народа к институту выборов и реализацию его права на участие в принятии жизненно важных решений. Здесь правозащитники отстаивают не интересы какого-либо кандидата или партии, а только право народа выбирать власть.

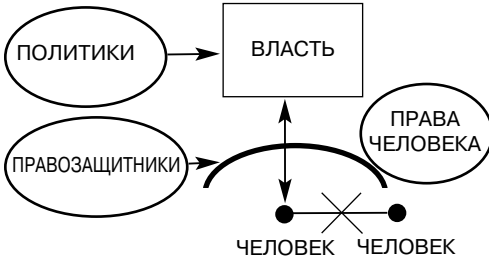
Проблема целей

Когда правозащитники и гражданские активисты проводят свои акции, многие из них внешне очень похожи на политические. При этом критика действий власти может быть очень жесткой. Но между гражданскими действиями и политическими мероприятиями есть все же принципиальное различие.

Цель правозащитников и гражданских активистов — решать общественные проблемы, защищать права людей. Правозащитники, как щит и одновременно как посредник, всегда находятся *между* человеком и властью. При любых действиях, даже достаточно жестко оппонирующих власти и критикующих ее, задача правозащитников и гражданских активистов НЕ дискредитация и НЕ захват власти, а *защита интересов и прав народа*. Для системного решения связанных с выполне-

нием этой функции проблем им необходимо вступить с властью в *диалог*, начать с ней *взаимодействие*, чтобы добиться выполнения действующих и установления новых правил, обеспечивающих более высокий уровень защиты прав.

Схема 2

Цель же политической оппозиции — подчеркивание негативных свойств существующей власти и стремление *стать новой властью*, то есть, иначе говоря, стать источником новых нарушений прав человека, потому что не существует власти, которая никогда не нарушала бы права человека.

Таким образом, любой правозащитник должен ясно понимать, что, выступая в защиту общественных интересов, он не должен держать власть за врага, она является для него *оппонентом* и *потенциальным партнером* в решении конкретной и важной для многих людей общественной проблемы. Любое решение в виде ли нового закона, постановления или утверждения новой правоприменительной практики все равно принимается легитимной властью независимо от ее уровня. И власть должна *согласиться* на это решение, иначе она не будет его исполнять! Если мы не будем готовы к такому взаимодействию, любая наша общественная кампания будет бессмысленной тратой времени и сил или сведется к саморекламе. Именно поэтому гражданские активисты стремятся видеть власть вначале в качестве **оппонента**, а потом обязательно (!) в качестве *партнера*.

Дискредитация власти и борьба против нее в ходе правозащитной деятельности вредит ей, потому что с врагом невозможно эффективно вести переговоры.

Поэтому и власть, и гражданские организации должны четко отличать акции и кампании в защиту общественных интересов, в том числе действия правозащитников, экологов, профсоюзных активистов и других, от политических оппозиционных мероприятий. И сами правозащитники не должны бездумно лезть в политические действия, чтобы у людей и власти не возникало в голове каши (а если они вдруг участвуют в таких политических действиях *в личном качестве*, то это необходимо очень четко и публично *оговаривать*, хотя непонятно, как это все-таки возможно). Можно привести примеры ясного понимания жесткого водораздела между политической деятельностью, с одной стороны, и правозащитной работой — с другой.

Пример первый. В 1989–1990-х годах одна из известнейших в Польше организаций — Хельсинкский фонд по правам человека — оказалась перед серьезной дилеммой. После «бархатной революции» многие члены Фонда могли стать достаточно высокопоставленными должностными лицами новой власти. Но как быть с их статусом правозащитников и как они смогут в таком случае защищать жертв уже нового, «хорошего», режима, которые все равно будут? Было принято решение: люди, которые идут во власть, *приостанавливают свое членство* в Хельсинкском фонде по правам человека, так как отныне они на стороне власти (неважно, хорошей или плохой). А Хельсинкский фонд должен защищать людей и от них, от представителей этой новой власти, даже если жертвы несправедливости в свое время сами преследовали активистов Сопротивления.

Пример второй. Когда Вацлав Гавел, известный чешский диссидент, писатель, один из творцов «бархатной революции» в Чехословакии, отсидевший за свои убеждения, стал президентом, то честно обратился к своим бывшим соратникам с призывом отныне активно критиковать его действия, поскольку теперь он будет представлять власть, а значит — является потенциальным наруши-

Ю.А. Сегаль. Женщина у телевизора. 1980

телем прав человека. Ибо если они не будут его критиковать, значит, боролись не за справедливость и не за изменение системы, а всего лишь за то, чтобы сменить одних, «дурных», властителей, другими, «хорошими». Вот это — замечательное понимание роли и места гражданского активиста, с одной стороны, и политика — с другой. Это понимание того, что ни один, даже самый замечательный политик, не в силах сменить всех полицейских, тюремщиков, работников паспортных столов и т.п., которые будут продол-

жать нарушать права человека. А он, как высшее должностное лицо, готов нести за это ответственность от имени государства. Следовательно, ему просто необходима «обратная связь», критика со стороны гражданских активистов — тех бывших соратников, кто не пошел во власть, но остался между властью и людьми, чтобы защищать их права.

Каждый гражданский активист должен четко осознать, хочет ли он идти во власть или остаться на правозащитных позициях, то есть в самом сложном поло-

жении «между» — в роли защитника людей от власти, а также посредника в их взаимодействиях.

Если правозащитник идет во власть, он, к сожалению, перестает быть «действующим правозащитником» и становится «реальным политиком». И важно, чтобы и власть, и общество в целом научились понимать, с кем они имеют дело, — с политиком или правозащитником, и в соответствии с этим были бы готовы выстраивать стратегию взаимодействия. При этом, естественно, хорошо, когда политик осознает роль и обязанности (!) власти по защите прав человека, — и в этом, только в этом смысле является правозащитником.

Проблема асимметрии

Политики (особенно находящиеся во власти или собирающиеся во власть) должны признавать права человека и способствовать их эффективной защите. Правозащитники же, действуя в сфере «общественной политики», совершенно не обязаны участвовать в борьбе за власть. Им это даже противопоказано. Но они могут заявлять о поддержке тех политических действий, политиков и партий, которые ведут к более эффективной защите прав человека. Более того, они должны занимать достаточно активную позицию по отношению к политическим силам, поддерживая справедливость и выступая против неверных политических тенденций.

Создается несимметричная ситуация?

Да. И это связано с природой власти и правозащитной работы.

Власть обязана *соблюдать* права человека по отношению к людям. По большому счету, именно для обеспечения этих самых прав ее и выбирают. Для политиков это — обязанность. Тогда как гражданские активисты выступают в роли «защитников прав людей», для них это — общественное служение, которое они выбирают добровольно, исправляя то, с чем не хочет или не может справиться власть.

Общественные проблемы и права человека

Еще больше сужая сферу защиты прав человека, мы должны отделить ее не просто от политики, но и от очень близкого направления — гражданской активности вообще.

Зачем?

Дело не в том, что защита других общественных интересов менее важна. Только разделяя виды проблем, можно научиться эффективно их решать, понимая, какие стратегии и тактики в каждом случае применимы и эффективны.

Здесь не хочется всерьез останавливаться на том, что такое «*общественная проблема*» (это тоже тема для отдельных книг, лекций, семинаров и т.п.). Интуитивно мы понимаем, что речь идет о какой-то серьезной *несправедливости*. Причем, как правило, в отношении значительного числа (иногда тысяч и даже миллионов) людей. И когда мы говорим о *решении общественных проблем* или о *действиях в защиту общественных интересов*, мы чаще всего сталкиваемся НЕ с нарушениями прав человека (в строгом смысле слова), а с какими-то другими *типами несправедливости*.

К правозащитникам и гражданским активистам регулярно обращаются люди со своими проблемами, когда испытывают некую несправедливость, особенно когда она носит массовый характер. С моей точки зрения, есть три типа несправедливости. И принципиально важно понять, к какому типу проблем относится ситуация, с которой к нам пришел тот или другой человек (или группа людей). Понять, чтобы помочь!

Первый тип проблем — это не просто нарушение закона (права), а именно *посягательство на права человека*. Эту область важно выделять, потому что по поводу таких нарушений можно использовать *механизмы защиты прав человека* — и национальные, судебные и внесудебные, и международные, чтобы добиться справедливости. Это все пункты, например, Европейской конвенции по правам человека: право на жизнь, свобода от пыток и

жестокое обращение, право на справедливый суд, свобода слова, свобода собраний, свобода ассоциаций и т.п. О механизмах защиты именно прав человека написаны сотни толковых книг, и поэтому можно, не «изобретая велосипеда», использовать опыт других правозащитников.

Второй тип проблем — когда нарушен закон (право), но это право не относится к собственно правам человека. Если, например, грубо нарушен закон о защите прав потребителей, то это, конечно, явная несправедливость, но защита прав потребителей не относится к правам человека. В этом случае пожаловаться, например, в Европейский суд нельзя, должны действовать законы нашего государства. И мы должны искать методы защиты от нарушения таких законов.

В каком-то смысле это — расширенный вариант несправедливости первого типа, но там мы все-таки отдельно и преднамеренно выделили именно права человека как универсальный и международный стандарт.

Третий тип проблем — то, что мы называем «общей несправедливостью».

Если в вашем городе плохие дороги, много пьяных (не хулиганов на улице, а просто пьяных), высокие цены на проезд в городском транспорте и т.п., то для людей это очень важно. А вот закона, позволяющего на кого-то подать в суд, чаще всего нет.

Мы должны осознавать, что такие моменты, конечно, относятся к сфере общественных интересов, но пока (до принятия соответствующих законов) не к области права, и уж точно не к правам человека.

Таким образом, сфера гражданской активности (если хотите, *общественной политики*) или борьбы с несправедливостью лишь в очень малой части касается собственно прав человека (всего лишь как первого типа несправедливости). Даже здесь различия существенны. И даже здесь необходимо четко разграничивать формы и методы защиты прав человека и защиты от любой несправедливости.

2. РОЛЬ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ И ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Правозащитники и государство

Очень часто правозащитников обвиняют в том, что они якобы разрушают государственность. Говорят, что они лишь поднимают крик там, где не нужно, и тем самым роняют международный авторитет своей страны.

Вопрос в том — зачем настоящие правозащитники критикуют власть? Чтобы дискредитировать ее (как часто делает оппозиция) и сделать саморекламу? Или для того, чтобы власть прислушалась к ним и начала позитивные изменения?

Если посмотреть на работу правозащитников непредвзято, станет понятно, что правозащитники *укрепляют государство*. Сила государства в доверии к нему граждан. Если граждане не верят государству, то оно разваливается (так произошло с СССР).

Правозащитники, вроде бы «ругая» государство, добиваются позитивных сдвигов, заставляют государство идти навстречу человеку. Тем самым они укрепляют доверие, пытаются сблизить человека с государством. И таким образом служат государству и обществу.

Еще здесь очень уместен популярный во многих странах образ гражданских активистов, в том числе правозащитников, как *сторожевых собак — watchdogs* — или, если хотите, — *watch — стража, дозор*, или даже — *watches of the night — стражи ночи, ночной дозор*. Роль сторожевых собак — высказать голос, когда кто-то, например представитель власти или бизнеса, покушается на права граждан, а уже дело всего общества (гражданского общества!) и даже власти (если это разумная власть!) — вовремя остановить нарушителей и тем самым защитить справедливость. Так что и в этом случае «ругань» — это вовсе не негатив, а конструктивная форма защиты прав людей.

Когда западный человек говорит о государстве, он говорит «мы», он себя отожд-

дествляет с государством. Человек из Восточной Европы и Центральной Азии очень редко говорит «мы» про свое государство. Он всегда проводит четкую черту между «мы» (люди) и «они» (власть). Он себя жестко отделяет от власти, тогда как западный человек, как правило, этого не делает.

Правозащитники же пытаются разрушить барьер между «они» и «мы». Они пытаются сказать, что государство — это тоже «мы». И те, кто нарушает права человека, — это мы же, потому что государство состоит из нас.

И что еще очень важно: именно правозащитники и правозащитные организации являются одним из трех типов внесудебных механизмов защиты прав человека, помимо государственных и смешанных институтов, признанных и на национальных, и на международном уровнях. Среди документов ООН есть даже Декларация № 53,144 от 09.12.1998, которую иногда называют Манифестом прав и обязанностей правозащитников.

Именно правозащитники помогают государству выполнять одну из самых важных его функций — защиту прав и свобод человека и гражданина. Именно они напоминают государству, зачем оно нужно людям, и делают то, что не успевает, не может или не умеет делать государство в сфере защиты прав каждого из нас.

Правозащитники и власть

«Правозащитник всегда готов работать с властью, если она легитимна и не превратилась в диктатуру. Если для кого-то власть — это враг, то мы имеем дело уже не с правозащитником, а с революционером, бунтарем. Я, как правозащитник, критикую власть там, где ее нужно критиковать, и хвалю там, где ее нужно хвалить. Вне зависимости от своих личных чувств к тем или иным политическим фигурам...».

Это цитата из публичной лекции одного известного европейского правозащитника.

Гражданские активисты — правозащитники, экологи, активисты других организаций — это те, кто на самом деле защищает власть от перерождения и, следовательно, от падения. Они делают любую власть более человеческой. В стране, где правозащитники сидят в тюрьмах, власть не слишком крепка, даже если это диктатура (она рано или поздно развалится). В стране, где много правозащитных организаций и они критикуют власть, а власть к ним прислушивается и взаимодействует с ними, она является влиятельной и авторитетной, а значит — сильной. Там не будет сильного социального взрыва. Роль правозащитников и гражданских активистов — это еще и социальное посредничество, позволяющее избегать тяжелых конфликтов и революций. Это нужно очень четко понимать.

Правозащитные организации пронизывают своеобразными социальными нитями пространство между властью и обществом, позволяя людям защищать свои права, решать проблемы и чувствовать возможность справедливого их решения, что важно для каждого человеческого существа. Они создают дополнительные социальные связи. И власть становится не далекой и бесчеловечной, а более понятной и близкой людям, потому что они видят не только несправедливость, но и торжество закона.

Я не верю в то, что если завтра к власти придут замечательные люди, то сразу не будет нарушений прав человека. Будут при любой власти, ибо такова ее природа.

И поэтому для нас, правозащитников, работы всегда будет много, если мы, конечно, правозащитники, и готовы постепенно — шаг за шагом, год за годом менять ситуацию и решать проблемы защиты прав человека — системно и последовательно.

*Д-р Даниель Деттлинг,
председатель Berlinpolis e.V.
(ФРГ)*

Будущее гражданского общества

Дискуссия на тему «гражданское общество и гражданские инициативы» в Германии началась сравнительно недавно. До 1989 года о гражданском обществе в Германии речь шла нечасто.

И в России о гражданских инициативах стали говорить лишь после падения коммунистического режима. Между тем в последние десять лет в обеих странах наблюдается динамичное развитие этого сектора общества как в качественном, так и в количественном отношении. В Германии сегодня сектор гражданского общества, являясь некоммерческой сферой, обладает огромным потенциалом. Самый крупный частный работодатель в стране — Каритас*, а не «Мерседес Бенц». Чем вызвана такая тенденция?

Первая причина — культурологического характера. Теряют влияние старые социальные традиции. Такие институты, как церковь, профсоюзы и городские общины, уже не настолько авторитетны и постепенно утрачивают компетентность в решении актуальных проблем. Во-вторых, становится все более очевидным, что общество по отношению к государству и экономике представляет собой иную, чем прежде, гораздо более влиятельную силу. Но при этом для его существования необходимы и дееспособное государство, и эффективная экономика.

Новая идея гражданского общества

Она формулировалась в ответ на этатизм тех, кто отдает приоритет государству, и экономический радикализм тех, кто в решении проблем делает ставку только на экономику. Однако новый концепт является не антитезой этих двух позиций, а попыткой найти баланс между государством, экономикой и обществом в условиях несостоятельности только государственных или экономических принципов управления общественными процессами.

Толчком к появлению новой идеи послужили следующие серьезные проблемы общества:

- демографическая ситуация;
- индивидуализация и изменение системы ценностей;
- новое соотношение между политикой, экономикой и обществом и изменившееся понимание демократии.

Теперь обо всем подробнее.

В наши дни одной из главных проблем является **уменьшение количества семей**, а в последних поколениях бо-

* *Католическая благотворительная организация. — Прим. перев.*

лее 30 процентов людей бездетны. В 50-е — 60-е годы прошлого века 95 процентов взрослых людей состояли в браке, и у 95 процентов семей были дети. Эта тенденция имеет непосредственное отношение к теме гражданской инициативы, так как «группы повседневного единения», например, которые раньше организовывались в семьях и вокруг семей, сегодня на грани исчезновения. Целью таких групп была помощь людям, и этим занимались исключительно неработающие женщины. Но сегодня среди них растет число тех, кто не готов отказываться от профессиональной деятельности и карьеры в угоду мужчинам. И это, пожалуй, вполне обоснованно в эпоху равенства полов.

Помимо этого, есть еще один демографический фактор: **люди стали жить дольше**. Как утверждают социологи, сегодня каждая вторая новорожденная девочка доживет до ста лет. Уже менее чем через двадцать пять лет треть населения Германии будет старше 65 лет, и лишь шестая часть моложе двадцати лет. Европа стремительно седеет, однако в этой тенденции есть и положительные моменты. История не знала еще общества, в котором среди лиц пенсионного возраста было бы так много здоровых и бодрых, состоятельных и образованных людей, как сегодня.

Вышесказанное непосредственно связано со второй темой: изменением системы ценностей и процессом индивидуализации жизни. Нынешние ценности отличаются от существовавших ранее, но это не значит, что они стали хуже или менее приемлемы. В перечне ценностей в наши дни лидируют честность, естественность и доверие. Идет движение в сторону создания «Я и Мы-общества», развивается гражданская инициатива с целью укрепления связи обоих компонентов — личного и общественного. Что это означает? Люди все менее активны в религиозной или профессиональной сферах по каким-то идеалистическим мотивам, из желания пожертвовать собой ради великого дела или из альтруизма, любви к ближнему и сострадания. Современные жители мегаполисов, молодые женщины, образованные люди, добровольно проявляя инициативу, хотят не только в чем-то поучаствовать, что-то обсудить и организовать, но и получить какую-то отдачу — развиваться и совершенствоваться как личность. Работа на благо других не должна вступать в противоречие с желанием самореализации.

В-третьих, меняется понятие государственности и понимание демократии и политики. Для современного концепта гражданского общества неприемлема точка зрения, согласно которой «если есть проблемы в обществе, то этим должны заниматься исключительно государство и семья». Такое понимание государственности сформировалось в условиях немецкой модели социальной рыночной экономики, которая была очень успешна после Второй мировой войны. С одной стороны, благодаря ей поднялась экономика (основной задачей которой было получение прибыли), с другой — было создано социальное государство, которое занималось распределением этой прибыли. Эта модель поддерживалась за счет естественных ресурсов — семьи, традиции, религии, ценностей и норм, которые, казалось, никогда не иссякнут.

Но в последнее время такая модель испытывает огромное давление как изнутри, так и извне. Отчасти потому, что люди стали все больше дистанцироваться от политики, появляется безразличие к ней, усталость от политических партий, усиливается неприятие тенденций в современном мире (глобализация, индивидуализация). Политическими средствами уже, видимо, не решить такие актуальные проблемы, как безработица, возможность совмещения семейной жизни и профессиональной карье-

ры, качество школьного образования, бедность и одиночество, существование нищих городских кварталов.

В Германии две трети граждан не верят, что правительство или оппозиция в состоянии решить эти проблемы. Почему так происходит? Причиной является прежде всего эрозия социального государства, утеря им легитимности как в культурном, так и в экономическом отношении.

Работа как источник дохода и семья — два нормативных стандарта немецкого социального государства. В центре этой модели тот, кто работает, или, точнее, мужчина, который работает. Государство благоденствия существует до тех пор, пока его основы — работа и семья — выполняют свои функции, так как у него нет своего собственного потенциала. Отсюда парадокс: *чем острее потребность в государстве, тем меньше его возможности.*

Гражданское общество в идеале предлагает другую перспективу, в которой общество рассматривается не только как средоточие проблем, но и как ресурс для мобилизации социальных сил, способных эти проблемы решать. Такой подход основан на следующих предположениях. Во-первых, жизнь человека и общества в целом улучшится, если как можно больше людей проявит активность и что-то предпримет для себя и других. Во-вторых, с эмпирической точки зрения общество только тогда сможет добиться намеченных целей и преодолеть трудности, если оно мобилизует как можно больше гражданской инициативы, а не будет полагаться только на государство и адресовать ему социальные проблемы. Добровольная инициатива — это социальный капитал общества.

Новый концепт гражданского общества подразумевает другие качества человека: это не пассивный и боязливый, находящийся под опекой индивид, а ответственный и самостоятельный гражданин. Этот концепт делает ставку не на отношения зависимости от государства, а на культуру активного участия людей в общественных процессах.

Продуманная государственная политика, решая важные задачи приватизации или разгосударствления, должна отдавать отчет не только в том, *что государство делает*, но и *как оно это делает*. Последовательная системная политика гражданского общества подразумевает учет интересов отдельного человека, давая ответ на вопрос: что ему нужно для полноценной жизни? Таким образом, формируются предпосылки, без которых государство и экономика не в состоянии выжить.

С чего начинается гражданское общество?

Ячейки гражданского общества можно создавать в крупных, хорошо финансируемых учреждениях, где люди проводят большую часть своего времени. Например, *в детских садах и школах или в учреждениях здравоохранения*. В отношении *домов для престарелых* можно организовать шефскую помощь со стороны школ или вовлекать пожилых людей в повседневную жизнь. Для различных учреждений важны, конечно, пожертвования и спонсорская деятельность, но еще важнее «корпоративное волонтерство», то есть обеспечение их на добровольной основе компьютерами, оргтехникой, офисными помещениями, а также временное освобождение сотрудников для работы в социальных учреждениях для приобретения опыта и знаний.

Многие исследования, в том числе и проведенное Робертом Патнэмом*, доказывают наличие связи между экономическим ростом и социальной ак-

* См.: Роберт Патнэм. *Чтобы демократия работала*. — М.: Ad Marginem, 1996.

тивностью, хотя гражданская инициатива не в состоянии победить безработицу или заменить социальное государство. Гражданское общество своими силами не создаст средств для пенсионного обеспечения или медицинского страхования. Но нельзя забывать, что материальное благополучие граждан — это только один из аспектов их социальной защиты и интеграции в широком понимании. Благополучие людей, устранение причин их социальной изолированности зависят не только от проведения государственных или экономических мер. Ответы на новые вызовы, связанные с атомизацией общества и социальным обособлением многих людей, может дать именно гражданское общество. Жизнь любого коллектива становится более качественной, если граждане, от самых юных до престарелых, социально активны и сообща что-то предпринимают. Повсюду, где есть высокая степень «социального единения», ниже уровень безработицы, меньше случаев наркомании среди молодежи, люди меньше болеют и выздоравливают быстрее.

Члены гражданского общества

Из результатов проводившегося в России исследования по вопросу о гражданской инициативе выявилась следующая картина: 64 процента граждан готовы проявить инициативу, но только если их к этому призвуют. Из них лишь 3–9 процентов убеждены, что проявление инициативы может каким-то образом повлиять на решение проблемы. Из чего следует сделать вывод, что эту тему нужно как можно больше обсуждать, поддерживать и рекламировать.

В Германии после 1945 года опасались демократии без демократов. Но вопреки всем опасениям Германии удалось стать демократическим государством с высоким уровнем благосостояния. В сегодняшней России можно услышать похожее возражение: «Как можно построить демократию после стольких лет господства авторитарного и тоталитарного режима?» Однако Германия научилась демократии, и нет сомнений в том, что Россия также освоит этот положительный опыт.

Обе страны могут друг у друга поучиться, например, при помощи программ по молодежному обмену, совместных научных проектов и конференций. Много будет также зависеть от Европы. Такой проект, как европейская добровольная служба молодежи, в котором участвовала бы и Россия, стал бы серьезной вехой на пути к становлению европейского гражданского общества.

Европейское общество без социально активных граждан едва ли обладает перспективой. Реальная демократия и эффективная экономика зависят от разумного использования потенциала социального капитала. Без гражданской сопричастности и доверия, словом, без гражданского общества, которому в XXI веке нет альтернативы, не может существовать ни инновационная экономика, ни инновационное государство. Гражданскому обществу необходимы фонды, объединения, а также предприятия, которые поддерживали бы заинтересованность в обществе и создавали условия для социальной инициативы.

Решающее значение имеет, наконец, наше представление о человеке. Кого мы предпочтем: ответственного гражданина, который видит себя творцом своей судьбы, или зависимого, неуверенного в своих силах, считающего себя жертвой перемен индивида? Ответ, на мой взгляд, очевиден.

*Перевод с немецкого
Нины Манджиевой*

*Александр Шмелев,
эксперт Института
современной политики*

Партийный застой и актуальная повестка дня

Большинство людей, имеющих отношение к отечественной политике, знают, что серьезная избирательная кампания в нашей стране начинается примерно за год до выборов. Таким образом, с наступлением осени на финишную прямую вышла подготовка к избирательному марафону 2007–2008.

В течение ближайшего года практически все российские партии и движения будут создавать разнообразные блоки и объединения, «обкатывать» всевозможные политические технологии на региональных выборах, а главное, отчаянно подыскивать лозунги и идеологии, способные заинтересовать нашего многое уже на своем веку повидавшего и оттого крайне скептически настроенного к политике избирателя. Последнее представляется самым сложным, но вместе с тем и наиболее перспективным. Ведь партии или политику, идущим на выборы без яркого и актуального месседжа, не помогут никакие блокировки и технологии. Конечно, кандидаты от «власти» могут рассчитывать на всемогущий административный ресурс (хотя он вовсе не является панацеей, что было доказано на множестве региональных выборов последних лет). Однако не исключено, что условная власть пойдет на ближайшие парламентские, а может быть, даже и на президентские выборы несколькими «колоннами», конкурирующими друг с другом. А значит, всем участникам грядущей избирательной гонки так или иначе придется нащупывать вопросы, больше всего волнующие сегодняшнее общество, и предлагать на них собственные ответы.

В связи с этим интересно вспомнить, по каким направлениям проходили наиболее существенные политические и идеологические противостояния в последние двадцать лет: с момента объявления «гласности», то есть сравнительно открытого обсуждения наиболее злободневных вопросов, и до наших дней.

Похоже, в нашей новейшей истории можно найти любопытную закономерность. За все время относительно свободной политико-идеологической конкуренции наша страна пережила три периода («горбачевский», «ельцинский» и «путинский»), каждый из которых характеризовался ожесточенными дискуссиями в обществе и СМИ по одной из конкретных тем и последующей острой политической борьбой на этом направлении. Как правило, в процессе такой дискуссии и борьбы наиболь-

шей популярностью пользовались люди и организации, выражавшие крайние, полярные точки зрения по данному вопросу. Однако в результате все три раза в общественных настроениях побеждала «срединная линия», после чего эта тема на глазах начинала терять свою актуальность. Что, в свою очередь, приводило к чувствительным поражениям тех политических сил, которые не успевали почувствовать изменение конъюнктуры и продолжали по инерции апеллировать к вопросам вчерашнего дня.

Конечно, эти периоды не сменяли друг друга по мановению волшебной палочки, частично «налезая» друг на друга. Но тем не менее картина получается достаточно четкой.

Первый период (1989–1993 гг.)

Безусловно, первой из таких тем стали **гражданские и политические права и свободы**. Практически сразу же после начала перестройки общество разделилось на «коммунистов», отчаянно защищавших существующий авторитарный строй, и «демократов», столь же отчаянно борющихся за расширение гражданских прав населения и предлагавших свои модели будущего обустройства политической системы страны.

Под знаком этого противостояния прошли и первые относительно свободные выборы в Верховный Совет СССР, и выборы в Верховный Совет РСФСР, и августовский путч, и даже трагические события 1993 года (неважно, что с историко-политологической точки зрения тогда все было далеко не так однозначно, — важно, как это воспринималось в обществе). Более того, на этой идеологии, в основном, была построена даже кампания 1995–1996 годов. Хотя в это время многие замечали, что такое противопоставление практически потеряло смысл. Ведь ни КПРФ, ни Г. Зюганов в 1995–1996 годах уже не предлагали хоть сколько-нибудь ограничивать свободу вероисповедания, свободу взглядов, свободу слова, свободу передвижения,

свободный выезд за границу и т.п. Равно как и «демократы» к этому времени уже не говорили о безграничной свободе. В частности, именно тогда в нашей политике появился общепринятый тезис о том, что свобода не отменяет ответственности. То есть каждый может говорить то, что он хочет, однако, если это высказывание затрагивает других людей, он должен быть готов ответить в суде за клевету. Можно создавать любые политические объединения, но экстремизм карается по закону. Никто не ограничивает свободу СМИ в обычной жизни, но у чрезвычайных ситуаций особые правила. У всех граждан есть право сколько угодно выезжать за границу и общаться с иностранцами, но есть сведения, составляющие государственную тайну. И так далее.

Конечно, и по сей день в политизированном сообществе могут возникать локальные споры по тем или иным аспектам свободы и демократии. Как лучше — выбирать или назначать губернаторов? Какие политические объединения следует считать экстремистскими? Есть ли у нас свободные и независимые СМИ? И прочее, и прочее. Однако эти темы уже не трогают большинство рядовых граждан. Поэтому рейтинг политиков, по инерции пытающихся играть на таком поле, падает с каждым годом и к настоящему времени не превышает значений статистической погрешности. Общество достигло консенсуса по вопросу свободы еще в первой половине 90-х и с тех пор не желает больше слышать об этом. Тем более что на смену предыдущему противостоянию тогда же пришло новое...

Второй период (1993–1999 гг.)

Следующий идеологический разлом, практически полностью определивший содержание партийно-политической борьбы второй половины 90-х годов, проходил по линии **экономики и социальной политики**. Политики, эксперты, СМИ и рядовые граждане до хрипоты спорили о приватизации, национализа-

ции, инфляции, курсе доллара, задержках зарплаты бюджетникам, пенсиях, ГКО и снова о пенсиях.

Вновь, как и в первом случае, наибольшей популярностью пользовались выразители двух крайних позиций: сторонники радикального экономического либерализма и столь же радикальные поклонники социалистической плановой экономики. Одни, к примеру, могли всерьез говорить о необходимости вообще отменить все социальные пособия и перейти к полностью платному образованию и здравоохранению. Другие столь же серьезно требовали немедленных репрессий против торгашей-«бизнесменов» или, например, возвращения в Уголовный кодекс валютных статей. Политологи, решившие, что этому спору суждена долгая судьба, принялись соответствующим образом выстраивать систему координат, определив первых на крайне правый фланг российской политики, а вторых — на крайне левый. В результате на сегодняшний день эта классификация, до сих пор периодически используемая СМИ, осталась чуть ли не единственным напоминанием о том противостоянии. При этом понятно, что сами по себе термины «правые» и «левые» — определения не качественные, а относительные. С каждым изменением повестки дня меняется и распределение по «право-левой» системе координат. В частности, во времена первого противостояния «правыми» называли коммунистов-консерваторов, а «левыми» демократов-реформаторов. Поэтому, чтобы корректно использовать данные определения сегодня, нужно сперва определить, в чем заключается основное идеологическое противостояние наших дней.

Горячие споры об экономике закончились так же внезапно, как и начались. В отличие от дискуссии о «свободах», на этот раз, слава богу, обошлось без вооруженных столкновений. Просто в какой-то момент общество нащупало то самое среднее состояние, включающее в себя и активное развитие частного бизнеса, и определенный набор социальных гарантий для населения. После чего политики, продолжавшие упираться на яркие экономиче-

ские модели, враз стали неинтересны. Конечно, каждая уважающая себя партия или кандидат в президенты до сих пор обязательно уделяет в своих предвыборных программах большое внимание социально-экономическому блоку. Однако все эти программы теперь похожи друг на друга как две капли воды. «Поднимем пенсии и пособия, увеличим зарплату врачам и учителям, упростим жизнь малому и среднему бизнесу» — подобные лозунги уже давно кочуют из одной листовки в другую. Найти хоть сколько-нибудь существенные различия между экономическими программами конкурирующих кандидатов на всех последних выборах можно только под лупой. А продолжающие настаивать на экономических догматах политики, будь то последователи Маркса или фон Хайека, оказались не у дел.

Третий период (1999–2006 гг.)

Новое тысячелетие началось с нового политико-идеологического противостояния, первым предвестником которого стали американские «гуманитарные бомбардировки» Сербии 1999 года и примаковский «разворот над Атлантикой». Главной темой этого времени стал **патриотизм и внешнеполитическое позиционирование России**.

Как обычно, в рамках дискуссии о внешней политике наиболее ярко выглядели опять же сторонники крайних позиций: те, кто говорил, что наша страна — неотъемлемая часть «цивилизованного» западного мира, которая должна полностью доверять своим американским партнерам, и те, кто, по сути, предлагал опустить новый «железный занавес» и уйти в дремучий изоляционизм. На их фоне терялись даже такие оригинальные и, в общем-то, тоже по-своему экстремальные позиции, как предложение создать «тройственный союз» с Индией и Китаем или выстроить ось Париж-Берлин-Москва.

К тому моменту, когда споры о патриотизме постепенно начали затухать, масла в огонь подлили «разноцветные» револю-

ции в нескольких постсоветских странах, разделившие наше политизированное сообщество на «оранжистов» и «контрреволюционеров». Однако ничто не вечно под луной. К настоящему времени «призрак оранжизма», год назад бродивший по нашей земле, постепенно обретает вечный покой. Ведь практически всем сейчас уже очевидно, в чем состоит пресловутая «срединная линия» противостояния «патриотов» и «компрадоров».

«У нашей страны в мире нет постоянных бескорыстных друзей, но нет и иррациональных врагов. Любые государства будут взаимодействовать с нами до тех пор и настолько, насколько это выгодно им, и будут всячески пытаться «вредить» нам там, где мы им мешаем. Мы должны быть открыты и вовлечены в глобальную политику, но всегда помнить о своих интересах, которые являются приоритетом». И так далее, и тому подобное. Похоже, на сегодняшний день по этому поводу установился определенный идеологический консенсус, с легкой руки В.Ю. Суркова получивший название «суверенная демократия». А значит, «оранжевая» и «антиоранжевая» тематики на ближайших выборах будут решительно неактуальны. На одном патриотизме выехать не удастся. Тем более что патриотами сейчас называют себя абсолютно все силы: от Г. Зюганова до Н. Белых. И это уже не «цепляет».

Четвертый период (2006–?)

Исходя из вышеизложенного очевидно, что те, кто рассчитывает на успех в грядущей избирательной гонке, должны прежде всего точно определить наиболее актуальные темы сегодняшней околополитической дискуссии, а затем сформулировать по ним свои яркие и четкие позиции. Ну а тем, кто рассчитывает на долгосрочные перспективы, желательно уже сейчас попытаться нащупать буду-

щие «срединные линии» данных тем. Ведь, вероятно, одна из причин феноменальной популярности Путина именно в том, что он выразитель «срединной линии» по трем предыдущим пунктам повестки дня. За свободу, но с определенны-

*Найти хоть сколько-нибудь
существенные различия между
экономическими программами
конкурирующих кандидатов на всех
последних выборах можно только
под луной*

ми ограничениями; за рыночную экономику, но с большим социальным пакетом; за патриотизм, но без «железного занавеса». И вот вам стабильные 60–70 процентов поддержки!

Какие конкретно темы в настоящей момент являются самыми горячими? Изучение общественных настроений последнего времени показывает, что таких тем может быть две.

Во-первых, безусловно, это **межэтнические отношения**. Страсти по этому направлению накалены до предела, эмоции перекрещиваются за край и периодически выплескиваются на улицу. Как и во всех предыдущих случаях, пока на бытовом уровне здесь явно господствуют две противоположные крайние позиции. С одной стороны, этнические националисты и шовинисты, в той или иной форме призывающие к дискриминации по составу крови. С другой — люди, утверждающие, что русские — это всего лишь одна из трех с лишним тысяч национальностей, проживающих в многоплеменном и мультикультурном союзе народов под условным названием «Россия», а все, кто считает иначе, — «фашисты». Более умеренные позиции на этом фоне практически не слышны. Однако представляется, что «срединная линия» здесь должна лежать возле создания единой полиэтнической нации на основе русской культуры, русского языка и рус-

ского культурного кода с активной ассимиляцией желающих присоединиться к этой нации и определенным поражением в правах нежелающих.

Во-вторых, постепенно такой темой становится **отношение к религии и традиционным моральным нормам**. Заметим, что противостояние по данному направлению уже давно является одной из главных составляющих партийно-политической борьбы во многих западных странах, где основное деление на «левых» и «правых» проходит чуть ли не по вопросам отношения к абортam, эвтаназии, сексуальным меньшинствам, легализации наркотиков и т.п. И здесь пока ярче всего смотрятся, с одной стороны, «православные хоругвеносцы», срывающие вечеринки в гей-клубах и разрывающие на части портреты Мадонны, а с другой – «антиклерикалы», пытающиеся загнать верующих в своего рода гетто, «чтобы не смели выходить со своей проповедью за церковную ограду». По этой теме нащупать «срединную линию» пока сложнее. Вероятно, она будет состоять в признании традиционных моральных принципов в качестве общепринятой «нормы» (того, что пропагандируется в качестве «правильного» образа жизни) с одновременной пропагандой спокойного и уважительного отношения к тем, кто по каким-либо причинам в своей личной жизни тем или иным «нормам» не следует. Впрочем, пока это всего лишь предположение.

Заключение

Новый политический сезон стартовал с места в галоп. Два главных информационных события первых сентябрьских дней этого года, вызвавших наиболее горячие споры в обществе, напрямую относятся к двум наиболее важным пунктам сегодняшней околополитической дискуссии. Это введение в некоторых регионах нового обязательного школьного курса «Основы православной культуры» и межэтничный конфликт в карельском городе Кондопоге.

Однако парадоксальным образом все основные политические партии предпочитают пока хранить по этому поводу гордое молчание. У них свои заботы: «Партия жизни», «Родина» и «Пенсионеры» создают союз, который будет отстаивать «социальные и патриотические ценности». Тем же самым по инерции собирается заниматься и КПРФ. Касьянов и сочувствующие ему либералы обещают восстановить выборность губернаторов и депутатов-одномандатников. Либертарианцы из СПС озабочены тем, что их товарищи по борьбе «за свободу» готовы пойти на союз с социалистами, тем самым «предавая идеалы» рыночной экономики. Наконец, «Единая Россия» – во всяком случае, в лице своих молодежных организаций – все так же упорно продолжает бороться с «оранжевой угрозой». И никто из них не замечает, что все эти мантры уже давно стали решительно неактуальны. Обществу больше неинтересно слушать ни про свободу, ни про экономику, ни даже про «оранжизм». На повестке дня совершенно новые вопросы.

В результате наша общественно-политическая жизнь постепенно начинает протекать в двух параллельных измерениях. В одном находятся официальные партии, публичные политики и избирательный процесс. В другом – вопросы, реально волнующие людей, и организации, предлагающие на них свои примитивные ответы, типа ДПНИ или «хоругвеносцев». И такое положение дел представляется довольно опасным.

Ведь не исключено, что во всех предыдущих случаях «срединная линия» появлялась исключительно благодаря тому, что политическая борьба по всем злободневным вопросам проходила в более или менее парламентских рамках. А улица к поиску компромиссов обычно не склонна. Следовательно, чем скорее существующие политические партии вернутся в реальность, тем лучше для страны. Нельзя столько времени жить вопросами вчерашнего дня. Политика должна соответствовать современности.

Предпринимательство и проблема лидерства

Поделюсь своими мыслями о том, что, будучи предпринимателем, я пережил сам, наблюдаю в жизни, вижу у своих друзей, которые тоже предприниматели, с чем сталкиваюсь в последнее время.

С 1988 года, после того как закончил аспирантуру Института электроники и техники в Зеленограде, я стал тем, кого сейчас называют бизнесменом или предпринимателем. Так кто он такой, предприниматель? Наверное, у каждого есть свой ответ на этот вопрос. Однако самый простой ответ, очевидно, один: предприниматель — это человек, который что-то предпринимает, что-то свое — один строит машины, другой издает стихи...

Предприниматель — это такой очень беспокойный субъект, хороший или плохой в жизни, скажем, в семейных отношениях, в общении с друзьями, но талантливый в своем деле. И когда он начинает «предпринимать», оказывается, что ему нужны помощники. Самое простое — пригласить, конечно, своих друзей, с кем-то в школе учился, в институте... Вася, заходи, я тут что-то придумал. Вася заходит: «ух, здорово»... Потом выясняется, что нужен бухгалтер. У кого-то есть мама, папа, сестра. Вот она пусть и будет бухгалтером, будет все подписывать, потому что кто еще за них, бестолковых на начальном этапе, станет что-то подписывать, только сестра... То есть появились друзья, родственники; одним словом, коллектив.

Неважно, что они делают. Могут просто на улице в жару продавать, например, охлажденную воду. Или делать окна, или миллион других вещей. И компания увеличивается, они начинают нанимать других людей, это уже не друзья и не родственники. Их нанимают, потому что они умеют делать нечто лучше либо быстрее, чем те, кто их нанял, иначе зачем же им деньги платить? Это уже *профессионалы*. А во главе тот сумасшедший, который вопреки всем сомнениям окружающих, вопреки неподходящим, казалось, для дела обстоятельствам все закрутил, начал «предпринимать».

Есть такая книжка, очень интересная, называется «Мистика лидерства». Написал ее тоже необычный человек, Манфред де Врис. Там доказывается на двухстах, примерно, страницах, что нормальная компания долж-

*Сергей Недорослев,
председатель
совета директоров
ГК «Каскол»*

М.З. Шагал. Прогулка. 1917–1918

на обязательно возглавляться человеком, который, как ни крути (может, это резко прозвучит), должен быть маниакально-депрессивным психопатом. Тот, кто изучал психологию, знает разные типы сумасшествия: есть шизофрения — это раздвоение личности, есть еще что-то... У меня мама была психиатром, и дома много книжек об этом было, так что я с детства знаком с этими разными типами. Так вот, лидер непременно маниакально-депрессивный психопат. Почему? Потому что в маниакальной стадии он умеет убедить всех — друзей, родственников, — что им надо бросить все и делать с ним, я не знаю, скажем, малярные особые валики, и тогда все они будут миллионерами. И вот эти родственники с друзьями, которые в страшном сне не могли представить себе, что такое эти самые валики, вдруг обнаруживают, что они их уже делают. А у лидера, который все это закрутил, наступает депрессивная стадия, он под столом спрятался, уже два дня переживает, ничего делать не может. Поэтому в той книжке, «Мистика лидерства», доказывалось, что в компании, чтобы она была успешной, должен быть еще кто-то, кто напоминает человека с другим психическим расстройством, например шизофреник. Они, шизофреники, талантливы, любят математику и очень хорошо прорабатывают контент. Ну, и третий обязательно должен быть.

Третий, это, наверное, самый важный. Он, к сожалению, никогда не будет лидером, его не покажут по телевизору, но без него компания развалится. Он параноик. Он не знает, зачем делает валики, но он точно знает, что валики делать надо. И пока тот маниакально-депрессивный психопат в своей депрессивной стадии сидит под столом, ему там просто комфортно, параноик все время что-то делает, делает, делает. То, что талантливый шизофреник придумал, на что предпримчивый психопат всех зажег, пара-

ноик реализует, он их общий фундамент. Эти три психических типа редко встречаются в одном человеке, потому что, как вы догадываетесь, если они все встретятся в одном человеке, то он точно в психушке будет сидеть.

Нормальная компания должна обязательно возглавляться человеком, который, как ни крути, должен быть маниакально-депрессивным психопатом

«Мистику лидерства» я притащил к маме моей жены и говорю: «Элеонора Александровна, у меня к вам вопросы есть, вы на них ответьте, пожалуйста». Это небольшой тест, всего 20 вопросов, на которые надо ответить «да — нет», и после этого сразу все видно. «Проверь себя» называется, но себя проверить и ставить диагноз все-таки мешает субъективный фактор. А с Элеонорой Александровной я вообще люблю пообщаться, она очень приятная женщина и тоже всегда хочет со мной поговорить... Ну, она на все вопросы отвечает, а я помечаю: да — нет, да — нет, и в результате оказалось — абсолютно нормальный человек. Она на крупном заводе проработала всю жизнь, отмечена наградами, до пенсии дошла, но завод не возглавила, и конструкторское бюро, в котором работала, не возглавила, а ведь была очень уважаема коллективом.

Потом я поехал к знакомому старшему товарищу, скажем так. Он генеральный конструктор дизайн-бюро. Тоже задаю вопросы, тоже записываю: да — нет, да — нет. Получилось — на 90 процентов маниакально-депрессивный психопат. Я эту книжку ему и подарил с тестом вместе. Он долго смеялся и сказал: пойду к друзьям, тоже интересно проверить.

Но вернемся к нашей компании, делающей валики. Интересно проследить ее судьбу, потому что судьба всех наших компаний примерно такая же — и небольших, и очень крупных, которые сегодня

полмира пытаются завоевать; молодцы, в принципе все это про них.

Что же происходит в компании, когда туда приходят профессионалы? У компании был оборот 1000 долларов, а теперь 100 миллионов, у них уже машины дорогие, костюмы на них нормальные, уже офис сняли, в Москву перебрались, региональные отделения открыли, а они-то, *создатели*, все те же. То, что они на себя надели, на чем ездят, где живут, их нисколько не меняет. А профессионалы совершенно не такие: они учились, где положено, у них дипломы МВА. А эти сумасшедшие сидят в больших кабинетах вице-президентов, с секретаршами, и президент тоже в отдельном кабинете, и к ним туда надо ходить, что-то объяснять. А что ты объяснишь профессионалам, если они три года назад еще валики делали. Что они понимают в том, чему не учились? Но надо как-то находить общий язык, их же на работу наняли. А тут еще сестра-бухгалтер, которая не знает системы международного учета, попробуй ее выгони...

И здесь возникает конфликт, потому что те люди, которые пришли на более поздних этапах, намного конкурентоспособнее, чем тот, кто создавал компанию. Почему? Потому что он же просто предприниматель, который с шизофреником придумал хорошую идею. А теперь вот огромная фирма и профессионалы пытаются грамотно выстроить бизнес, а малограмотный персонал им мешает.

Человек, который всем этим владеет, *лидер*, все это, разумеется, понимает. Он вызывает своего старого друга и говорит: «Слушай, я кабинет тебе могу оставить, да все, что хочешь, вообще ты третью компанию владеешь, но единственное, что не могу передать, — это ответственность за дело». А по сути говорит ему: единственное, на что я не соглашусь, это чтобы ты был начальником, потому что ни хрена ты никакой, сам понимаешь, не начальник.

И отодвинутые от дела люди не просто тяжело переживают — кто-то с балкона спрыгивает, потому что не может это пережить, кто-то уходит на пенсию и пыта-

ется получить удовольствие от накопленных денег, но это не может, конечно, принести настоящего творческого удовлетворения... В общем, огромная намечается проблема у людей, которые, представляете, нормально вроде бы жили... «На хрен, мол, нам все эти профессионалы, у нас все и без них хорошо, валики эти нужны всем, люди требуют: дайте нам миллион валиков». Следовательно, масштаб бизнеса должен быть огромным. Но конфликт, как правило, разрешается именно в пользу профессионалов. Друзья и родственники уходят, сестру-бухгалтера, бедную, увольняют. Говорят всем: «Спасибо, концерт окончен».

А что с нашим лидером, он же президент, хозяин, как в книжках пишут, контрольного пакета?

Когда все расходится, он осознает, что остался вообще один на один с этими профессионалами, и он ими не то что управлять, он их понять-то не может. Потому что им нужно управленческую информацию давать в определенной форме, иначе они не понимают. Как андроиды: программу не в том формате напишешь, а они ее уже не читают, их учили другому. Им подавай в том формате, который соответствует цели «эффективная экономика».

Получается, ну, не профессионал наш лидер, но он же умный парень, иначе бы не создал, наверное, с друзьями этот свой бизнес с валиками. Но то время прошло, пришли другие люди, изменилась страна, законы стали другими, конкуренты появились... И вдруг он понимает, что безнадежно отстал.

Компания огромная, не то что когда начинали, в главном кабинете тоже профессионал нужен. Тогда он говорит сам себе: ну понятно, я, собственно, что хотел — я хотел только счастья, сделать там что-нибудь. А все это переросло в какой-то кошмар, и если нанять человека, чтобы бизнес сохранился, я-то что буду делать? Чем заниматься?..

А дальше — о другой жизни после первой. Есть еще одна смешная книжка, я ее на-

шел в самолете, кто-то в кармашке кресла оставил, называлась она «Second job». Ну, как есть сэконд-хэнд, а это сэконд-дэб, то есть «вторая работа». Мы-то думаем, что только в России происходят такие вещи, о которых я рассказываю. А на самом деле эта проблема уже тысячи лет существует, и в последние двести в исследовании ее наметился прогресс. Короче, оказалось, что масса людей в современном мире хочет изменить свою

жизнь. Не то чтобы, скажем, жениться еще раз или еще что-то, а они работу коренным образом меняют. Представьте: человек всю жизнь был в бизнесе, я прочитал об этом в книжке, достиг в «Мотороле» должности исполнительного директора, под ним 20 тысяч человек было, а он взял и бросил все, когда ему стукнуло 45. И ушел в некоммерческую организацию, которая за что-то там борется, но ему это было не так важно, важно было уйти. Разрешить, очевидно, какой-то внутренний конфликт. Поэтому вернемся в Россию.

Представим себе ситуацию, что какой-то российский предприниматель, который в предшествующей жизни под разными более или менее благовидными предложениями только зарабатывал деньги — один кому-то валики продавал, другой просто их отбирал в виде штрафов за просрочку возврата кредита, да мало ли как еще — тоже внезапно это бросает и пытается научиться их отдавать. Как наш несчастный лидер, который проводил своих друзей и родственников, а потом понял, что он не лидер. Ясно, что у него не получится, и, скорее всего, оказавшись в некоммерческой организации, в силу отсутствия культуры благотворительности, не он будет ответственным за то, чтобы отдавать. Но что у него может получится, поскольку он мастер по организации процесса, просто чемпион мира, он быстро всех проинтервьюирует,

даст всем конкретные задания и организация начнет эффективно работать. Но будет ли он доволен? Приведу еще пример.

В одном американском журнале не так давно были опубликованы результаты ин-

Профессионалы пытаются грамотно выстроить бизнес, а малограмотный персонал им мешает

тересного исследования: бизнесменов засовывали в медицинское устройство — ядерно-магнитный томограф, с помощью которого сканировали различные области мозга и выясняли, как они активизируются на разных этапах его деятельности. Отобрали для этого тех бизнесменов, которые только что придумали, как заработать. И совершенно четко исследователи увидели, что в это время один участок мозга у всех был ярко красным, там даже рисуночки всякие сканировались. Это участок мозга в передней лобной доле, который отвечает за удовольствие. Некоторые наркотики возбуждают именно этот участок. А потом, когда их бизнес-проекты были реализованы и деньги легли на счет, эксперимент повторили снова, и красный цвет не появился, он погас.

Интересно, что когда Билл Гейтс отдал почти все свои деньги (сейчас и по завещанию) в благотворительный фонд на образование и здравоохранение, то своим детям он оставил весьма скромную сумму. Почему? Я думаю, потому что он хочет, и это естественно, чтобы его дети были счастливы, чтобы они нормально, включая мозги, зарабатывали, общались с людьми. То есть чтобы и у них это красненькое во лбу все время немножко светилось...

Ну вот, в принципе, и вся сказка про лидерство в бизнесе.

*Александр Зурабов,
предприниматель*

Зачем человек работает?

Тема «карьера как управление собой» несет важный для меня и глубокий философский смысл, ибо я отношусь к тем людям, которые считают, что человеческое существование проходит в непрерывном поиске себя. В течение жизни сам человек непрерывно меняется, меняются его приоритеты, корректируются взгляды, сдвигаются ценностные ориентиры. И все это происходит потому, что он (даже порой не отдавая себе отчета в этом) постоянно ищет как себя, так и некое сочетание внешних обстоятельств, которое в наилучшем виде соответствовало бы его внутреннему «я». С этой точки зрения работа (или карьера) представляется одной из важнейших форм такого поиска, хотя, разумеется, не единственной.

Зачем человек работает? При всей простоте вопроса ответ на него отнюдь не прост. Самый очевидный, вероятно, таков: работа — это способ получения материальных средств к существованию. Разумеется, ответ правильный, особенно в начале трудовой жизни, когда материальное положение крайне неустойчиво и приходится жить «от полочки до полочки». Однако далее многие начинают осознавать, что уровень заработной платы является важнейшим, но далеко не единственным мерилем привлекательности места работы. Это справедливо не только для людей с высоким уровнем достатка. Даже те, чья заработная плата далека от желаемого уровня, понимают, что для них имеют значение и некоторые другие факторы. Такие, например, как обстановка в коллективе, взаимоотношения с начальником, возможности профессионального развития и служебного роста, квалификационный и культурный уровень сослуживцев, применяемые формы моральной поддержки, в том числе положение (статус) в обществе или приобщение к большому и важному делу.

На протяжении всей трудовой деятельности человек (осознанно или нет) проверяет текущую работу на ее близость ряду важнейших для себя требований. Если условия работы находятся на допустимом удалении (именно так, а не «в допустимой близости») от некоего абстрактного идеала, то человек продолжает трудиться на

своем месте, только слегка улучшая те или иные условия. Если же удаление становится недопустимым, то он принимает решение о поиске другого места. Я убежден, что движение, внешне принимаемое за карьерный рост, есть не что иное, как поиск себя, поиск такого места в системе общественного производства, которое находится на допустимом удалении от непрерывно уточняемого ориентира внутреннего баланса человека. На первом этапе большинству людей кажется, что уровень материального вознаграждения есть самый важный из параметров, и развитие карьеры идет в направлении поиска более высокооплачиваемой позиции.

Становясь более зрелым и все лучше познавая себя, человек теряет желание играть по чужим правилам

Собственные усилия на работе концентрируются на том, чтобы стать заметным, чтобы тебе поручили важное задание, чтобы быть самым хорошим игроком по тем правилам, которые еще до тебя установили в трудовом коллективе.

Далее, если внутренний поиск продолжается, то неизбежно наступает конфликт, сначала в себе, а затем и вовне, который разрешается уходом сотрудника (чаще всего) или его значительным восхождением по служебной лестнице. Неизбежность этого конфликта порождается тем, что, становясь более зрелым и все лучше познавая себя, человек теряет желание играть по чужим правилам, а все более хочет играть по своим собственным, менее противоречащим его внутреннему миру. Нередко, правда, можно наблюдать случаи «побега» от такого конфликта на работе, когда человек переносит центр тяжести своих интересов за пределы трудовой деятельности — на семью, увлечения, дачу и пр. Однако такой поворот событий прекращает карьерное движение, а следовательно, выводит нас за рамки темы.

Развитие карьеры как поиск себя — это, на мой взгляд, самое лучшее, что можно порекомендовать многим людям. Если я говорю не всем, то только потому, что вообще такой поиск — занятие сугубо добровольное. Подобное отношение к карьере не боится внешних конфликтов и внутренних мучений, ибо поиск себя невозможен без таких мучений и без боли. Но в конечном итоге сумма этих мучений (если их позволительно вообще суммировать) будет меньше, и потеря в жизни будет также меньше по сравнению с движением по какой-либо иной траектории. Не могу здесь не привести одно из моих любимейших высказываний (автора, к сожалению, не помню): «Суть не в том, чего ты достиг, а в том, от чего отказался». Главное, чтобы плата, которую человек внес за достижение тех или иных формальных результатов (должности, состояния и пр.), не оказалась слишком большой, чтобы не пришлось жертвовать долгом перед родителями, своей семьей, детьми, собственным здоровьем. Для этого нужно относиться к своему карьерному росту не как к конечной цели, а скорее как к средству достижения внутреннего равновесия и согласия с внешним миром.

*Лорд Роберт Скидельски,
профессор Уорвикского
университета*

Свобода под угрозой: три взгляда.

Хайек, Кейнс, Оруэлл

Ф

ридрих фон Хайек, Джон Мейнард Кейнс и Джордж Оруэлл — три крупнейших мыслителя XX века — стремились привлечь наше внимание к тенденциям в развитии современного общества, которые ведут к ограничению свободы. Хайек писал об этом в своей классической книге «Дорога к рабству», Кейнс — в критических заметках о книге Хайека, Джордж Оруэлл — в романе «1984», опубликованном примерно в то же время.

I.

«Дорога к рабству» вышла в свет в 1944 году. Ее основная мысль в том, что любые формы социализма и экономического планирования неминуемо ведут к тирании. Это утверждение было достаточно сенсационным, чтобы сделать книгу бестселлером. Лидер британских консерваторов Уинстон Черчилль подхватил хайековскую тему в своем знаменитом предвыборном выступлении по радио 4 июня 1945 года. Он заявил, что в случае победы лейбористов их лидеры «скатятся к некоторой форме гестапо, хотя на первых порах довольно гуманно управляемого». Выборы он проиграл, а книга Хайека, как тогда казалось, была обречена на скорую естественную смерть. Миром идей в 1950-х и 1960-х годах правил не Хайек, а Кейнс. В своей великой книге «Общая теория занятости, интересов и денежного обращения» (1936) Кейнс писал, что угроза свободе исходит не от социализма, а от капитализма, так как капитализм подвержен периодическим кризисам, порождающим массовую поддержку отчаянных решений. Он имел в виду тот факт, что массовая безработица привела Гитлера к власти в Германии в 1933 году. Противоядием должна была служить политика полной занятости, проводимая правительством, и стимулирование потребительского спроса — при необходимости даже посредством бюджетного дефицита. Такую политику после Второй мировой войны взяли на вооружение почти все западные правительства. Это была эпоха Кейнса, а не Хайека.

Книга Хайека взяла верх в 1970-х, когда начался кризис кейнсианской системы. Маргарет Тэтчер перечитала эту книгу в 1974 году, и пелена упала с ее глаз. Тогда же Рональд Рейган произнес свою знаменитую фразу о том,

что люди теперь больше работают для федерального правительства, чем на себя. Пора, сказал он в 1976 году, «вернуть народу свободу, узурпированную бюрократами». Сам Хайек еще был жив и смог поддержать эту линию. В 1944 году он предупредил, что, «если мы полны решимости любой ценой не допускать безработицы и не хотим затягивать пояса, мы придем... к безудержной инфляции». И в 1974-м повторил, что попытки не допустить безработицы инфляционными методами неизбежно разрушают рыночную экономику и заменяют ее «коммунистическим или другим тоталитаризмом», а это «опасная дорога», которой мы должны «избегать любой ценой». В том году Хайек получил Нобелевскую премию по экономике.

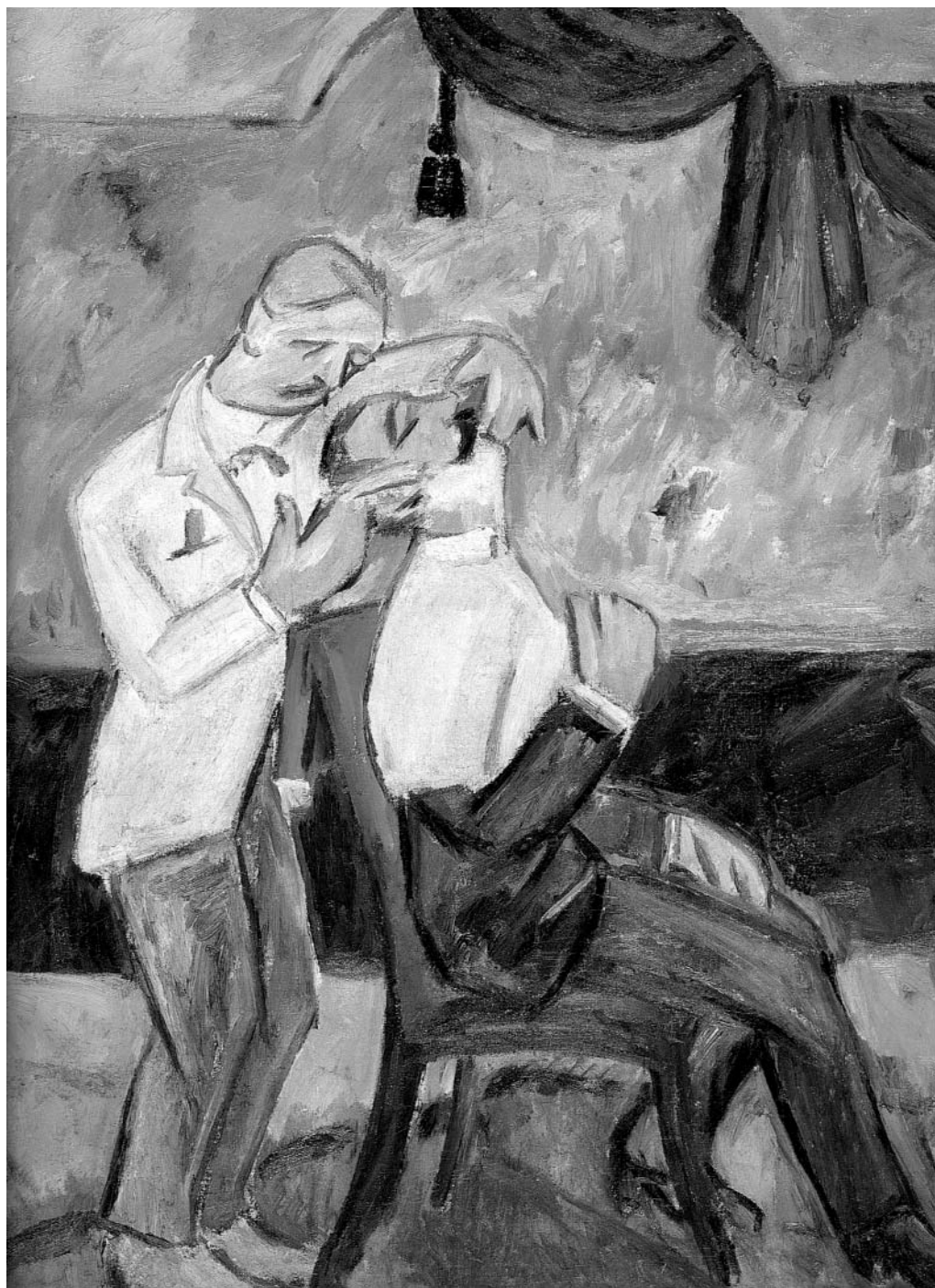
II.

Западные мыслители раньше считали, что экономическая и политическая свободы существуют отдельно. Экономическую свободу можно (а иногда и нужно) ограничить ради экономической безопасности. Но это не обязательно создает опасность для политической свободы. Книга Хайека в первую очередь была нацелена против этого тезиса. Происходя из Центральной Европы, где рабство и автократия поднимались и рушились одновременно, Хайек настаивал на тесной взаимосвязи политической и экономической свобод. Дорога к рабству в экономическом смысле является дорогой к тоталитаризму и в политическом смысле. Необходимо также помнить, что «Дорога к рабству» появилась в результате участия Хайека в дискуссиях 30-х годов о центральном планировании. Социалисты тогда утверждали, что планирование позволит использовать преимущества рынка и исключить его недостатки, поскольку государственные компании вынуждены будут адекватно реагировать на рыночные сигналы. Хайек считал эти утверждения совершенно утопическими. Центральное планирование заведомо обречено на неудачу, поскольку нельзя, по его словам, централизовать знания, необхо-

димые для его эффективной работы. К тому же оно не способно учитывать роль рыночной конкуренции и возникновение новых потребностей и процессов. Таким образом, экономическая жизнь замораживается на низком уровне.

В «Дороге к рабству» Хайек распространил свою критику центрального планирования и на политическую сферу. Он определил такое планирование как централизованное управление всей экономической жизнью, когда природа собственности теряет значение в силу того, что центральное планирование лишает владельцев и менеджеров их основных прав. «Демократическое центральное планирование» он объявил иллюзией, поскольку невозможно достичь достаточной степени согласия в отношении целей планирования, ибо даже частичное планирование порождает проблемы, для решения которых требуется еще больше планирования. В результате оно ведет к «нарастающему подавлению экономической свободы, без которой личная и политическая свобода никогда не существовала». Фашизм и коммунизм стали тоталитарным итогом демократического социализма. Западные демократии боролись с фашизмом, не понимая, что сами уже встали на скользкий путь. В противовес сторонникам планирования Хайек утверждал: «Фундаментальный принцип ведения дел в том, чтобы как можно больше полагаться на спонтанные силы общества и как можно меньше — на жесткие действия».

Заслуживают упоминания еще два важных положения «Дороги к рабству». Первое: для Хайека краеугольный камень свободы — верховенство права, под которым он понимает свод общих правил, обязательных для всех и опирающихся на общую правовую традицию, в отличие от законов, направленных во благо или во вред отдельным группам. Это противопоставление было понятно читателям, имевшим перед глазами ужасные примеры существования законов, направленных против отдельных групп: капиталистов в СССР и евреев в нацистской Германии. Хайек уподоблял верховенство пра-

М.Ф. Ларионов. Парикмахер. 1907

ва дорожным знакам, которые не предписывают водителям, куда ехать, а дают им возможность выбирать свой путь. Центральное планирование несовместимо с

верховенством права, поскольку вынуждает людей действовать в соответствии с целями плановиков, а не со своими собственными. По той же причине он был

против перераспределительного налогообложения и особых привилегий для таких групп, как профсоюзы.

Во-вторых, Хайек не был апостолом *laissez-faire*. Он верил в сильное, но ограниченное государство. Государство обязано обеспечивать социальную безопасность, но прежде всего оно должно охранять «правила конкуренции».

Истинная оригинальность его книги в утверждении, что рабство совсем не обязательно устанавливают злодеи вроде Гитлера или Сталина — гораздо чаще оно наступает в результате кумулятивного эффекта действий добропорядочных людей, каждое из которых оправдывается сиюминутной необходимостью. «Дорога к рабству» вымощена добрыми намерениями, и по ней движутся шагом, а не галопом.

III.

28 июня 1944 года Кейнс написал Хайеку теплое письмо, в котором поздравил его с написанием «великой книги» и добавил: «Морально и философски я согласен с ней почти полностью, и не просто согласен, а согласен от всей души». Было высказано только три критических замечания.

1. «Вы говорите... что вопрос в том, где провести черту. Вы соглашаетесь, что черта должна быть проведена, и что крайности невозможны. Но вы не показываете, где ее надо проводить... Хотя вы говорите, что крайности невозможны... но сами впадаете в крайность, утверждая, что малейший шаг в сторону планирования неизбежно ведет нас к печальному финалу».

Хайек действительно не сумел определить границу, до которой государство может доходить. Как писал Антони де Жасэ, он оставил «место государства в обществе *ad hoc*, неопределенным». К примеру, хайековское разделение законов на общие и принимаемые в интересах отдельных групп не защищает свободу так, как ему хотелось: общие законы тоже могут быть весьма жесткими. Хайек признавал необходимость системы социальной защиты, но требовал, чтобы ее цели не были перераспределительными, хотя любая

система социальной защиты включает некоторое перераспределение между богатыми и бедными и между поколениями.

2. «Что нам нужно в действительности, — продолжает Кейнс, — так это не сокращение наших экономических программ, которое на практике привело бы к разочарованию в вашей философии, а, возможно, даже... их расширение».

Кейнс подчеркивает, что отказ от политики, направленной против экономических потрясений, может породить «разочарование» в либеральных ценностях. У него были аргументы: не монополистическая структура германской экономики, которую Хайек считал прелюдией к нацизму, а шесть миллионов безработных привели Гитлера к власти. С другой стороны, у Хайека были основания подчеркивать — уже после смерти Кейнса в 1946 году, — что, разрушив правила, ограничивающие государственное вмешательство в экономику (особенно правила сбалансированности бюджета), Кейнс открыл дорогу для неограниченной экспансии правительственных полномочий.

3. «Планирование возможно в обществе, в котором большинство разделяет вашу моральную позицию. Умеренное планирование безопасно, если его осуществляют правильно ориентированные люди, умом и сердцем приверженные вашей моральной позиции... Опасные действия могут быть безопасны для общества, мыслящего и чувствующего правильно, и могут стать путем в ад, если предпринимаются теми, кто мыслит и чувствует неверно».

Этот тезис был подхвачен многими современными обозревателями. «Подготовка к казни на электрическом стуле и к снятию электрокардиограммы одинакова: до определенного момента», — заметил профессор Чикагского университета Смит. Все зависит от традиций общества. «Ни одна страна, — писал он, — ни вольно, ни невольно, не скатится к рабству, если ее устои демократические, обычаи, надежды и привычки основаны на уважении к человеку и к закону, как инструменты свободы». То есть в обществе, где сильны традиции свободы, экономическая

свобода может быть ограничена без ущерба для политической свободы.

Однако у Хайека есть сильный ответ. Аргументы Кейнса и профессора Смита статичны. Они игнорируют возможность того, что «правильные чувства» и либеральные обычаи могут разрушаться под воздействием правительственной интервенции; они зависят от того, что делается вокруг. Общество, в котором «опасные действия» предпринимаются слишком часто, теряет понимание того, что они опасны, — и в этом смысле перестает понимать, что значит быть свободным.

До некоторой степени так сегодня и произошло: мы терпим такие действия правительства, которые в XIX веке были бы отвергнуты как недопустимое нарушение свободы, в частности установление уровня налогов в 50 процентов ради финансирования социальных программ.

IV.

«Безопасность» — лукавое слово. У него три значения: экономическая безопасность, защита от преступлений, национальная безопасность. Хайек беспокоился только о первой. В «Дороге к рабству» практически ничего не говорится о национальной безопасности и совсем ничего о «законе и порядке». Как и большинство людей в 1944 году, он полагал, что с разгромом нацистской Германии начнется период всеобщего мира, а потому не возникнут угрозы свободе, порождаемые необходимостью бороться с внешней опасностью. Холодная война еще только предстояла. Хайек скорее предостерегал от опасности сближения с советской моделью.

О других угрозах говорил Джордж Оруэлл, четыре года спустя выпустивший не менее знаменитую книгу «1984». Во многом Хайек и Оруэлл начинают с одного и того же. В оруэлловской антиутопии существует контролируемая государством экономика с несколькими монопольными производителями и полным контролем над рабочими. Но вовсе не это делало Большого Брата столь могущественным, а две другие причины.

Во-первых, инструменты власти претерпели технологические изменения. Оруэлл считал, что изобретение именно телевидения может сделать сравнительно несложным для элиты манипулирование массами без большого террора. «Каждый гражданин, во всяком случае каждый гражданин, заслуживающий внимания, — писал он в романе, — мог круглые сутки находиться в поле зрения полиции и в пределах досягаемости официальной пропаганды. Впервые существовала возможность установления полного единообразия».

Во-вторых, власть Большого Брата основывалась на лжи о вечной войне. В оруэлловском мире существовали три великие державы с нестабильными границами — Океания, Евразия и Остазия. Каждая из них была защищена от завоевания наличием ядерного оружия, но каждой требовалось — в целях внутреннего контроля — создавать иллюзию постоянной войны между ними. В своих примечаниях к книге Оруэлл отмечал, что «общество основано на системе организованной лжи».

Таким образом, для Оруэлла опасность тоталитаризма проистекала из новых технологий манипуляции и контроля, поставленных на службу обеспечения национальной безопасности. Он нарисовал мир, в котором структура экономики и нравы народа полностью подчинены требованиям власти.

Но ни Хайек, ни Оруэлл не говорили о безопасности в третьем смысле. Между тем «война с преступностью», а затем и «война против террора» вошли в современный лексикон страха. Современный политический язык приучает нас к сознанию того, что мы воюем на многих фронтах без перспектив окончания войны.

V.

Итак, перед нами три возможных пути к рабству: хайековский, основанный на требованиях экономической безопасности; кейнсианский, базирующийся на усиливающейся экономической неста-

бильности, и оруэлловский, исходящий из угрозы национальной безопасности. Какого из них стоит бояться больше?

Главным доказательством относительной правоты Хайека служит Европа. В «Дороге к рабству» он писал: «Мы должны внимательно смотреть под ноги, если не хотим, чтобы экономика становилась все более зависимой от характера и объема государственных расходов». В странах ЕС уровень таких расходов составляет сегодня в среднем 50 процентов ВВП. В «Старой Европе», как назвал ее Дональд Рамсфелд, не было тэтчеровско-рейгановской революции. Однако, хотя ситуация может показаться хайековской, она не свидетельствует об угрозе движения к социализму, центральному планированию и государству благосостояния, от которых предостерегал Хайек. Проблема современной Европы не в социализме, а в стагнации, который привел Европейский союз к посредственным экономическим результатам.

А как насчет кейнсианских опасений? Рейгановско-тэтчеровская революция 80-х годов вырвала экономику из кейнсианских тисков; коллапс коммунизма сделал ее всемирной, что нашло выражение в слове «глобализация». Сегодня во всех экономических учебниках пишут, что рынок — это эффективная, саморегулирующаяся система, от которой все выиграют, если в нее не вмешиваться. Но большинство людей этого не чувствуют. В России переход от социализма к капитализму был травматическим. Мы говорим о переходе, но Кейнс предупреждал, что переход может занять долгое время: «Говорить, что все будет хорошо в долгосрочной перспективе — плохой совет для государственного деятеля. В долгосрочной перспективе мы все умрем». Неуправляемая глобальная система служит источником серьезной нестабильности; она порождает победителей и побежденных, устраняя средства защиты побежденных. В результате растет идеология антиглобализма; усиливаются настроения в пользу протекционизма и экономического национализма. Так что критика Кейнсом не-

прикосновенности рыночных сил по-прежнему актуальна.

А что можно сказать по поводу опасений Оруэлла? Вопрос в том, до какой степени интересы «национальной безопасности» подрывают верховенство права. Выдающийся британский юрист Хелена Кеннеди отмечает, что «война против терроризма» дает «премьер-министрам и президентам возможности, которых у них иначе не было бы» для принятия репрессивных законов. Не хочу комментировать специфические особенности развития США или России, особенно в свете трагедии 11 сентября 2001 года в США и влияния чеченской войны на внутреннее развитие России при Путине. Но хочу обратить внимание на то, что в обеих этих странах, как и в Великобритании, нарушения свобод оправдываются интересами «войны с террором».

Правительства оправдывают нарастающее использование слежки и превентивных арестов тем, что мы «на войне». Но на самом деле мы не на войне, хотя наши лидеры и используют военный язык. Война с террором, война с преступностью, война с наркотиками — все это не войны в обычном смысле слова. Война — это Великая Отечественная война, которая завершилась разгромом врага. А нынешние войны — это придуманные войны, у которых не может быть конца. Это именно то, что предвидел Джордж Оруэлл. Именно этой опасности мы должны сегодня уделять наибольшее внимание.

«Цена свободы, — сказал лорд Эктон, — постоянная бдительность». Мы должны быть особенно бдительны в отношении языка, который используют наши лидеры, чтобы оправдывать ограничения свободы. Если мы будем слепы, мы можем утратить свободу гораздо раньше, чем опасности, реальные или придуманные, которыми оправдываются нынешние ограничения, будут отражены.

*Перевод с английского
Юрия Гиренко*

Во всех демократических государствах институт местного самоуправления играет фундаментальную роль. В нашей стране тоже были приняты соответствующие законы. Однако они уже обросли дополнениями и поправками, а практика самоуправления по-прежнему вызывает много нареканий и дискуссий. Участники публикуемого диалога, выпускники Школы, выступая перед ее слушателями и представляя каждый свою точку зрения на этот предмет, далеко не во всем сходятся во взглядах.

Местное самоуправление: реальность и иллюзии

Публичный диалог

Яков Силин,

советник генерального директора компании «УГМК-Холдинг», доктор экономических наук, вице-президент Конгресса муниципальных образований России (Екатеринбург)

Алексей Клешко,

депутат Законодательного собрания Красноярского края

Исторические корни местного самоуправления – есть ли они?

Яков Силин. Попробую для начала проследить, каковы же истоки местного самоуправления у нас, на Руси. Почему я решил заглянуть в историю? Потому что многие политики склонны считать себя первооткрывателями во всем. То, что делается ими сейчас, мол, единственно правильное, и ничего подобного прежде не было. Между тем знание истории, опыта прошлого помогает часто понять, как лучше решить сегодняшние проблемы.

Так вот, еще в домосковский период в России появились общины, в которых все имели право на участие в самоуправлении. Это начало признавалось и в Московской Руси, когда фактически любое поселение – город и село, посады и деревни – также имело одну основу общественного устройства – совместную жизнь. Самоуправление тогда (при этом дальше я буду иметь в виду в основном городское самоуправление) состояло в праве разверстки падавших на население государственных налогов и в обязательном отправлении различного рода услуг государству. Общинный строй, общинное землевладение, совместная деятельность – в данном случае ключевые понятия.

И тогда же стали складываться особые разряды городского населения, различающиеся по службе, иногда с особыми правами. Шло развитие, появлялись новые проблемы, которые нужно было решать. И ответом на это стали попытки усовершенствовать управление на местах. И то же самое, а именно право городского сообщества на участие в самоуправлении, мы видим в опытах семнадцатого столетия, то есть четыре века на

Яков Силин и Алексей Клешко (справа)

зад. Городские жители в то время разделялись на два разряда. Очень специфически, между прочим. Сегодня бы как разделили? Город — деревня, богатые — бедные. А тогда? Регулярное и нерегулярное *гражданство*. Видите, как глубоко заглядывали. В составе регулярного гражданства не находились дворяне, владеющие в городах домами, приказные чиновники, духовенство, иностранцы, чернорабочие. Регулярное гражданство составляли купцы, имеющие любую торговлю, большую или малую, ремесленники, живописцы, доктора, аптекари.

Заглянуть можно и в век Екатерины II, в ее знаменитую Жалованную грамоту городам. На встречах со своими коллегами, муниципалами, поскольку я был одним из инициаторов создания Конгресса муниципальных образований России, и с теми, кто профессионально изучает местное самоуправление, я не раз цитировал три строчки из этой грамоты. О том, как Екатерина определила отношение государства к самому, как говорят сейчас, базовому, низовому уровню власти, наиболее близкому к населению. А именно: «Мы, Императрица, данной нам Богом властью провозглашаем навечно и непоколебимо выгоды городам и их сообществам». А дальше — конкретно: кому, сколько и на что, то есть все уже было когда-то сказано.

Сегодня вы можете взять любой закон и насчитать в нем множество статей. В прежнем, недавно действовавшем Законе об общих принципах организации местного самоуправления — 62 статьи. С моей точки зрения, это был сильнейший закон о самоуправлении в Европе. Он давал столько возможностей, что мы просто были не готовы к их использованию. Сейчас в новом, 131-м законе уже больше восьмидесяти статей. Но стал ли он лучше?

Так вот, названная грамота определяла две принципиальные позиции: избирательное право и право собственности. Но это 1785 год, екатерининское время, когда городским избирательным правом уже обладал значи-

тельно больший круг сословных разрядов городского населения. А столетие спустя, в пору начала городской реформы 1870 года, заменившей сословные органы самоуправления бессословной городской думой и городской управой? Тот, кто ближе к этим проблемам, очевидно, слышал, что эта реформа была прогрессивной. И это действительно так. В литературе последнего времени я все чаще встречаю, что позитивными на уровне местного самоуправления до конца девятнадцатого века были посылы, установки, ориентиры, определенные еще при Екатерине II. И при этом стоит отметить, что Городовое положение 1870 года признавало правоспособными горожанами только два разряда городского населения. Но эти два разряда уже были несколько иные, чем прежде: владельцы недвижимой собственности и торговые промышленники, то есть гласные городские думы избирались на основе имущественного ценза. Причем вводились жесткие ограничения, размер имущества тоже был конкретно указан. Я довольно подробно изучал историю Екатеринбурга и могу сказать, что до этого в городах Российской империи участвовать в выборах прямо или опосредованно позволялось всем, даже иностранным и иногородним гражданам, при одном условии: если человек имел в городе собственность и платил хоть рубль налога в местный бюджет. Другое дело, что иностранцы при этом не могли быть избранными в исполнительную власть. Но участвовать, повторяю, в выборах они имели право, если что-то строили, развивали, то есть, выражаясь современным языком, были инвесторами. А затем в результате начавшихся еще в 1880 годы контрреформ была установлена бюрократическая опека вначале над земским (1890 год), а потом и городским (1892) самоуправлением. То есть все изменилось в худшую сторону, не говоря уже о временах советской власти, когда избирательное право существовало лишь формально. Однако в нашей истории, по-моему, есть на что опереться, развивая самоуправление сегодня.

Алексей Клешко. Похоже, история нашего местного самоуправления — это как раз та тема, где у нас не совпадают точки зрения.

В нашей с вами Школе есть такой замечательный эксперт Виталий Найшуль, который, выступая перед нами, как-то сказал, что, если мы хотим провести серьезную реформу, то не должны заявлять ее обществу как нечто принципиально новое, иначе она будет отторгнута народом. Задача элиты, говорил он, найти некие исторические основания для того, чтобы реформа была сравнительно безболезненно вживлена в ткань общественных отношений. Мне кажется, что практика реформы местного самоуправления пошла как раз по этому пути. У нас все пытаются доказать, что в России оно было. Я же считаю, что его никогда не было в европейском понимании. Мы в нашей истории видим повсеместно и постоянно примеры действий центральной, монаршей власти по организации только *управления* на местах. А местное управление и местное самоуправление, согласитесь, разные вещи.

Язык, как известно, играет в нашей жизни особую роль. И иногда «играет» с нами в буквальном смысле этого слова. Община и сообщество — это одно и то же? В российской практике, безусловно, разные понятия. Российская история показывает: община преимущественно несла ответственность перед внешним миром и уже эта ответственность — иногда глу-

боко прочувствованная, иногда воинственно насажденная, иногда просто ложно понятая, — давала общине «мандат» и на решение внутренних проблем. А если мы говорим о европейском понимании местного самоуправления, то это ответственность сообщества прежде всего перед его участниками, создателями.

Так что, похоже, у нас нет особо мощных исторических оснований местного самоуправления, чтобы на них можно было опереться в создании современного местного самоуправления.

Неудивительно поэтому, что у нас и сейчас нет его. Реального, не мифологизированного. Так что же мы выдаем за местное самоуправление? Конечно, местную власть, которая напрямую зависит прежде всего от тех, кто ее персонифицирует. А дух Европейской хартии о местном самоуправлении выражен в емкой формулировке: «способность населения самостоятельно и под свою ответственность решать вопросы местного значения». Не налоги для государства собирать, не мужиков в армию отправлять, не сообщая перед бариним или государевым чиновником гнутья, как это было в нашей истории, а основное делать — жизнь организовывать, коллективную судьбу определять, если хотите...

Считаю, что разговоры об исторических основах и традициях российского местного самоуправления успокаивают нас и «отодвигают» от серьезной работы по реальному возвращению местного самоуправления.

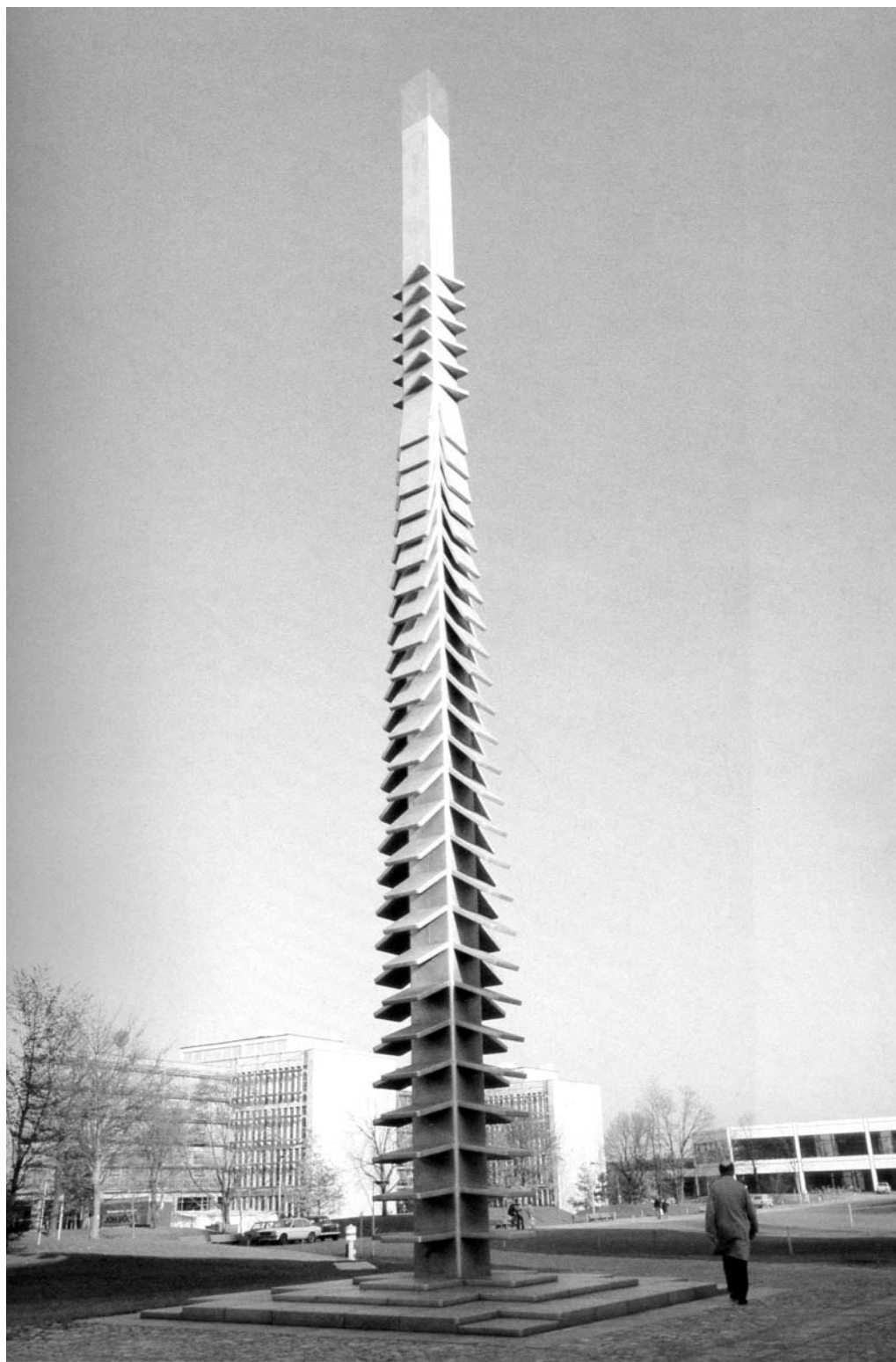
Проиллюстрирую эту свою тревогу результатами исследования, которое по заказу высших органов государственной власти Красноярского края в декабре 2005 года провел Восточно-Сибирский экономико-статистический институт. В опросе участвовали 1800 жителей края в 11 его городах и 15 районах и при этом три выделенные группы — сельское население, городское и отдельно Красноярск, в котором проживает треть жителей края; естественно, каждой из этих групп присущи свои особенности, свое мироощущение и свой уклад жизни. Задача — изучение восприятия гражданами органов местного самоуправления и самой реформы.

Естественно, сначала социологи решили выявить, как вообще граждане понимают суть местного самоуправления.

Человеческий ресурс самоуправления

Так вот, оказалось, что в целом менее четверти (23 процента) опрошенных дали ответ, близкий к определению уже цитировавшейся Хартии. И при этом, прошу обратить внимание: почти 63 процента связывают местное самоуправление не с совместной выработкой решений, а с властью. Наиболее ярко это демонстрирует городское население. Поэтому надо подумать серьезно: можно ли вообще называть нынешнюю и вряд ли будущую модель городского *управления* местным самоуправлением? Современная городская конгломерация в силу ее сложности вряд ли может считаться единым сообществом.

Но вернемся к нашему исследованию. Понимая, что с формулировками могут быть трудности, мы спросили сограждан: кто, по-вашему, конкретно в вашем городе, районе, селе осуществляет местное самоуправление? Лишь один из десяти респондентов в реальной жизни (а не в теории, как при ответе на первый вопрос) указал на главенствующую роль населе-

Дитер Хоних. Скульптура «Шмель» во дворе Высшей школы Бундесвера в Мюнхене. 1976 г.

ния (сообщества). Более 50 процентов полагаются на должностных лиц. В пользу прокуратуры (!) высказались больше (11 процентов), чем в пользу граждан...

Но не все так печально. Потому что ресурс для вовлечения граждан в местное самоуправление все же есть. Наш следующий вопрос показал, что граждане хотели бы участвовать в местном самоуправлении, если гарантируется реальность такого участия. Распределение ответов здесь такое: в муниципальных выборах участвуют 55 процентов и хотели бы участвовать еще 17; в местном референдуме соответственно 42,5 процента и 22 процента, в собраниях жильцов дома, жителей района, города — 31 процент и 26 процентов.

Замечу, опрос проходил в межвыборный период. Наверное, в период избирательной кампании, когда интерес к политике более высок, в строке «муниципальные выборы» мы бы увидели более впечатляющие цифры. Но это вовсе не означает, что наше население связывает выборы с определением собственного будущего или способом политической самоидентификации. Вот почему так важно увидеть, где же все-таки ресурс «взаимоприращения». Приведу для сравнения цифры, характеризующие отношение граждан к участию в работе кондоминиумов, ТСЖ, домовых комитетов на общественных началах: участвуют 8 процентов и хотели бы участвовать 18. То есть число желающих больше, чем число реально участвующих. В публичных слушаниях, проводимых городским советом или постоянными комиссиями, — соответственно 7 и 19 процентов. В работе общественных комиссий и комитетов — 5 и 18 процентов и т.д. То есть все наши разговоры о пассивности людей, мне кажется, не очень-то состоятельны. Другое дело — предложены ли такие формы людям, а если предложены, то являются ли они эффективными. Потому что все мы знаем способность бюрократического слоя симулировать демократические формы, выхолащивать содержание даже из, казалось бы, устоявшихся институтов. Однако, учитывая рост протестных форм гражданского участия (пикеты, митинги, марши), уместно говорить о и позитивном, ненастоящем потенциале на местном уровне.

Кстати, и в этом случае после заданного вопроса «Готовы ли вы для решения своих проблем объединяться на уровне своего подъезда, двора, микрорайона» оказалось, что пять процентов — это лидеры, которые хотели и могли бы организовать соседей, и еще тридцать процентов опрошенных готовы присоединиться к такой группе. Это и есть потенциал, ресурс вовлечения граждан в решение реальных жизненных проблем. И в этом смысле я опять-таки склонен говорить не о восстановлении, а о наращивании местного самоуправления. Это первое.

Второе. Необходимо воспринимать местное самоуправление не только как местную власть, а прежде всего как один из институтов гражданского общества — самый массовый в современной России, чтобы преодолеть пассивность и патернализм, о которых мы все время говорим как о главном вызове гражданской жизни.

И вот здесь нас ожидают самые большие проблемы. Потому что мы имеем достаточное тяжелое историческое наследие, в том числе и советского периода. Позволю себе еще одно отступление — знаю, здесь есть коллеги из Хакасии. Я тоже родом оттуда, и вот в архивах хакасского телерадиокомитета я обнаружил сюжет о выборах председателя исполкома район-

ного совета. Зачитали биографию, единогласно избрали, предоставили ему слово ответное сказать: дескать, спасибо за избрание. И вновь избранный председатель райисполкома обращается к собравшимся: «Уважаемые товарищи, ширинцы и ширинки...». В зале — тишина. А товарищ чувствует, что что-то не то сказал, и поправляется: «Извините, шириночки». Все засмеялись... А ведь драматизм ситуации именно с точки зрения местного самоуправления заключается в том, что председателем райисполкома избирали человека, до этого никогда не бывавшего в этом Ширинском районе; он был инструктором краевого комитета партии. Как можно было доверить решение судеб местного сообщества человеку со стороны? В той же Швейцарии — мы знаем это по встречам с экспертами здесь, в Школе, — человек-то гражданство может получить лишь если за это выступит община местная, в которой человек живет.

Ситуация отягощается тем, что сегодня «местное самоуправление» самими гражданами воспринимается как власть местных чиновников (цифры я приводил). Огромное количество местной номенклатуры, которая, по большому счету, никак не чувствует себя связанной с населением, не особо сильно от него зависит (более подробно об этом я скажу чуть позже), но привыкла называть *себя* местным самоуправлением... И такая массовая подмена понятия — одна из главных угроз реальному местному самоуправлению.

Яков Силин. Отчасти я соглашусь с тем, что ты сказал, отчасти нет. Прекрасные данные приведены. Но на них можно и под другим углом зрения посмотреть. Когда спрашивают, с кем (или с чем) ассоциируют местную власть, человек отвечает: мы избрали такого-то главой, начальником, вот он и должен реализовывать наши интересы и чаяния. Это естественно. У нас же изначально барин нужен, царь, генсек, президент, привыкли к такому типу власти.

По поводу ширинок и шириночек. Зачитаю сказанное сто пять лет назад. «Бывают исторические моменты, когда силою обстоятельств выдвигаются люди незначительные и почти никому не известные и играют крупную историческую роль. Это особенно случается при высоких подъемах общественного движения, когда волны его выбрасывают на поверхность дотоле скрытых лиц. И заставляют, весьма часто помимо их воли, брать на себя просто непосильные задачи». Дали вам начальника, и у вас развитие местного самоуправления будет идти под его опекой. А потом, со временем, и население станет в этом участвовать, поняв, что самоуправление — это для него. Но это долгий процесс.

Приведу пример Екатеринбургa. У нас в сентябре 1919 года вместо прежнего российского местного самоуправления, земств и так далее появились, как и везде, городские, районные и поселковые советы. Цель этих органов власти формально совпадала с тем, что общество должно делать. Местное сообщество само и, как правило, под свою ответственность, исходя из своих возможностей и ресурсов, должно было решать проблемы, реализовывать свои чаяния. И вместе с тем исполнять то, что требовало государство. Советы были органами государственной власти, построенной по принципу вертикали.

Сейчас, между прочим, по-прежнему пытаются строить вертикали. И что-то выстроили уже. Собственно, в действующей Конституции, в действующей

щих законах все эти вертикали заложены, только преподнесены, с моей точки зрения, более цивилизованно. В рыночных условиях, коль скоро мы строим все же не советское общество, механизмы взаимодействия уровней и ветвей власти должны быть иные, не по принципу: отудова сказали, внизу уже побежали делать. Нужно еще посмотреть, как делать, в интересах кого, когда и какие ресурсы использовать.

Я полностью согласен с позицией, которая зафиксирована в законах и 1995 года, и 2003 года: местное самоуправление самостоятельно принимает решения, под свою ответственность. Мы должны в конце концов научиться не только осуществлять волю государства. Если мы знаем, что здесь должна быть дорога, здесь больница, аптека, то этим и надо руководствоваться. Когда-то придется научиться самостоятельности. Иначе все время будем показывать пальцем: вон на Западе-то, посмотрите, как... Только мы забываем, что у них, если революция и была, право частной собственности все равно не отменялось. У нас же ликвидировали это ключевое право. И мы теперь маемся, пытаясь его восстановить. Но и сейчас ситуация такова, что человек, уже имеющий собственность, создавший капитал, как бы это ни произошло, многим заведомо враг, потому что он богатый. Сколько еще нужно лет для нормализации в нашем обществе отношений собственности?

Проблема экономической основы

Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя нашего государства. По логике, основу рушить нельзя. Но если взять, например, проблему экономической самостоятельности, то и мысли не возникнет, что мы — основа государства. Если проанализировать девяностые годы и позже, реальные местные доходы — это три с половиной, четыре, шесть процентов бюджета. В эти годы нас активно пытались увести в сторону, убеждая, что местное самоуправление — это не власть. Оно должно встраиваться во властную вертикаль. Мы сами в городском совете, где я проработал 15 лет, и большинство наших муниципалитетов, их руководителей не могли понять природу и характер местной власти. Воспринимали власть только как нечто, данное сверху.

Алексей Клешко. Яков Петрович в моих словах находит подтверждение своим тезисам, а я в его словах — своим. Что глубинной, укорененной исторической основы у местного самоуправления в России нет. Что его нужно возвращать. А главным тормозом являются как раз те самые градоначальники, о которых он только что сказал.

Яков Силин. Да, после семидесяти лет советской власти выходит, что так.

Алексей Клешко. И люди это очень хорошо чувствуют. Я буду все время возвращаться к нашим исследованиям, поскольку его результаты как раз и показывают, что население себя как субъекта местного самоуправления не воспринимает. Управляющие структуры на местах твердят: «мы местное самоуправление», а население *противопоставляет себя* этим местным управляющим структурам точно так же, как и государству; оно не

видит особой разницы. И не будет переживать по поводу «встраивания» самоуправления в государственную «вертикаль власти». В нашем исследовании более пятидесяти опрошенных высказались в пользу утверждения, что краевая государственная власть должна более жестко курировать местное самоуправление.

В то же время основания для надежд на перемены есть: судя по опросу, о реформе местного самоуправления слышали не менее 60 процентов населения. И часть респондентов даже рассчитывает на положительный результат реформы: около 14 процентов всех опрошенных.

Так от истории мы перешли к рассказу о сегодняшних проблемах. Собственно, Яков Петрович уже начал эту тему, поскольку вопрос финансово-экономических основ местного самоуправления, конечно, в значительной степени определяет – самостоятельно или нет могут реализовывать свои полномочия его органы. Самостоятельность – это ключевая характеристика реального местного самоуправления.

Яков Силин. С моей точки зрения, суть управления заключается только в одном – не мешать разумной организации жизни на местах. Поэтому я взял и сравнил. Мы же сейчас двухуровневые. Или – трех даже. Поселения, муниципальные районы, городской округ. А было все одноуровневое: скажем, знаменитый своими изумрудами поселок Мальшево, где 12 тысяч населения, а на зарплату троим чиновникам всегда не было денег, и огромный, полуторамилионный Екатеринбург обладали одними и теми же правами. У граждан, конечно, основные права и они должны быть одинаковыми, независимо от того, где живут. А у муниципалитетов разных уровней все же должны быть отличия, с учетом их специфики.

Теперь сделали шаг в этом, правильном, с моей точки зрения, направлении. Я в этом принимал участие. Вот у поселенческого муниципалитета двадцать два предмета ведения, у муниципального района двадцать, у городского округа двадцать семь. Казалось бы, это правильно. Но Алексей Михайлович прав: какая экономическая основа их деятельности? Но вот я посмотрел несколько страниц из заключения Счетной палаты Красноярского края по местному самоуправлению: муниципалитеты не могут распорядиться даже тем, что имеют, и в большинстве своем сидят и ждут, когда сверху поступят ресурсы. Они и не собираются зарабатывать. Вот, было примерно одиннадцать пятьсот, по-моему, муниципалитетов до января прошлого года, до последнего закона. Сейчас точных данных нет, но что-то около тридцати тысяч. Вы думаете, процент самостоятельных муниципалитетов увеличился? Ничего подобного. Расплодили нищету по всей стране. И ударило это по кому? Ударило многократно по территориям доноров.

То же и в нашей истории и сейчас: начинаем что-то хорошее, объявили – и тут же зажимаем. Даем право и не можем прописать механизм, с одной стороны, стимулирующий самостоятельность и развитие, а с другой – обязывающий. Более 90 процентов муниципалитетов дотационные. Какой бюджет это выдержит?

Не пытаюсь в рыночных условиях создать систему, когда муниципалитет становится маленькой корпорацией, тоже зарабатывает, проблему не решить. К сожалению, новый закон побуждает фактически ликвидиро-

вать муниципальную собственность, которая якобы будет не нужна при исполнении функций муниципалитетов.

Что произошло повсеместно в России? Я на примере родного Екатеринбурга скажу. За девять месяцев прошлого года ликвидировали, можно грубее сказать — растащили, разворовали, преобразовали больше муниципальных предприятий и собственности, чем за девять предыдущих лет. Преобразовывали, акционировали — формы разные, от законных до криминальных. К чему это приведет?

Один доктор экономических наук из Академии госслужбы приводил мне пример: муниципальная

собственность России, не знаю, слышали вы или нет, до принятия последнего закона составляла огромную цифру. И куда все делось?

Я думаю, что это ошибка в подходе к формированию государственного законодательства. Эту ошибку сконструировали на уровне субъектов Федерации. Ведь были субъекты, которые, несмотря на федеральный закон, так и не приняли на своем уровне законы о местном самоуправлении. Более чем в половине субъектов не было принято законов об экономических аспектах деятельности организаций местного управления. То же получилось и с законами по другим ключевым вопросам самоуправления, и ведь никто за это не ответил. Законодательство запущено так, что невозможно человека отозвать из властных органов.

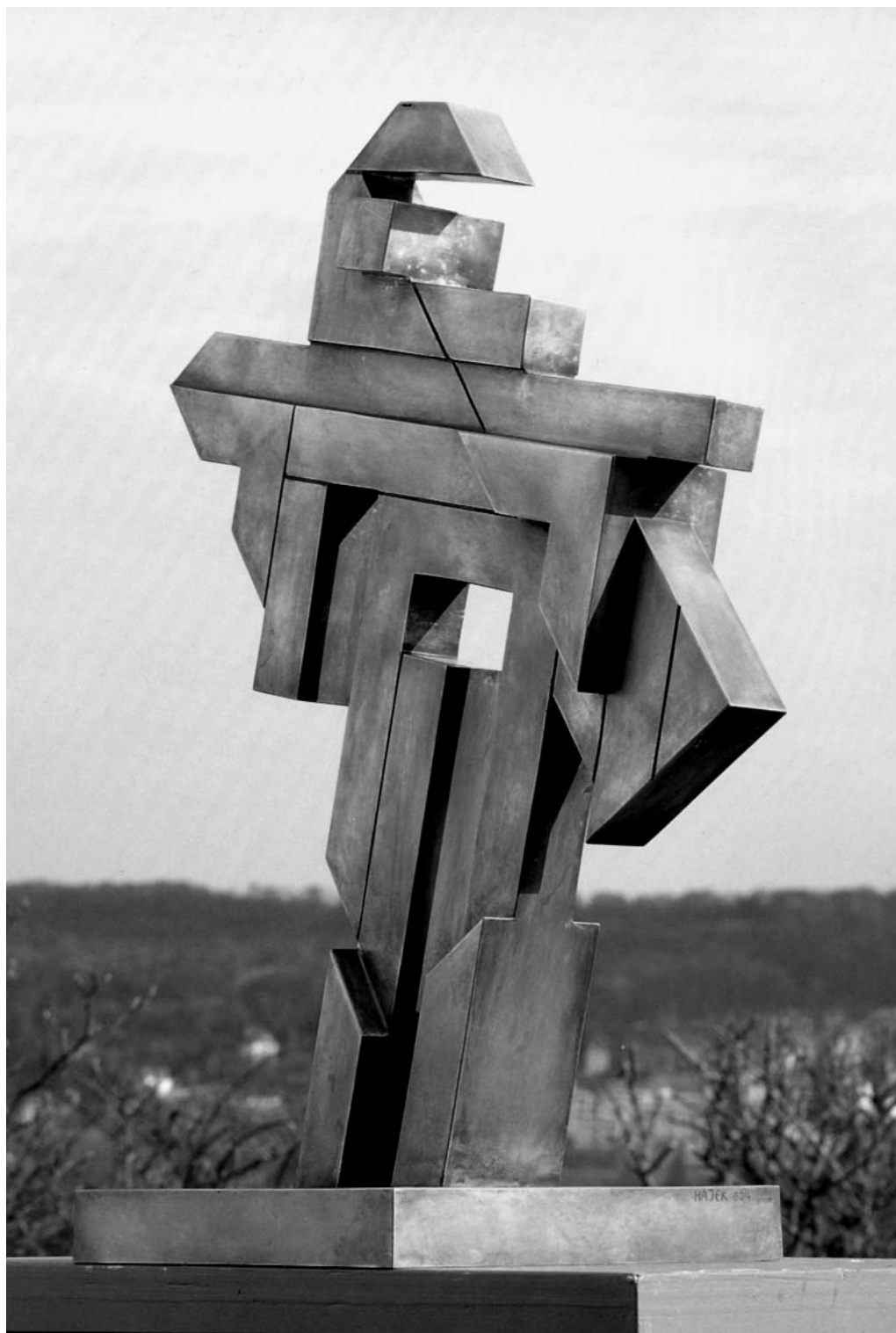
Сейчас в новом законе появились новые формы местной демократии. Это сходы граждан, опросы граждан, конференции граждан и так далее. Правильный шаг.

Алексей Клешко. Сначала ремарка в связи с нашей дискуссией, поскольку она напрашивается: никогда у нас муниципалитеты не выполняли столько разнообразных функций, как сейчас; фактически до революции социальная сфера практически не была представлена в местных бюджетах. Но давайте вот над чем задумаемся. Мы все знаем об обостренном чувстве справедливости российского народа, но что-то народ в судебных спорах между местным самоуправлением и органами государственной власти не встал на защиту своих избранных мэров и депутатов. И вряд ли это можно списать на апатию. Возвращаюсь к своей оценке, потому что мне кажется очень важно понять корни проблем: у нас местное самоуправление — это калька государственного управления. И никак та самая «новая природа власти» (тесная связь с жителями, прозрачность, подотчетность, реальная защита местных интересов) не проявляется. Более того, кажется, что калька эта не самого лучшего качества.

Для чего создается местное самоуправление? Для совместного решения проблем местных. Вот мы и спросили жителей края в нашем опросе: как была решена та или иная проблема, с которой они обращались в органы местного самоуправления? Почти 60 процентам в той или иной степени удалось решить свои проблемы. А затем попросили оценить качество работы с их обращениями — в первую очередь, учитывая сроки, тем более что законода-

Я. Силин:

частник, получив муниципальные предприятия в хороших местах города, уведет это из-под нашего контроля

Кеннет Армитаж. Люди на ветру. 1950

тельство ориентирует на своевременное рассмотрение обращений граждан. Выяснилось, что 36 процентов от общего числа респондентов считают, что решение было оперативным, и 36 — что вопрос решился не сразу.

Кстати, мы обычно слышим много сетований со стороны чиновников разного уровня по поводу обилия жалоб. Так вот, в ходе исследования мы выяснили, что граждане делают это в основном в случаях крайней надобности; регулярно обращаются в органы местного самоуправления с жалобами и проблемами всего 2 процента опрошенных.

Хочу также обратить внимание на следующее: обычно разговоры о современном состоянии местного самоуправления сводятся к обсуждению изменений в законодательстве, касающихся структуры органов власти, объемов полномочий и состояния местных бюджетов. Но это дискуссии лиц, облеченных властью. Граждане обсуждают местное самоуправление по-другому. И, собственно, поэтому наши социологи задавали вопрос о качестве работы с обращениями граждан, поскольку отношение чиновников и выборных лиц к проблемам и формирует отношение народа к местной власти.

Заметьте: на первое место в этом своеобразном рейтинге люди поставили отсутствие мотивации у муниципальных служащих и бюрократический подход к работе (48 процентов), а на второе — недостаточные компетентность и профессионализм исполнителей. Я привожу эти цифры не для того, чтобы сказать, что и без финансов можно решать проблемы, недостаток финансов на третьей позиции, 21 процент. Но мы-то по собственному опыту знаем, что даже с одинаковыми финансами проблемы людей можно решать по-разному. Люди это видят, обсуждают и выставляют свои «оценки» власти. Власть же, к сожалению, обычно не спрашивает граждан о своей работе, прикрываясь рассуждениями о том, что «выборы — это мерило нашей легитимности». Ну а если все же попытаться спросить их: какую бы они поставили оценку администрации города (района) по результатам ее работы за последний год? В нашем исследовании удовлетворительную оценку дали 56 процентов респондентов. Но я себя не успокаиваю, потому что ответы «плохо» и «очень плохо» дают в сумме 23 процента. С моей точки зрения, это просто жуткие цифры, и я, естественно, переживаю, так как люблю свой край и горжусь им. Я бы мог сейчас рассказать, что у нас много хорошего, что мы развиваем местное самоуправление, — и это правда. Но правда и то, что пока мы в России не создали эффективную модель местного самоуправления, результаты подобных исследований и в других муниципалитетах будут такими же. Надо трезво смотреть на вещи.

Кто-то из социологов, изучая современное российское общество, пришел к выводу, что представления элиты об ожиданиях и способностях российского народа сильно искажены. Когда в ходе опроса мы спросили: «Что, по вашему, мешает эффективной работе органов местного самоуправления?», то получили серьезные ответы. Люди говорят о том, что во власти отсутствуют сплоченные команды единомышленников, и указывают на недостаточный профессионализм, на то, что нет стратегических планов развития территории, что власть к тому же не имеет адекватную информацию о ситуации. Это к вопросу о том, как люди воспринимают, ощущают местную власть...

Как видите, мы стремились изучить отношение к органам местного самоуправления как со стороны общества, так и со стороны муниципаль-

ного чиновничества. Ответы людей ясно выделяют ключевые проблемы местного самоуправления, причем не технические, организационные, финансово-экономические, а сущностные. Речь идет фактически о самой сути, духе местного самоуправления, о степени вовлеченности граждан в процессы самоуправления, организации жизни сообщества.

О качестве местной власти

И теперь последние две таблички, которые мне очень нравятся. Мы попросили красноярцев отметить, какие качества присущи работникам администрации. *Профессионализм*: 49,7 процента считают, что он есть, 50,3 процента, что нет. *Ответственность перед населением*: 27 процентов за то, что она присутствует; 73 процента, что нет такого качества. *Соблюдение законности*: 36,6 процента считают, что соблюдают, 63,4 процента, что не соблюдают. *Честность, порядочность* — ну, здесь вообще плохо: 29 процентов говорят, что есть такие качества, 71 процент считает, что нет.

И этот же вопрос был задан затем муниципальным служащим. Анонимно. Получилась картина, зеркальная по отношению к мнению граждан. И когда по итогам исследования я делал доклад у нас в крае и называл цифры, — смотрите, какие у нас «честные» муниципальные служащие, и 30 процентов призналось, что есть стремление использовать служебное положение в корыстных целях, а еще 53 процента сказали, да, стремимся угодить начальству, — то был рад, что они хотя бы честно отвечали. Так что, похоже, наше чиновничье сообщество тоже вполне адекватно видит свое отражение в общественном сознании.

Из всего этого вытекает принципиальный вывод: главная проблема местного самоуправления не финансово-экономическое обеспечение. Потому что местной власти с нынешним ее качеством можно отдать любые средства, решение любых экономических вопросов, но от этого ничего не изменится, по крайней мере, к лучшему. С моей точки зрения, главная проблема местного самоуправления это как раз качество местной власти.

Яков Силин. Я слушал и опять вспоминал цифры, факты. Ровно сто лет назад на чиновников тратилось больше девяти процентов бюджета крупного города. Приходит советская власть, тратится процент, а после войны и в шестидесятые годы — 0, 5–0,6 процента, и так было до 1985–1989 годов. Сейчас — 5,5–6 процентов. То есть идет возврат к прежнему уровню. Мы же никуда от этих цифр и фактов не денемся. Что-то объективно необходимое в них заложено. Проанализировали бюджет города за последние без малого триста лет. Он по-разному назывался — бюджет, смета и так далее, но расходы по основным направлениям были сходными, менялись лишь в зависимости от специфики исторических периодов развития.

Когда мы говорим, что вот была бы другая власть, был бы другой чиновник... Да не может он быть другим, он и впрямь плоть от плоти наш, родимый. Значит, проблема-то в нас самих. Почему вроде хорошего выбрали, а он плохим стал? У Азиза Несина есть рассказ «Трудно быть мэром». О том как раз, как люди своим угодничеством превращают порядочного прежде человека в бюрократа и самодура.

Возвращаясь к бюджету: впервые сейчас прописали то, чего очень добились муниципалы. Хотя плохой налог, но дайте его нам полностью, чтобы он был наш. У нас до сих пор всегда все налоги были по большому счету не наши, не местные. Теперь вот два наших налога: на имущество физических лиц и земельный налог. Нужно время, чтобы мы научились с ними более грамотно работать. Учли наконец имущество граждан, физических лиц. Так же и с землей.

Что мы сегодня имеем? Земельный налог в этом году составит примерно 7,7 процента, налог на имущество физических лиц — 8,2 процента. На это можно жить. Это то, на что мы точно можем

рассчитывать. Но все равно мы зависимы от федеральных выплат.

Сто лет назад города, в частности Екатеринбург, имели не менее 70 процентов бюджета, который формировался за счет муниципальных местных налогов. Алексей говорит, что в прошлые времена социальными вопросами не занимались. В таком масштабе, как сейчас, согласен, нет. Но в какой-то мере занимались. И суммы с населения собирались немалые. Сегодня же на 32–35 процентов города стали зависимы от субсидии субъекта Федерации. Сидишь и ждешь: придет или не придет эта субсидия? С одной стороны, государство взяло на себя ответственность за некоторые выплаты, скажем, учителям, работникам из других сфер. Правильно. Учитель теперь знает, что он не сильно-то зависит от нас. А с другой стороны, местная власть все же не стала по-настоящему самостоятельной.

Что еще за пятнадцать лет произошло? Государство, хочется верить, стало представлять, что не все процессы управляемы из центра, что нужно децентрализовать какие-то функции, дать возможность решать вопросы на местах. Это усиливает веру в государство, позволяет местную инициативу пробудить, формировать активную позицию граждан. Впервые появилось понятие муниципальной собственности. Но в 1995 году определяется: муниципальные образования могут иметь в собственности любые виды имущества, как экономического, так и социального назначения. А 131-й закон, последний, определяет закрытый перечень муниципального имущества, необходимого только для исполнения возможных функций муниципалитета. Ну, логика есть. Вот если вы за это отвечаете, вот вам собственность. Однако я уже говорил, что у нас всегда бывает так: только что-то дали и тут же начинают отбирать. Уверен, что было бы более правильно не вводить ограничения в видах и средствах муниципального имущества, а только в видах хозяйственной деятельности, которые может осуществлять местное самоуправление.

Что может произойти? Назавтра частник, получив гигантскую территорию, по существу муниципальные предприятия в хороших местах города, уведет это из-под нашего контроля. И муниципалитет за счет нас, налогоплательщиков, будет создавать все заново. Считаю не очень верной такую позицию.

А. Клешко:
сейчас должна происходить именно борьба
за местное самоуправление, за сам этот
институт, за его эффективность
и дееспособность

Что впереди и что делать

Алексей Клешко. Но давайте посмотрим на причины: а кто этой собственностью распоряжался? Да, номинально, она числилась муниципальной. Да, в очень небольшом числе муниципалитетов нормальные доходы от использования собственности поступали в бюджет. Но в большинстве территорий собственность была лишь средством «кормления» чиновничества. И в этом смысле, мне кажется, 131-й закон — это не только правовые нормы, но и диагноз: граждане местному самоуправлению не особо доверяют, государство это чувствует и тоже не особо доверяет. Тотальное недоверие, и преодолеть его крайне сложно.

Посмотрите, и вы об этом говорили, часть регионов даже закон о местном самоуправлении у себя не принимали — несмотря на конституционную норму. В значительной части регионов не было местного самоуправления в принципе. Я в этом смысле стараюсь быть предельно честным: у нас в крае законодательно закреплена с начала 90-х именно двухуровневая модель местного самоуправления. Да, формально у нас было и поселение, и районы... Но качество местной власти осталось советским. Это не было местным самоуправлением.

У нас за пятнадцать лет сформировался самый прочный чиновничий класс именно на уровне местного самоуправления. Потому что если федеральные министерства и ведомства периодически реформировались (далеко не всегда удачно, но все же изменения происходили), то местная власть, к сожалению, такой монолит, который давит на любую местную инициативу.

При этом я безусловный сторонник местного самоуправления и делаю все, что только можно для его усиления — прежде всего как депутат Законодательного собрания. Но нужно понимать, что, сохраняя нынешнюю систему власти на местном уровне, мы окончательно разрушим доверие населения к местной власти. И к возможности создать это самое местное самоуправление.

Яков Силин. Алексей, значит, получается так, что власть — это не государство?

Алексей Клешко. Конечно, не только государство.

Яков Силин. Перед тем как завершить наш диалог, хотел бы сказать еще следующее: чтобы местная власть была более эффективной и мы ею интересовались и пытались на нее влиять, нужно, на мой взгляд, ввести цензы. Скажем, должен быть ценз оседлости. У нас, кстати, он был, например, десять лет в условиях города. Отменили. Или образовательный ценз. Давайте все-таки посмотрим. Ведь мы даем право человеку руководить нами. Он ведь эксперименты будет на нас ставить, что зачастую и происходит по стране. Так имеем мы право как граждане требовать от него, чтобы он грамотно руководил?

Должен быть ценз нравственный. Уверен. У нас, например, в Екатеринбурге, было большое количество депутатов, руководивших преступными группировками. Да, жизнь может сложиться по-разному. Но мы же должны этому какие-то преграды выстраивать. Степень самозащиты у

общества должна быть! Я бы считал, что над этим обязательно нужно подумать.

Алексей Клешко. Итак, о проблемах, которые мы оба признаем, хотя, похоже, по-разному выделяем приоритеты. Мне кажется, что сейчас должна происходить именно борьба за местное самоуправление, за сам этот институт, за его эффективность и дееспособность. Борьбу за местное самоуправление нельзя выиграть с государством и с его чиновничьим аппаратом, если апеллировать только к вопросам финансов, налогов и тому подобное, а именно к этому все сводится, как правило, в последнее время. Люди это воспринимают как борьбу разного уровня чиновников за перераспределение ресурсов (и, должен отметить, отчасти это правда). С моей точки зрения, институт не возникнет и не выживет, если мы его не наполним ценностным содержанием.

И последнее – о перспективах. Думаю, что с уходом Дмитрия Козака из Администрации президента, внимание этого весьма влиятельного и мощного института к проблематике местного самоуправления значительно снизилось. В этих условиях довести реформу до логического завершения вряд ли будет возможно. Очевидно, что сейчас любые положения реформы, как позитивные, так и негативные, будут торпедироваться по различного рода соображениям, в том числе и по вопросам экономическим. К сожалению, будет торпедироваться значительное число позитивных новаций, таких как, например, обязательное требование устраивать публичные слушания перед принятием бюджета. Уже сейчас раздаются голоса, что «у нас не готово общество, чтобы все открыто обсуждать». Думаю, что тематика местного самоуправления будет одной из разыгрываемых партий на предстоящих выборах в Государственную думу всеми политическими силами, независимо от того, какие это силы.

Быстро создать *реальное* местное самоуправление в стране невозможно. Тем более что практически его нужно создавать вместо той самой обюрокраченной местной власти, о которой мы говорили. Поэтому сейчас перспективы местного самоуправления – в нахождении активистов, лидеров, инициативных людей, которые будут постепенно вживлять в общественное сознание понимание ценностей местного сообщества и иную природу местного самоуправления, иные механизмы управления на местном уровне. Мне кажется, что другого пути нет. Просто нужно понимать, что эту задачу не создашь одним законом, двумя, тремя. Это такая большая, подвижническая, если хотите, просветительская работа. К которой и хочется призвать всех присутствующих.

Яков Силин. Я не оптимист. Нам остается только работать. У местного самоуправления все равно будет очередной непростой период. Кто-то хорошо здесь уже сказал, что местное самоуправление напоминает английский газон, который, если мы хотим, чтобы он был красивый и хороший, триста лет надо культивировать. Так и с местным самоуправлением. И еще одна историческая аналогия. Ни одна реформа в России не была завершена. Это радует, что у нас есть шанс, повторяя ошибки, извлекать из них уроки. Так что я согласен, у местного самоуправления есть перспективы. В этом плане наши позиции совпадают.

C'était Salmin

Строго говоря, я не имею права называться учеником Алексея Михайловича Салмина. Я не был его студентом, аспирантом или сотрудником. Однако в течение восьми лет мне посчастливилось быть его слушателем и собеседником. А потому имею дерзость считать А.М. Салмина своим учителем — одним из самых важных учителей в своей жизни.

То, что будет сказано дальше, ни в коем случае не рецензия, хотя речь пойдет об опубликованных трудах Салмина. Нет, не о политологических. Профессор Салмин был, без всякого преувеличения, классиком современной российской политической мысли, и в этом качестве известен всем, кто хоть немного знает о политической мысли в России. Но благодаря усилиям сестры Алексея Михайловича Людмилы Салминой и его ближайшим сотрудникам по Российскому общественно-политическому центру Сергею Михайлову и Святославу Каспэ, в этом году в издательстве «Форум» вышли две книги, открывающие Алексея Салмина по-новому. Они называются «Летийские эскизы» и «Шанский слон». В них перед нами предстает не политолог и профессор, а художник, литератор, философ.

Такой Салмин мало кому известен. В то же время никто из знавших его не скажет, что он неожидан. В очерках, стихах, заметках-размышлениях, скетчах виден живой и настоящий Алексей Салмин. Его вальяжность и самоирония. Мягкость и едкость. Легкость и глубина. Обширность эрудиции и точность мысли... Он пишет как бы не всерьез, не для широкой публики — для себя; может быть, для нескольких друзей. Но форма неизменно отточена, мысль продумана, чувство прожито. «Вы наедине с собой, и это меняет форму того, что вы пишете. Забудьте о панцире надежных риторических условностей, он бутафорский, приемы наружу — вы играли когда-нибудь сами с собой? Быть может *такая* игра поможет понять игру настоящую, игру всерьез, оставив неведомым лишь одно — то, что заставляет вас играть с собой... Ах, все это ни к чему, и вы пишете городу и миру, тактично наставляете своих читателей и исповедуете им свои грехи? Значит, вы имеете право и на проповедь, и на печатную исповедь»...

Он легко переходит от анекдота к притче. От живописных зарисовок к сакральным размышлениям. От сугубо личного к всемирному. В этом нет фальши, нет позы. Написано, как прожито. Ино-

гда как бы в шутку — но очень даже всерьез. Вроде только для себя, но с абсолютным уважением к вероятному читателю.

Не берусь судить о том, какова литературно-художественная ценность написанного Салминым. Даже не потому, что не хватает квалификации (хотя и поэтому тоже). Для меня главное в том, что каждый текст А.М. Салмина несет на себе отпечаток его индивидуальности. Литература Салмина — это он сам. Таким он был: яркий, многообразно и богато одаренный, пронизательный, наблюдательный...

Нет, не мне писать рецензии на Салмина. Я читаю его книги — и вспоминаю его самого. Алексея Михайловича нет с нами уже больше года. Он с нами всегда. У меня в архиве осталась фотография, сде-

ланная во время семинара Школы в Париже в декабре 1998 года.

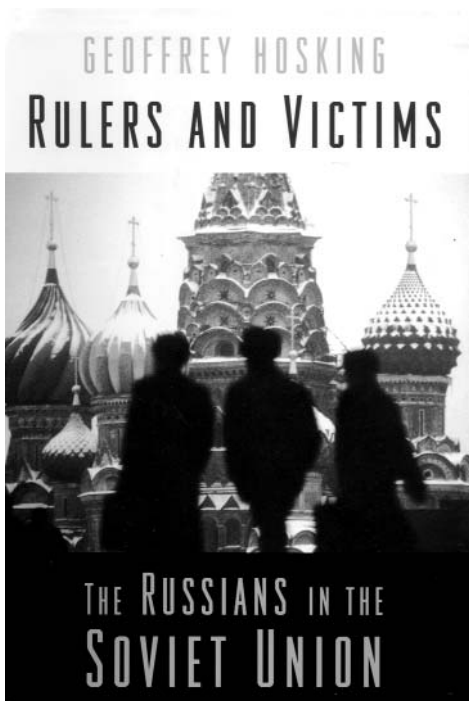
*Уютная зима скончанья века.
Париж. Pont d'Alexandre Troisième.
У паркета Алексей Михалыч -
Вальяжен и хитер, как мушкетер...
Закончен век. Закончился Париж.
Салмин ушел. Сменились времена.
Все было век (точнее — жизнь) назад,
А больше никакого «grano salis»!
И что же нам теперь? Держаться правил.
Он — там, мы — здесь. О чем тут говорить?
Споткнувшись о краеугольный камень,
Поднимемся — и дальше побредем...
Что было — было. Прошлое — прошло.
На старой фотографии осталась
Уютная зима скончанья века.
Париж. Pont d'Alexandre Troisième...*

Юрий Гиренко

Правители и жертвы

Geoffrey Hosking. Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union. — Cambridge, Mass.- London: Belknap Press of the Harvard University Press, 2006. — 487 p.

В 1991 году распалась огромная страна, стремительный крах которой не мог предсказать и ясновидец. С той поры прошло почти 15 лет, но нас по-прежнему мучает вопрос: как такое могло случиться? И хоть немало толкований тем отдаленным событиям мы можем найти в специальной литературе, нам все же хочется вновь и вновь призадуматься над этим всемирно-историческим крахом.

Были ли ход истории конца 80-х годов предначертанным? Стала ли гибель Союза результатом только непредсказуемого падения мировых цен на нефть и неумелой экономической политики партии? Или полная внутренних противоречий держава рано или поздно должна была развалиться? На эти вопросы мы вряд ли найдем однозначные ответы, хотя очевидно, что фундаментальной проблемой позднего социализма была нелогичная и бездарная национально-государственная политика наследников большевизма.

1991-й был прежде всего закономерным «разводом» России и Советского Союза, вытекавшим из всей старорежимной и коммунистической предыстории страны — таков главный тезис, вышедшей не так давно книги британского историка Джеффри Хоскинга «Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе». Она продолжает цикл работ всемирно известного русиста, которые стали «классикой жанра» и вышли в том числе на русском языке*, и, безусловно, подводит определенный итог советологическим исследованиям автора и заслуживает внимания отечественного читателя.

Дж. Хоскинг крупными мазками очерчивает историю и культуру нескольких поколений советских людей, не только выделяя в них наиболее значимые события, но и прорисовывая их антропологическую при-

* См.: Хоскинг Дж. *Россия и русские. Кн. 1–2.* — М.: АСТ, Транзиткнига, 2003; *Россия: народ и империя (1552–1917).* — Смоленск: Русич, 2000; *История Советского Союза.* — М.: Вагриус, 1995.

роду. Что происходило с отдельным человеком, с разнородными массами, с «советской общностью» в целом — таков его исследовательский предмет.

Русские правители и русский народ вопреки расхожему мнению далеко не всегда, а может быть, скорее, как правило, не совпадали в своих эмоционально-нравственных переживаниях российской культуры и ее истории. К примеру, уходящая своими истоками ко времени Ивана IV доктрина «Москва — Третий Рим» была популярна среди простого народа, но едва ли в нее верили российские императоры. Но как идеологическое «откровение» эта доктрина оказалась весьма живучей. В XIX веке русская интеллигенция не просто заигрывала со «старинной», но и активно использовала ее на славянофильский лад, утверждая миссию русского народа в том, чтобы противостоять порокам Запада, его крайнему индивидуализму, атеизму и рациональности. И наконец, удивительно причудливым образом «мессианизм» был ограничен в революционную эпоху и гражданскую войну, став фундаментальной составляющей нашей «светской» культуры.

Послереволюционные события оказались в культурном отношении не менее противоречивыми. Стирая «старую память» и создавая «новую», большевики тем не менее умело вплетали в ткань новой социальной жизни вполне привычные для населения России элементы традиционной культуры, что создавало своего рода эмоциональный мост между «привычным» и «инновационным». И именно в это время начинает формироваться беспрецедентная для нашей новой истории национальная политика — политика «укоренения», псевдоинтернационализации и псевдофедерализма.

Наркомнац из центра руководил всеми национальными проектами страны, структурируя и иерархизируя бесконечное число российских — больших и малых — народностей, однако единственный народ, никак не представленный в делах Комиссариата по делам национальностей, был именно русский.

Совершенно не прозрачной для того времени оставалась национальная кодификация. Что должно было составлять «идентичность»? Язык, религия, одежда и кухня, повседневные привычки и хозяйственные практики — все это подходило для импровизационного нациообразования 1920 годов. И хотя русский язык повсеместно внедрялся, «русификация» скорее считалась возвратом к империи старого образца. Ленин и Сталин, освоившие еще задолго до революции опыт национальной политики Австро-Венгрии, старались избежать ошибок этой европейской империи, которые привели ее в конечном итоге к распаду.

Но отвергая в принципе саму возможность личной культурной автономии, большевики пошли по пути строительства этноадминистративных единиц и этнической коммуналлизации. В результате Союз превратился в сложный и несбалансированный комплекс территориальных автономий, в котором приоритет почти всегда отдавался нерусским общностям. Коренизация выстраивалась снизу. Каждый этнос начинался с деревни (национального совета) и обладал известными привилегиями — языковыми, социальными, культурными. Русское население, полагает Хоскинг, было чересчур многочисленным, чтобы кому-то нужно было заботиться о его статусе, и поэтому если чьи-то права дискриминировались политикой коренизации, то это было русское население.

Индустриализация, коллективизация и культурная революция лишь усугубили ситуацию. В города начался мощный приток деревенского населения на фоне усиливающегося массового террора. Возрожденная круговая порука в колхозах, коммунальные квартиры в городах, бесконечные и бессмысленные административно-партийные чистки — все это способствовало, по мнению Хоскинга, лишь становлению «патронажной» системы и принятию обществом новой монополии на власть, которая отныне сама «производила» собственные мифы и штампы «обновленной» коллективной памяти. В своих фундаментальных практиках страна все больше становилась «возрожденной империей» с невероятно большим набором реминисценций дореволюционной политики как в отношении инородцев, так и собственно русского населения. А Великая Отечественная завершила этот макропроцесс внутренней интеграции советского общества («народа богатыря») и консервации его структуры и культуры на два поколения вперед.

Перестройка в этом смысле была «возвратом к политике» в прерванной более чем на полвека истории, но и она, как и последующий период реформ 90-х, не решила коренной вопрос национальной идентификации русских и россиян, хотя страна явно встала на путь создания нации-государства современного типа. Как совершенно справедливо замечает в этой связи английский историк, постсоветская Россия стала своего рода тестом на адекватность для всех известных теорий нации и национализма.

Если придерживаться строгого взгляда на «нацию» как на продукт процесса институциональной модернизации и видеть в ней прежде всего политическое сообщество граждан, то именно этого мы не обнаруживаем на протяжении всей истории большевистской России. И это притом, что по многим показателям Советский Союз был, безусловно, современным и в чем-то очень эффективным государством, но задача создания именно политической нации граждан не стояла перед его «правителями».

Как в свое время в аграрной России Петр I вместо современных институтов и права предпочел «круговую поруку» и авторитарное правление, так и в высокоурбанизированном Союзе, полагает Хоскинг, эти возрожденные и вполне устоявшиеся на протяжении нескольких веков архаические практики не продвигали страну к ее современному национальному построению. Вместо этого стране был предложен террор, клиентско-патронажная модель социальных отношений, глубоко персонифицированные структуры господства, абсолютная монополия на власть, государственная идеология мессианизма и многое другое, что нисколько не приближало нас к современным образцам национального государства. Сегодня же Россия, заключает Хоскинг, как бы вновь в начале пути и, обладая достаточными ресурсами для этого рискованного мероприятия, вполне возможно, но, очевидно, не скоро, все же выстроит искомое национальное государство.

Александр Согомонов

Региональное книжное обозрение

С.Л. Франк. Саратовский текст. Составители: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Отв. редактор В.В. Прозоров. — *Саратов: Изд-ство Саратовского университета, 2006.* — 288 с.

Название рецензируемой книги нуждается в пояснении. Речь идет не столько о трудах, написанных Семеном Людвиговичем Франком (1877–1950) в Саратове, сколько об историко-архивных изысканиях саратовских исследователей жизни и творчества выдающегося русского философа. Энтузиазм архивистов понятен: Франк стоит у истоков почти столетней традиции гуманитарной науки Саратовского университета. Летом 1917 года решением Министерства народного просвещения в университете был основан историко-филологический факультет, а его первым деканом и ординарным профессором до осени 1921-го оставался С.Л. Франк. Позже, спустя год, Франк, перебравшийся из Саратова в Москву, был арестован и вместе с большой группой ученых и писателей выслан за границу. Здесь, в эмиграции, он развил и привел к завершенным формам многое из того, что начал еще в России.

Впрочем, в перспективе более широкой у архивистов, текстологов, комментаторов и составителей сборника «С.Л. Франк. Саратовский текст» просматриваются и другие побуждения. Речь идет о благородных усилиях по воссозданию нитей духовной преемственности, связывающих современных гуманитариев с предшествующими поколениями ученых. Одна из составляющих такой связи — линия потаенной обращенности к будущим по-

колениям: хранение А.П. и Л.П. Медведевыми, преподавателями Саратовского университета, в своем домашнем архиве рукописей крамольного, по советским временам, «веховца» и «реакционного идеалиста» Франка. Сбереженные ими манускрипты, случайно обнаруженные, а затем тщательно подготовленные к научной публикации Е.П. Никитиной и А.А. Гапоненковым, несомненно, являются важнейшими документами как для исследователей русской философии, так и для историков университетского наследия.

Однако есть в книге и то, что будет интересно всякому читателю, знающему цену выбора жизненного пути, внутренней борьбы с самим собой и воли к честному самоанализу. Это главная и наиболее ценная находка: *Дневник* двадцатипятилетнего Франка, начатый им в канун 1902 года и обрывающийся записью 23 июня.

Дневник вводит нас в рубежное для Франка время: за плечами — восемь семестров юридического факультета Московского университета (1894–1898), двухгодичная высылка из Москвы без права проживания в университетских городах, посещение лекций по политической экономии и философии в университете Берлина, написанная там же первая книга («Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд». М., 1900) и отлучение за нее Плехановым «от церкви» социал-демократии, возвращение в Россию и сдача государственного экзамена в Казанском университете, неудачный, тягостный любовный роман с Фаиной Ельяшевич... Теперь Франк пытается найти опоры, дающие «право жить». И жить

не ради жизни, но осмысленно и достойно, не укрываясь от вызовов своего времени. В зимнем Крыму он берется за пересмотр прошлого и решается проложить путь к обретению того смысла, которым мог бы определяться каждый день, каждый час, каждое мгновение его жизни. «Жизнь для жизни я не понимаю, — записывает он накануне нового 1902 года. — Тяжелый, томительный, скучный процесс жизни должен иметь цель, и этой целью должна определяться каждая его минута. Все остальное — радости, печали, друзья, любовь, болезни, даже смерть — все это должно быть случайностью, добавлением, в котором я не волен и о котором, стало быть, нечего и заботиться... Мне достаточен мой, субъективный смысл жизни. Я нахожу его в двух началах: разум и этический идеал; правда-истина и правда-справедливость, как говорит Михайловский... Без истины вот я не могу жить. Предпочитаю разумную жизнь приятному умиранию... Думай о будущем. Стиснув зубы, грудь вперед и крепись! А главное, борись со своим ужасом, со всеми темными силами природы. Еще раз *да будет проклят день, когда я побоясь заглянуть себе в душу, заглянуть в эти страницы*» (с. 36–37, курс. автора). И тут же, с первых страниц — девиз, «который так часто повторял великий и одинокий страдалец Герцен: *Mut verlogen — alles verlogen!*» («Мужество потерять — все потерять»). Эта строка из стихотворения Гете встречается на протяжении дневника Франка не раз, перемежаясь с призывами к себе «наперекор стихиям стоять на своем посту мысли»: «Борись, борись, борись — и не теряй надежды!» (с. 38). Поле борьбы обозначено не только героической этикой Михайловского и Герцена, но также первым чтением Евангелия и потрясением от «Так говорил Заратустра» Ницше. По отношению к этим вызовам и формулирует Франк свои мировоззренческие, жизнестроительные ориентиры, ставшие предметом его последующих исповеданий. Прежде всего — важность этики, противостоящей морализированию: «Ясно и несомненно толь-

ко одно: всякие социальные улучшения суть улучшения нравственные. И социальный, и политический вопрос суть вопросы *этические*» (с. 43); «Всякое морализирование и моральная логика — дичь, пустота, времяпровождение» (с. 45)... Другой ориентир — сопряженная с этикой «метафизика чувства»: «Всякое несознание великой тайны бытия, всякое отсутствие метафизического чувства есть нравственная плоскость и мертвость» (с. 70; ср. с. 74). И наконец, упрямое отстаивание баланса между началами субъективным («мне достаточен мой, субъективный смысл жизни», с. 36) и объективным («объективное — моя стихия», с. 39) посредством подчеркивания исключительной, характерной для становления феноменологической философии XX века, роли самосознания («в нем сосредоточено первичное данное мира и сознания, *тайна* всего сущего, нить от мира объектов к неведомому непосредственно данному», с. 69)...

Даже из приведенных примеров знатокам творчества С.Л. Франка легко увидеть первые завязи его последующих философских построений. Для тех же, кто с философией Франка знаком понаслышке, книга — превосходное *биографическое введение* в мир мысли и жизни замечательного мыслителя и человека. Ведь кроме *Дневника* составители сборника предложили читателю еще и конспективные *Рабочие записи Семена Львовича Франка*, и — необычайно интересные как по тону, так и множеству деталей — *Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк* (публикация К.Е. Павловской), вдовы философа, его верной спутницы и самоотверженной помощницы на протяжении 42 лет их совместной жизни.

Сборник иллюстрирован редкими фотографиями (часть из которых публикуется впервые) и воспроизведением страниц рукописей. Диссонансом выглядит лишь цифра тиража: 800 экземпляров. Она тут же обращает нужную книгу в раритет.

Евгений Барабанов

Апрельские мотивы. Литературный альманах. — Новоуральск, 2006.

Что заставляет политика писать и публиковать стихи? Или политтехнолога — пьесу? Что делать журналисту в литературном альманахе? Или профессору-политологу, хотя бы даже и «молодому»? (Так рекомендуются авторы в предисловии: «мы молодые». Таков российский дискурс: молодость — качество, требующее оправданий.)

Вопрос отнюдь не праздный, потому что 15 уральских, как теперь принято говорить, «публичных людей», среди которых есть и как минимум одно «всероссийское имя» — депутат Государственной думы Евгений Ройзман — издали литературный альманах. Почему и для чего? Сами они не дают ответа, сообщая лишь в коротеньком предисловии, что место в сборнике определял не их статус, а алфавит. И все же: зачем это им? Успешным в совсем других сферах современной жизни?

Конечно, все мы когда-то хотели писать романы, и некоторые из нас даже писали что-то такое — за партами на неинтересных уроках. Конечно, в далекой стране, откуда все мы родом, быть писателем — тем, который печатается, было во много раз почетнее, чем профессором и тем более депутатом. Но той страны нет, и я не верю, что кто-то из авторов «Апрельских мотивов» испытывает дискомфорт при мысли, что он зарабатывает на хлеб политикой, а не литературой. Тогда зачем все это — стихи, миниатюры, рассказы и даже весьма объемные пьесы?

Я думаю, дело все-таки в истинах, усвоенных в детстве. Проще говоря, думаю, это Чехов виноват. Он внушил нам, что в «человеке все должно быть прекрасно». Нехитрый силлогизм выводит из этого, что человек — настоящий, гармоничный человек, такой, как авторы альманаха; такой, как мы все — всегда должен быть больше, чем его дело, его профессия. Тем более — чем устоявшееся мнение о нем. Настоящий человек бесконечно интере-

сен и бесконечно многогранен. Его никогда нельзя узнать до конца. И он до конца ни во что не погружен. Даже если погружаться приходится в борьбу с беззаконием. В создание гражданского общества. Даже если играешь в самую интересную игру на свете — в российскую политику, — если ты талантлив, у тебя остается много не востребованного твоим делом таланта.

Как с ним поступить?

Уральцы решили издать литературный альманах.

Не думаю, что они собирались соревноваться с профессиональными «властителями дум» или хотели лишней славы. Известность у каждого их них, насколько я понимаю, и так есть. Мне кажется, им хотелось, чтобы та, не востребованная в «обычной жизни», часть таланта нашла себе применение. Потому что нельзя же в самом деле написать пьесу, главным героем которой является художник Тулуз-Лотрек (ну да, в начале XXI века на Урале более современной темы не нашлось, потому что талант всегда больше своего времени), и нельзя же написать стихи с такой строчкой: «Я живу навсегда. Я искал эту фразу» — и оставить эти вещи достоянием небольшой компании друзей. Это просится в широкий мир, это уж никак не менее важно, чем злободневные репортажи и предвыборные листовки.

Не знаю, как остальные читатели, я отказываюсь замечать в этой книге несовершенство и первым брошу камень в того, кто скажет «графомания». Это не графомания. Это талант ищет себе новые пути, пока долг не позовет его к делу.

Андрей Перла
(Самара)

Александр Архангельский,
"Известия" — специально
для "Общей тетради"

Контрапункт

КАРТОГРАФИЯ ПУБЛИЧНОЙ МЫСЛИ

Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений. / Под ред. В. Куренного, при участии В. Глазычева, Бориса Капустина, Юрия Кимелева, Симона Кордонского, Вадима Радаева, Алексея Руткевича. — М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006. — 386 с.

Слово «интеллигенция» — не в том спекулятивном смысле, какое придавала термину западная философия, а применительно к образованному и не имеющему прямого отношения к власти сословию — впервые появилось в дневнике Василия Андреевича Жуковского. Вспыхнув, тут же погасло; его время еще не пришло, поскольку не пришло время самого сословия. Нужно было дожидаться наступления эпохи Бакунина и Боборыкина, чтобы начались споры о месте и роли интеллигенции в устройении русской жизни; они не прекращаются до сих пор. Хотя сословие частью маргинализировано, частью интегрировано в процессы политического и экономического управления страной (так называемые интеллектуалы во власти), частью просто расплодилось по миру и утратило внутреннюю связь с российской интеллектуальной жизнью. Тем не менее сама жизнь продолжается. Существует даже проект известного политолога Александра Неклессы, выстраивающий систему рейтинга публичных интеллектуалов современной России на основе экспертных оценок и с учетом индекса цитируемости. И все же, прежде чем давать оценку «мыслящей России», нужно произвести своего рода инвентаризацию тех форм, в которые облекается мыслительная деятельность, когда она становится фактом публичным, открытым, воздействующим на общество.

Такой каталогизацией, минимально оценочной, максимально описательной, по большей части и занимаются авторы сборника, составленного В. Куренным. Борис Макаренко и Алексей Макаркин устраивают строгий смотр российским либералам. Тимофей Дмитриев и Максим Фетисов — левым. Михаил Ремизов консерваторам. Владимир Малахов — русским националистам. Есть в книге обзор социологических идей и перечень производящих эти идеи идеологов, портретная галерея экономических мыслителей; представлен своеобразный дайджест внешнеполитических концепций, подробно описан интеллектуальный опыт «внештатного агента правительства» т. Павловского Г.О., чья главная задача — конструировать реальность с помощью идеологических схем и запоминающихся образов. Все это и само по себе интересно, а справочный аппарат книги просто-напросто полезен: мы наконец-то имеем более или менее обширный список интеллектуальных

журналов и периодических изданий с адресами, именами, явками; отличается относительной полнотой перечня соответствующих интернет-ресурсов: можно пользоваться.

Несмотря на полную разнородность включенных в книгу материалов — от серии интервью с публичными интеллектуалами, которые описывают свой собственный метод мыслительной деятельности, до справочных материалов и цикла эссе о восприятии русской интеллектуальной сферы на Западе — сборник не оставляет впечатления эклектичности. Оставляет он другое впечатление, не знаю, входило это в замысел составителей или нет, а именно что интеллектуалы у нас есть. Самые разные, на любой вкус и цвет. Что они по-прежнему активны и ориентированы на социальное действие. Но при этом нынешняя российская реальность во всем многообразии ее общественных и политических проявлений в интеллектуалах *не нуждается*. И если они, эти самые интеллектуалы, и вовлечены сегодня в самые разные процессы, будь то мифологизация действующей власти а ля Павловский или, напротив, формирование оппозиционных групп (пример: Георгий Сатаров), или развитие экономики, то не потому, что их призвала и вовлекла в самое средоточие живая жизнь общества, а потому что *так получилось*. Почему Борис Кагарлицкий ассоциируется с левым движением? *Так вышло*. Почему Глеб Павловский вхож в Кремль? *Так сложилось*. А почему экономический либерализм Гайдара присутствует во всех аналитических раскладах? Да потому же самому: *так произошло*. Не было бы Кагарлицкого, Павловского и Гайдара, и власть, и ее заклятые враги с одинаковой легкостью обошлись бы без всех этих умственных сложностей и чересчур абстрактных разработок. А так: ну есть и есть, пусть будут...

Отчасти такое положение объясняется спецификой интеллектуальной жизни в России: слишком абстрактны, слишком высокомерны многие построения наших умников — к меняющейся реальности их схемы не приложишь, глубинного существа протекающих процессов не объяснишь. Но это лишь надводная часть айсберга. Подводная связана с вещами гораздо менее очевидными и гораздо более неприятными. Мир, в котором мы живем и действуем, неостановимо усложняется. Все более прихотливы технологии, которыми мы пользуемся и в быту, и на работе, и от которых все очевиднее зависим. Все более дробными становятся интересы разнородных общественных групп. Все более узким и закрытым для непосвященных — научное знание. Все запутанней — экономические и политические отношения эпохи глобализма. Рушатся все механизмы сдержек и противовесов, выработанные во время холодной войны, а новые не срабатывают. При этом массовое сознание россиян и политическая воля апеллирующих к нему элит направлены на нечто противоположное. На тотальное упрощение. На ясную, непротиворечивую картину мира, в которой по одну сторону немногочисленные друзья, по другую неисчислимые враги, сверху заботливый вождь, снизу доверчивая паства, а никаких оттенков, никаких полутонов, никаких градаций не существует. Жизнь упростить не удастся; зато можно предельно упростить представление о ней.

Это процесс не только российский; он захватывает большинство стран и народов: чем страшнее ощущать свою незащищенность перед необъяснимым мироустройством, тем соблазнительней спрятать голову в песок, предпочесть простоту, которая хуже воровства. Но у нас общая тенденция многократно усилена. Страна охотно забыла школьное правило и просит поделить ее на ноль. Удастся ли эта затея, зависит не только от верховной власти, но и от внутренней воли сословия, которое почти два века назад Жуковский назвал «интеллигенцией», а составители сегодняшнего сборника именуют «интеллектуалами».

КАТАЛОГ ОБИХОДНОЙ ФИЛОСОФИИ

Размышления о России и русских: «Вторая философия» русского человека. / Составление и предисловие С. К. Иванова. — М.: Московская школа политических исследований, 2006. — 616 с.

«У всякого народа две философии: одна ученая, книжная, торжественная и праздничная, другая — ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обе эти философии находятся в более или менее близком соотношении друг к другу; и кто хочет изображать общество, тому надо познакомиться с обеими, но последнюю особенно необходимо изучить». Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. Эта цитата из «неистового Виссариона» предельно точно передает суть замысла Сергея Иванова: собрать свидетельства русского «домашнего образа мыслей», на их основе понять — каков истинный характер национального самосознания, в чем он соотносится с официальными доктринами, а в чем полностью им противоречит.

При этом сам составитель — не профессиональный историк, тем более не дипломированный философ; он кропотливый любитель, много лет назад поставивший перед собою цель: чужими словами объяснить самого себя, думающего русского человека. «Записки и выписки» была названа когда-то полудневниковая книга ака-

демика Михаила Гаспарова. «Выписки» — могла бы называться трехтомная «эпопея» Сергея Иванова (рецензируемый том — третья, финальная часть). Иванов может в той же мере считаться составителем, в какой — объектом странного коллективного исследования, заочные участники которого жили в разные эпохи и не догадывались, в каком эксперименте будут участвовать.

Пересказывать и цитировать этот компендий бесполезно. Нельзя цитировать цитаты, невозможно пересказывать дайджест. Можно лишь посоветовать читателю включиться в интеллектуальную игру, затеянную Сергеем Ивановым. Насколько «домашние» мысли выдающихся русских людей совпадают с нашим собственным опытом «второй философии»? В какой мере официальные представления о России, русских и русскости совпадают с ней, в какой расходятся, в какой полностью противоречат? Правда ли, что мы все поголовно исповедуем веру в «мысль семейную»? что свободу не ценим, но всегда готовы отдать жизнь за царя и отечество? а если не всегда, то когда именно? что православная этика несовместима с активностью экономической и политической? И так далее и тому подобное.

Если же такой эксперимент будет поставлен, то главная задача, основная цель Сергея Иванова окажется осуществленной. Он ведь последовательно усложнял свою собственную жизнь, свою собственную картину мира, причем в ту эпоху российской истории, которая вроде бы не способствовала интеллектуальному усложнению. Только-только завершились сталинские времена с их тотальным спрямлением всех кривых общественной жизни и общественного сознания; политика к излишним мудрствованиям не располагала. Однако ж запретить *саморазвитие* не удалось. Тем более невозможно сделать это сейчас. Мы вправе и даже обязаны высказывать неудовольствие происходящим вокруг, констатировать неблагополучие, порицать политический порок, но списать на внешние обстоятельства свою собственную сдачу на милость победителя не удастся.

Книги — есть. Интернет — имеется. Голова на плечах. Вполне достаточно для того, чтобы предъявить к себе особый интеллектуальный счет и начать работу по собственному усложнению.

Русь и Италия.

Начало связей и возвышение Москвы

Признаться, несмотря на мою нежную любовь к Италии, я никогда не взялся бы писать об истории русско-итальянских связей, если бы не несколько обстоятельств.

Начало и развитие этих отношений тесно связано с Русским Севером, и об этом очень мало известно. Далее, в том, как написана наша русская история, многое нуждается в пересмотре. Много мифов. И много зон умолчания.

И связи между Италией и Русью — одна из таких зон.

Принято считать, что итальянцы долгое время почти ничего не знали о Руси, так же как русские долгие столетия ничего не знали о родине Боккаччо и Боттичелли. И что начало постоянных контактов между двумя странами относится к последней трети XV века, к временам Ивана III, когда Московское царство, получившее независимость, стало пробиваться в европейскую политику, устанавливать дипломатические контакты.

Италия — первейший и, пожалуй, самый значимый из европейских партнеров Руси в XIV–XV веках. В частности, и про то, что Русь и Италия оказали друг на друга мощное влияние на каких-то этапах, мы почти ничего не знаем.

Ну как же русские и итальянцы могли не оказать влияния друг на друга, если в течение более чем двух столетий они входили в одно государство?! Наверняка многие читатели удивятся, дескать, где же это, каким это образом Русь объединилась с Италией? Но это факт: очень долгое время русские княжества и черноморские колонии итальянских республик входили в состав Золотой Орды. В XIII–XV веках был русский улус Орды и был Крымский улус, в котором очень рано и в немалом количестве обосновались итальянцы, построившие там города и обосновавшиеся в других частях Ордынского государства.

И очень скоро между русскими княжествами и итальянскими колониями в Крыму завязались самые разные ниточки связей, а из Крыма эти ниточки потянулись и на Аппенинский полуостров: в Рим, Геную, Венецию, Флоренцию. И распутать эти связи важно не только потому,

*Глеб Тюрин,
директор АНО
«Институт общественных
и гуманитарных инициатив»
(Архангельск)*

что они роднят нас с землей Возрождения, но и потому что они помогают многое понять в нашей собственной истории.

Итальянцы появились на Черном море в самом начале XIII века, когда они уже цепко держали в своих руках торговлю на море Средиземном и настойчиво искали пути на восток. Здесь они вступили в торговлю с половцами, которые унаследовали древние торговые караванные пути, протянувшиеся издавна через черноморские и каспийские степи на север и восток, начиная еще с античных времен.

Возникновение огромной монгольской империи открыло перед итальянскими купцами огромные возможности для дальних путешествий и проникновения вглубь Азии. Первые золотоордынские ханы, стремясь развивать торговлю, всячески привлекали купцов, в том числе и итальянцев. Особенно преуспели здесь генуэзцы, имевшие поддержку Византии. В 1266 году они основали город Кафа, который был независим от монголов и стал позднее центром их колоний в Крыму.

Впрочем, еще долгое время крупнейшим центром международной торговли на Черном море оставался город Сурож, подчинявшийся ханским наместникам Крымского улуса. В нем также селились итальянские купцы, но здесь заметную роль играли и греческие, армянские и русские купцы. В Сурож прибывали корабли из Малой Азии и Византии, где восточные ткани выменивались на невольников, девушек, меха и другие товары.

Появившись в Крыму, итальянцы сразу же напрямую столкнулись с русскими купцами, русской культурой и обычаями. Самое Черное море в дотатарский период называлось Русским морем, оно было освоено русскими еще в IX веке. Рубрук пишет в своих записках, что в Сурож приезжает немало русских купцов «со всей России», чтобы продать здесь горностаев, белок и прочие меха или купить соль. Для путешествия по степям Рубруку посоветовали купить такие «крытые повозки, в которых русские купцы перевозят свои меха». Араб-

ские историки XIII века пишут о русской колонии в Суроже, имевшей свою церковь и мирно жившей среди аланов, армян, хазар, половцев, греков и итальянцев.

Была русская колония и в итальянской Кафе, а тем более в шумном Константинополе, где «Русь» жила у церкви Иоанна Предтечи, в близости от бухты Золотой Рог. А недалеко располагалась Галата, генуэзский город с пестрым многонациональным населением и особыми правами. Безусловно, какая-то часть русских жила и в этом генуэзском поселении. Иначе как объяснить, скажем, то, что претендент на русскую митрополию Митрий, умерший на корабле возле самого Константинополя, был отведен в Галату и там похоронен? А русских паломников в XIII–XIV веках было столько, что православная церковь несколько раз принимала решительные шаги по ограничению паломничества.

Итальянские негоцианты не могли не сталкиваться с русскими купцами и князьями и в Золотой Орде, в Сарае или в Сарай-Берке, где и те и другие часто подолгу жили. Они ходили по одним путям и просто не могли не пересекаться.

Все это дает возможность говорить о том, что жители итальянских колоний в Крыму (да и на Кавказе) хорошо знали о Руси.

Уже в тринадцатом веке начинается проникновение итальянцев из Крыма в русские земли, поначалу, видимо, в южные и юго-западные княжества. Плано Карпини пишет о целой группе генуэзцев, пизанцев, венецианцев в Киеве. Ипатьевская летопись упоминает о «сурожцах» (итальянцах или греках) на Вольни. Образ богатого и удачливого итальянского купца, покорявшего сердца девушек Киева, нашел свое отражение в южной былинке о Чуриле, сыне Плетка-«суроженина». Итальянцами, скорее всего, были и нарочитые немцы — гости, упоминаемые летописями в Курской земле во время знаменитого баскака Ахмата («немцы» — это все иностранцы, термин «фрязи» или

«фряги»* для обозначения итальянцев установился не сразу).

Повесть о разорении Царьграда 1204 года вновь называет всех крестоносцев фряжскими. Впрочем, автор повести хорошо осведомлен об участии итальянцев в походе. После появления итальянцев в Крыму за ними закрепляется наименование «фрязи». Уже в XIV веке оно довольно устойчиво.

Есть основания полагать, что вскоре (по крайней мере, в первой половине XIV века) фряжские гости появились и в северо-восточных русских княжествах, в Москве, в Твери и прочих землях.

В 1319 году в московской летописи вдруг упоминается «Сурожское море» (ПСРЛ, т. 10, с. 182), что тоже по-своему знаменательно. Почему московский летописец включает его в поле своего зрения? А замечательный знаток, «дедушка» московской истории И.Е. Забелин писал: «Москва, как только начала свое историческое поприще, по счастливым обстоятельствам торгового и именно итальянского движения в наших южных краях, успела привлечь к себе, по видимому, особую колонию итальянских торговцев» (И.Е. Забелин История города Москвы. М., 1902, с. 86). И на самом деле в середине XIV века мы уже видим в Москве корпорацию купцов, носившую название «сурожан». Это ведь не могло произойти вдруг, на это требовалось время.

Вот тут начинаются тайны и загадки, и загадки прелюбопытные. Первое упоминание летописи о гостях-сурожанах относится к 1356 году, под которым в Никоновской летописи сообщается, что пришел «из Орды Ирынчей и с ним гости сурожане» (ПСРЛ, т. 10, с. 228). Это крат-

кое и глухое сообщение о приходе сурожан с татарским послом Ирынчеем вызвало у историков споры о том, кем являлись эти сурожане: итальянцами или русскими из Суража.

Но выяснилось, что задуматься здесь стоит не только об этом. В опубликованном в 1922 году Рогожском летописце (гораздо более древнем, чем Никоновский свод) сообщение об Ирынчее выглядит по-другому: «А на Москву приходил посол силен из Орды Ирынчей на Сурожане». Как говорится, вот те раз! Ведь это кардинально меняет дело! Получается, Ирынчей не привел сурожан с собой, а пришел за ними «силен», то есть во главе вооруженного отряда с целью их преследования или наказания. Летопись не говорит, чем был вызван этот приход Ирынчей и чем закончилось дело, но это свидетельство Рогожского летописца достаточно, по крайней мере, чтобы знать: в 1356 году сурожане не просто уже жили в Москве, но и были «своими людьми», появившимися здесь, возможно, задолго до описанных здесь событий. Более того, они успели совершить нечто, что вызвало в Орде ханский гнев и желание с ними расправиться.

Загадочное известие, не правда ли? Наверное, оно слишком кратко, чтобы дать нам достаточные основания для каких-то предположений или выводов. Но здесь самое время вспомнить еще одно загадочное упоминание о фряжах. В жалованной грамоте Дмитрия Донского (1350–1389), выданной в первые годы его княжения, юный князь Дмитрий «жаловал есмь Ондreja Фрязина Печерою, как было за его дядею, за Матфеем за Фрязины». Это пожалование, как следует из текста, не было новым, а продолжало ряд пожалований, начавшихся еще при Иване I Калите

* *Фряги (фрязи) – старинное название итальянцев на Руси. Возможно, поначалу так называли не только итальянцев. Не случайно известный русский лингвист Фасмер возводит этимологию этого слова к средневековому *fragkos* (лат. *francus*, то есть франк). Отсюда же произошло древнерусское *фрузи*, то есть многие латиняне. Но уже русская летопись конца XII века, перечисляя европейские народы, упоминает фрязей как вполне конкретный народ на юге Европы: «Варязи, Севи, Нирмани, Гти, Роусь, Агляне, Галичане, Ляхове, Волоси, Римляне, Немци, Корлязи, Венедици, Фрязи и прочии». Повесть о разорении Царьграда 1204 года вновь называет всех крестоносцев фряжскими. Впрочем, автор повести хорошо осведомлен об участии итальянцев в походе. После появления итальянцев в Крыму за ними закрепляется наименование «фрязи». Уже в XIV веке оно довольно устойчиво.*

(? — 1340): «А вы, печеряне, слушайте его и чтите, а он вас блюдет, а ходит по пошине, как было при моем деде при князи при великом при Иване и при моем дяде и при князе при великом при Семене, и при моем отци при князи при великом при Иване, так и при мне».

Нет, какая-то очень любопытная «петрушка» получается. Эта грамота известна науке почти двести лет. Впервые она была опубликована еще в 1836 году в хрестоматийно известных Актах археографической экспедиции, после чего многократно переиздавалась. Это один из самых древних сохранившихся документов московского княжеского дома. Тем не менее он почти не привлек внимания ученых или ему не придавали особого значения. Его никто не оспаривал, но так и осталось неясным, какими ветрами в начале XIV века Фрязины занесло за тысячи километров от итальянских колоний в Крыму. И что они делали на Русском Севере несколько этих десятилетий. Даже бесконечно чтимый мной академик М.Н. Тихомиров посвятил этому сюжету лишь пару строчек и повисший в воздухе вопрос: «Что же искал Андрей Фрязин на далеком Севере?». Михаил Николаевич лишь предположил, что Фрязин хотел покупать там соколов (М.Н. Тихомиров. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992, с. 82). И сегодня описанное в грамоте пожалование остается едва ли не неким курьезом. Дескать, куда только жизнь не забрасывает людей, вот и господ итальянцев угораздило оказаться за полярным кругом.

Но мы увидим, что этот документ донес до нас необычайно важные сведения, если мы припомним, что в Средневековье Печера (наряду с Югрой) — это основной промысловый регион дорогой пушнины, основной поставщик мехов, привозимых на Русь (и не только на Русь), и оттуда расхившихся в другие страны. Это регион, в котором сходились финансовые интересы, откуда происходили значительные средства. И вдруг он отдается каким-то итальянцам. Что ни говорите, князь Иван Калита совершил крайне необычный, я бы даже сказал, экстраординарный поступок. Это все равно, как если бы Путин сегодня пожаловал итальянцам, скажем, Якутию с ее алмазами. Но Фрязины не просто получили эти владения, они удерживали их за собой на протяжении, по меньшей мере, двадцати — двадцати пяти лет. А затем последовало, скажем так, крайнее неудовольствие татарских ханов, которые пришли по головы «сурожан» в Москве. Что же скрывается за этими фактами? Что заставило Калиту сделать это пожалование, а его преемника его продолжить?

Чтобы разобраться в этом, оставим на время итальянцев и присмотримся внимательнее к эпохе Калиты, ее событиям и мотивам.

Князь Иван Данилович по прозвищу Калита стал великим князем владимирским в 1328 году. Этот год стал поворотным в невероятно ожесточенной борьбе Москвы с Тверью за великое княжение. Борьба к тому времени тянулась уже больше четверти века, но исход ее оставался неясным. Москва смогла выбиться в лидеры, но у нее еще не было никаких решительных преимуществ. Более того, во многом ее позиции были явно слабее позиций ее главной соперницы.

Превосходство Твери было абсолютно очевидным, это проявлялось во всем: она раньше выделилась в самостоятельное княжество, сумела консолидировать вокруг себя значительные земли. Лежавшая на пересечении Волги и важных сухопутных торговых путей в Новгород, Литву, Владимир, она затмевала богатством заолустную Москву. В Твери раньше всех русских княжеств возобновили строительство соборов: огромный храм Спаса заложили еще в 1280 году (построили за 10 лет). Тверские князья захватили княжение и в Новгороде, что открыло им новгородские просторы и богатства. Тверичи были сильнее и в военном отношении: как правило, они били московские рати даже когда последних поддерживали татары.

Первые московские князья Даниил и его сыновья Юрий и Иван могли противопоставить этому только изощренную политику — жесткую, агрессивную и беспринципную

нужно было сделать так, чтобы в Москве не было никаких решительных преимуществ. Более того, во многом ее позиции были явно слабее позиций ее главной соперницы.

ную. Ключевский называл Даниловичей «смелыми хищниками». Они готовы были на любое действие в интересах ханов, чтобы вырвать для себя преимущества. В конце концов эта политика стала приносить плоды и хан дал Юрию Даниловичу в Орде зарезать Михаила Тверского. Из него еще живого вырезали сердце. Но великое княжение все равно было в основном у Твери. Лишь ненадолго Юрий смог получить великое княжение. И даже когда Дмитрий убил Юрия в Орде, ярлык отдал Александру Михайловичу тверскому.

И вот наконец в 1328 году Калита получает власть и наносит Твери нечеловеческий по жестокости удар, воспользовавшись восстанием тверичей против бесчинств ханских баскаков. Иван привел огромное татарское войско и подверг тверскую округу мечу и пожару. Но он не мог еще спать спокойно, разгром не означал окончательного поражения Твери. Не случайно Калиту так тревожила судь-

ба бежавшего (в Псков, потом в Литву) князя Александра, которого он преследовал почти десять лет (пока не добился в Орде его смерти).

Иван Данилович должен был противопоставить конкурентам реальное могущество Москвы. А ее могущество надо было еще создать. Это означало решение многих задач, но в первую очередь это значило получение больших и стабильных финансовых поступлений. Перед Калитой встала проблема получения денег, очень больших денег. Ему нужно было выплачивать колоссальные деньги в Орду и за счет этого удерживать княжение, ведь он и «купил» татар тем, что пообещал значительно больший «выход» с Руси. Деньги были нужны для бесконечных подарков, взяток, подношений, и не только ханам и ханшам, но и многочисленным придворным, мурзам и иже с ними. Деньги также были нужны, чтобы снаряжать войска, покупать оружие, возводить и укреплять кремлевские стены, украшать город и строить храмы, создавая

привлекательный облик стольного града. Денег нужно было много. И мы знаем, что Калита этот вопрос решил (почему, собственно, и получил свое прозвище), хотя до сих пор не очень понимаем, каким образом. В XIX веке возникло представление, что Калита просто утаивал от ханов часть дани, которую он собирал. Но сегодня историки, например авторы последней редакции «Истории Москвы», эту точку зрения считают явно ошибочной (т. 1, М., 1997, с. 42).

Точнее, похоже, Калита поначалу начал «выжимать» из всех подвластных ему земель максимальную дань, да вот только выжать можно было немного. Хозяйства крестьян были в основе своей натуральными. Уровень урожайности и общей доходности их был невелик. Увеличение налогового бремени вело просто к разрухе. Через несколько лет после начала правления Ивана летопись сообщила: «бысть меженина велика в земли Русской, дороговь, глад хлебный и скудость всякого житиа». Меженина — слово, означающее голод и недостаток хлеба. Но оно не случайно созвучно межени, то есть краю, границе. Это пограничное состояние. За межениной люди нередко умирали или разбрелись в другие края, после чего с этих земель долгое время нельзя было взять вообще ничего. Но ведь многие русские города и села и без того лежали в руинах. Самые населенные и богатые земли владимирского княжества всю вторую половину XIII века разграблялись татарами. Скажем, в 1293 году монголы «Володимер взяша и церкви пограбиша, и... села, и волости, и погосты и монастыри повоеваша» (НПЛ, с. 327). Такой же участи систематически подвергались Переяславль, Суздаль, Юрьев, Кострома, Ростов.

Словом, увеличением сбора дани со своих земель серьезно увеличить поступление средств было непросто. А Калите нужно было качественно изменить свое финансовое положение. Ему нужны были способы существенного увеличения доходов московской казны.

Л.Н. Гумилев замечательно сформулиро-

вал, что в те времена основные средства, необходимые для ведения большой политики, доставляли купцы. Он показал, что даже монгольским ханам основные средства для осуществления своей политики «доставляли купцы, водившие караваны от Китая до Испании. Торговали они шелком и предметами роскоши, так что их деятельность более походила на валютные операции, нежели на торговлю в современном смысле» (Л.Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. М.: «Мысль», 1986, с. 9).

Но это не в меньшей степени относилось к русским князьям. Уже в XIV веке попытка княжества вести собственную политику означала потребность найти свое место в международном обмене и торговле. Об этом же пишет и такой замечательный историк, как В.Е. Сыроечковский: «Независимая и активная роль Москвы была возможна лишь при условии обладания необходимыми запасами пушнины. В XIV и XV веках краем, откуда можно было черпать пушной товар, был Север» (В.Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.-Л., 1935, с. 10).

И вот тут мы прикасаемся, пожалуй, к самым важным обстоятельствам, которые определяли влияние тогдашней элиты. Заволочье (то есть земля за волоками, Север) в изобилии давало товары, обладавшие высочайшей доходностью. Более того, можно сказать, что практически все, что тогда на Руси могло приносить высокую доходность (если не считать рабов), происходило с Севера. Именно Север давал практически все то, с чем Русь могла выступать на международных рынках. Это были не только меха, но и серебро, моржовый клык. Однако пушнина, безусловно, была важнейшим товаром. Для средневековой России этот ресурс имел едва ли не большее значение, чем для России нынешней нефть и газ. Это главная «русская валюта» на протяжении столетий. Поэтому борьба за власть на Руси тогда была во многом борьбой за возможность контролировать богатства Севера. Эта борьба началась задолго до Калиты,

еще в XI–XII веках, когда Новгород и ростово-суздальские (низовские) князья стали подчинять себе земли Заволочья. Но серьезные «виды» имела здесь и Волжская Булгария, за которой стояли арабские купцы и восточные рынки. Главным держателем территорий Севера был Новгород, но низовские (ростово-суздальские) князья также рвались на север. Так, в 1169 году Андрей Боголюбский направил свой большой «полк» в Заволочье, но был разбит и 1300 суздальцев сложили в битве свои головы (ПСРЛ, т. 5, с. 9; т. 9, с. 241). Низовские князья смогли распространить свое влияние на Белозеро и земли в верховьях и в среднем течении Двины, в истоках которой Всеволод Большое Гнездо основал в 1178 году Великий Устюг. Он стал главным оплотом владими́ро-суздальских князей на Севере. Отсюда низовские колонисты проникали на Двину, образуя свои новые волости среди новгородских владений. С распадом Владимиро-Суздальского княжества земли низовских князей в Заволочье достались Ростову. Впрочем, вскоре сюда постарались протянуть свои руки и новые низовские фавориты, Тверь и Москва.

Тверь и здесь опережала Москву, вмешавшись в эту борьбу намного раньше и очень серьезно преуспев. Практически вся история противостояния Москвы с Тверью, как мы увидим ниже, — это история борьбы за владения в Заволочье. Доступ Твери к богатствам Севера лежал через овладение княжеским престолом в Новгороде.

Еще в 1264 году первый тверской князь Ярослав Ярославич, брат Александра Невского, получив ярлык на великое владимирское княжение, занял и новгородский стол. По договору с Новгородом, который, конечно, пытался как-то ограничить власть Ярослава, он, тем не менее, получал в распоряжение половину волостей в Заволочье, в которых мог держать своего тивуна и «дар от тех волостей имати». Но аппетиты Ярослава явно пошли дальше, и два года спустя в Новгороде вспыхивает мятеж. Новгородцы изгоняют Ярослава, поставив ему в вину то, что он поотнимал

земли и «поимал еси серебро на Микифоре Манущиници, и на Романе Болдыжевици, и на Фарфорломеи, а иное, чему выводишь от нас иноземца, которые у нас живут, а того много вины его» (НПЛ, с. 319). За этим разразилась война, и лишь поручительство митрополита Кирилла и отказ Ярослава от своих «достижений» позволили ему снова без крови занять княжий стол в Новгороде, на котором он оставался вплоть до самой своей смерти в 1272 году. Здесь нет возможности подробно останавливаться на этих сюжетах, но отметим, что о Москве тогда еще не было и речи, ведь последние годы жизни Ярослав нянчился с малолетним племянником Даниилом (будущим первым московским князем), которому было 2 года, когда умер его отец Александр Невский. Ярослав заботливо управлял его московским уделом, сохраняя его для любимого «племяша», не подозревая, кого растит.

С Ярослава пошла традиция, которую стали поддерживать и монголы, что великий князь держит и новгородский стол. Это значит, что он получал и Заволочье.

Наследовавшие великокняжеский престол переяславский князь Дмитрий и затем князь городецкий Андрей (сыновья Невского) старались крепко держать северные владения в своих руках. При Андрее Александровиче впервые появляется особый тип грамот, указная грамота на Двину о великокняжеских ватагах. Князь, таким образом, подчеркивает неограниченность своей власти (он управляет северными владениями, давая указания). Князь Андрей снаряжает на Север ватаги сокольников и данщиков на Мезень, Пинегу, Печору и Кольский полуостров. Но поскольку почти все это время беспрестанно шли войны Новгорода с великими князьями, а также между ними самими, тверской князь Святослав Ярославович продолжал играть важную роль в судьбе северных земель. Святослав совершил поход на Север, захватил Вологду и с богатой добычей возвратился в Тверь.

Московский князь Иван Данилович был свидетелем того, с каким необычным

ожесточением пошла борьба за Север с первых лет XIV столетия. Это все шло уже на его глазах. Тогда борьба развернулась между Тверью, Москвой, ну и, конечно, Новгородом.

После смерти Андрея Александровича в 1305 году великим князем Владимирским стал Михаил Тверской. Михаил, конечно, сразу же постарался занять позиции в Новгороде. Но встретил ожесточенное сопротивление новгородцев, подогреваемых москвичами. Михаилу пришлось пообещать новгородцам, что он не будет слать в Заволочье «своих мужей», будет продавать им всю свою заволочскую дань и уберет своего тиуна в Вологде. После этого они приняли Михаила в Новгороде. Юрию Даниловичу оставалось кусать локти и ждать момента для ответного удара. И он настал! Михаил, получив княжение в Новгороде, конечно, начал нарушать условия договора, вновь прибирая Заволочье к рукам.

В 1312 году умер хан Тохта, и Михаил поехал в Орду за ярлыком от нового хана, а Юрий был принят Новгородом в качестве князя. Вернувшись из Орды, Михаил расправился с Новгородом и Юрия оттуда выбил. Но в 1316 году, поддерживаемые московским князем, новгородцы снова восстали. Новый поход Михаила был не очень удачен: князь не решился брать город штурмом.

Тем временем Юрий в 1317 году, женатый на сестре хана Узбека, вернулся; он вел большое татарское войско, чтобы ударить по Тверскому княжеству. Но в битве, которая состоялась возле Твери, Михаил одержал победу. Юрий бежал в Новгород, тверчанами были захвачены брат князя Юрия и его жена Кончака, которая, к несчастью, вскоре в Твери умерла. Оба князя в 1318 году были вызваны в Орду. Там Михаила убили.

После этого Юрий получил ярлык на великое княжение и стол в Новгороде и просто «не вылезал» из новгородских владений. Там его и застало известие 1322 года о том, что хан ярлык на великое княжение возвратил в Тверь Дмитрию (сыну Михаила), а самого Юрия вы-

звал в Орду. В ханской ставке в ноябре 1324 года Юрий был убит Дмитрием.

Обращу внимание: в Орду, навстречу своей смерти, Юрий Данилович отправился прямо с Двины, куда он как князь Великого Новгорода совершил поход в начале 1324 года. За год до этого устюжане ограбили ходившую в Югру новгородскую ватагу. В ответ на это Юрий с новгородской дружиной пошел в Заволочье, «взяша Устьюг на щит, и приидоша на Двину» (НПЛ, с. 339). Здесь его догнали послы от ростовских князей, которые согласились на мир по старой пошлине. И новгородцы пошли домой, а Юрий – в Орду по Каме и Волге. Возможно, Дмитрий убил Юрия, не только желая отомстить за убийство отца, но и потому, что узнал, что Юрий пришел из Заволочья с богатой добычей, предназначенной для подношения хану. За этими событиями, как мы помним, последовало короткое княжение Александра Михайловича и страшная кровавая баня в Твери, учиненная Калитой.

Получив власть страшной ценой, огромным напряжением и кровью, Иван Данилович должен был понимать: это был его шанс (может быть, единственный) возвысить Москву и оставить верховенство за ней. Именно контроль над этими ресурсами давал реальную власть, составляя основные объемы финансовых поступлений великого князя. О том, насколько значительны были эти поступления, мы можем судить хотя бы по тому, что в 1316 году Михаил Тверской после нескольких лет «разратья, которое ся учинило промежи князя и Новагорода», наложил на Новгород контрибуцию в размере 12 тысяч гривен серебра! Для сравнения: выплаты со всей Руси монголам даже в конце XIV века составляли 5320 рублей. Но рубль – это половина гривны («разрубленная гривна»), то есть Михаил требовал с Новгорода своеобразную компенсацию в размере 24 тысяч рублей! И эта сумма не была воспринята как невозможная. Новгород соглашался ее выплатить, хотя и в несколько приемов.

Надо полагать, эти заволочские финансовые потоки все же не были учтены монголами, оставались неподконтрольными им. Монголы, передавая ярлык на великое княжение владимирское, не претендовали на эти ресурсы, не строили вокруг них своей игры. Это и создавало возможность игры московских князей.

Итак, Калите нужно было найти способ, как оставить эти финансовые потоки за собой. Но у него было не так много времени. Он должен был знать, что спустя какое-то время ярлык на великое княжение у него непременно отнимут, особенно, если увидят, что он усилился. И тогда он вновь потеряет все. Он должен был извлечь уроки из проигрыша Твери, которая надолго увязла в противоречиях и войне с Новгородом, на стороне которого была Москва. Но теперь они все были против Москвы! И это значило, Москве был нужен новый сильный союзник!

И еще, чтобы реально использовать Заволочье, ему нужно было решить две задачи:

1. Обеспечить стабильный доступ к землям Заволочья.

2. Найти пути и рынки сбыта северных товаров.

По обоим этим вопросам у Калиты были большие проблемы, его позиции на момент занятия великокняжеского престола были слабее тверских.

Доступ к северным землям поначалу выглядел для Москвы очень трудной задачей. Москва располагалась в южной части Северо-Восточной Руси, ее путь на Север был закрыт землями Тверского и Ростовского княжеств. К тому же Калита получил не все великое княжение, а лишь половину (Новгород и Кострому). Вторая часть (Владимир и Поволжье) были отданы ханом суздальскому князю Александру Васильевичу, тогда как Тверь обладала относительной близостью к землям Севера. Не случайно созданное в те годы «Похвальное слово князю Александру Тверскому» утверждало, что он владел

«всею страну до моря Варяжского и паки Новымградом Нижним и до предел Измаилтеских и вѣсточными странами обоньпол Устюга до рек Угорских даже и до моря Печорского» (ПСРЛ, т. 15, с. 465). Удивительные строчки! Тверские князья считали себя князьями Всея Руси! Обратим внимание, весь Север до Печоры упоминается здесь как собственность тверского князя.

Эти строчки должны были заставлять Ивана скрежетать зубами. Земли Твери представляли собой широкую полосу вдоль всей Волги от верховий до ростовского Углича. Это был клин между Новгородом и ростовскими землями, вбитый по направлению с юго-запада на северо-восток. К тому же в 1316 году Михаил «повоевал» Углич. Отсюда было рукой подать до Заволжья и верховий рек, текущих на север, приводивших к Вологде и Белозеру. А здесь у тверского князя, его семьи и бояр были свои земли. Калита не мог не помнить, что Юрий от имени Новгорода, заключая в 1317 году договор с Михаилом, подтвердил, что граница Тверского княжества проходила по Вологде: «Такоже князю Михаилу в Вологде по старому рубежу рубеж дати».

Калите нужно было для начала обойти Тверь и при этом поставить заслон на пути этого тверского «клина». Иван отправил своего посадника в Новгород, но он знал, что теперь Новгороду он не союзник, а самый явный противник. Он решил обойти Тверь через ростовские земли, оттолкнувшись от Костромы, которой владел. В 1328 году, едва только разорив Тверь, Иван Данилович с войсками, которые ему были даны для преследования князя Александра Тверского, не пошел в Псков, где скрылся Александр, а направился на север. Псковская летопись сообщает, что татары и москвичи «подъша (разорили) всю область Новгородскую от Белоозера и от Заволочия», пройдя туда через Ростов, «заодно» подвергнув тяжелому разорению и его земли. Так Калита обрубал «тверские корешки» на Севере, рушил связи, которые Тверью устанавливались больше тридцати лет.

В 1331 году Иван просто «выбил» из Новгорода дополнительный платеж «закавказским серебром» и таким образом добился согласия хана Узбека на передачу ему всего Владимирского княжения. Более того, тогда же он получил Стретенскую половину Ростова.

А вскоре он загадочным образом овладел еще рядом стратегических точек, ведущих на север: Галичем, Угличем и Белозером. Началось с того, что он выдал своих дочерей за ростовского, белозерского и ярославского князей, создав таким образом «родственную» зависимость этих территорий от себя. А потом каким-то образом «прикупил» Углич, Галич и Белозеро. Вопрос об этих «куплях» Калиты стал предметом очень острой научной дискуссии, не утихавшей длительное время. Об этом писали наши лучшие историки: Н. Карамзин, С. Соловьев, Б. Чичерин, А. Пресняков, М. Любавский, Л. Черепнин и другие. Вокруг этого вопроса было сломано немало научных копий, но как-то осталось невыясненным: зачем, собственно, Калита делал эти покупки, почему он купил именно эти территории? Но если посмотреть на это в разрезе борьбы Москвы с Тверью за выход к северу, то ответ кажется очевидным: не совершая больших территориальных захватов (то есть не вызывая опасений татар в своем значительном усилении), Калита смог получить свой «коридор» на север. Это была цепь «опорных точек», но этого было достаточно, чтобы противопоставить тверской «оси», смотревшей на северо-восток, свой «кордон», который шел с юго-востока на северо-запад. И Тверь в него упиралась. Теперь Москве выход на север был доступен, а Твери закрыт!

Но пробиться на север — это было только полдела. Надо было еще найти, куда сбывать «мягкую рухлядь» и прочие северные товары. Тверь, к слову сказать, эту проблему по-настоящему так и не решила. Тверские князья пыгались перетянуть из Новгорода на себя торговлю с ганзейскими и прибалтийскими городами, но Новгород, конечно, не дал. Более того, Новгород в иных договорах, когда мог,

«требовал», чтобы тверской князь продавал ему свою дань. Цену при этом назначали, конечно, новгородцы.

Москве нужен был свой рынок, чтобы он был стабильным и независимым от ее конкурентов. Чтобы она смогла на нем выигрывать и получать хорошие цены. Была возможность пробиваться на восточные рынки вниз по Волге: на рынки Сарая, Булгара или дальше. И московские купцы, конечно, туда ездили. Но, думается, что Калита на первых порах не хотелось привлечь внимание татар к росту своих богатств, к тому, что в его городе стала серьезно расти торговля.

Поэтому самым удачным для Москвы во всех смыслах было направление на юг, на итальянские колонии в Крыму. Это был большой и активно развивавшийся рынок, тесно связанный с другими рынками, как европейскими, так и азиатскими. Меха в Причерноморье стали очень ходовым товаром еще в XIII веке. Скорее всего, устанавливать контакты с городами-колониями Крыма начали еще тверичане задолго до Калиты.

Надо полагать, что Иван Данилович не сразу пришел к мысли о возможности привлечения итальянцев. Сохранилась его указная грамота на Двину (без даты, но, скорее всего, относящаяся к первым годам его княжения), в которой он пожаловал Печору Михаилу (надо полагать, своему боярину), поручив ему же собирать пошлины на Печоре.

Но думается, что чем больше мехов должно было поступать с севера, тем острее вставал вопрос о сбыте и возрастал интерес к Крыму и к привлечению крымских торговцев в Москву. А также к созданию условий, при которых этот рынок был бы связан только с Москвой. И князь должен был понимать, что отпущенное ему время было очень ограничено. В конечном итоге Иван Калита сформулировал предложение, от которого нельзя было отказаться: он предложил Матфею Фрязину (о котором я упоминал выше) в кормление одну из самых богатых своих провинций, Печору, на условиях уплаты князю половины прибыли.

Мы не знаем, в каком году итальянцы открыли свою «концессию», но, думается, выигрыш князь почувствовал довольно быстро. Итальянцы стали сами собирать дань на севере, сами организовывали ее доставку до берегов Черного моря и ее продажу и выплачивали князю положенное. Впрочем, выиграл не только князь.

Началось быстрое развитие московский торговли, и уже к середине XIV века в Москве сформировалась корпорация торговых гостей «сурожан», состоявшая как из иностранцев (итальянцев, греков), так и из русских. Они вели широкую торговлю с городами Причерноморья, продавая там русские меха и привозя на Русь предметы роскоши, вина, бумагу, различную утварь. У них вскоре появилась своя собственная церковь, стоявшая на границе Китай-города. Академик М.Н. Тихомиров отметил, что торговля с Причерноморьем в XIV веке была основной, «определяющей торговое значение Москвы». Остальные направления стали развиваться позднее. Это повлекло за собой безусловное развитие ремесел и московских посадов.

Вслед за этим в Москве появляется еще одна корпорация, носившая название суконщиков, торговавших с Западом (через Новгород, Литву, Прибалтику). Но сурожане, или *гости*, как они еще назывались, останутся главной и самой влиятельной прослойкой купечества, ее верхушкой, занимающей исключительно привилегированное положение в русском обществе.

Близость корпорации гостей к двору Калиты и его наследников показывает, что их отношения носили особый, доверительный характер, и, видимо, в том числе и итальянцы выполняли особые поручения великого князя. Мы можем назвать некоторые из них. Отправляясь на Куликову битву, Донской взял с собой 10 гостей сурожан. «Поют же тогда князь велики с собой десять мужей Сурожан гостей, видения ради; аще что Бог случит, имут поведати в далних землях, яко сходници суть з земли на землюи знаеми всеми и в Ордах, и в Фрязех» (ПСРЛ, т. 11, с. 54).

Но близкие и доверительные отношения Москвы строились не с итальянскими купцами, а именно с генуэзцами, только с ними. Уровень доверительности был таков, что, например, кандидат в митрополиты Пимен спокойно под расписку занял «у фряз» в Константинополе почти 2000 рублей.

Можно предположить, что особые отношения с корпорацией сурожан строились на том, что она была определенным образом организована. Есть немало оснований предполагать, что в дальних поездках на Крайний Север участвовала целая группа гостей-сурожан, как итальянцев, так и русских, которые представляли из себя объединение военного или полувоенного типа. В принципе это логично, ведь в то время торговля была связана с дальними и опасными поездками и требовала владения оружием не меньше, чем умения торговать. Купцы торговали в основном дорогими товарами, значит, возникла необходимость их охранять, что сближало такую купеческую организацию с боярскими отрядами.

Восприятие купеческой организации как полувоенной, несущей «службу», способствовало тому, что ее верхушка могла перейти в разряд боярства и затем получить за свою службу земельное пожалование от князя. И мы знаем несколько имен гостей, кому удалось этого добиться, стать «гостем и боярином великого князя» одновременно. Это Некомат. Это Степан Ховра, Матфей и Андрей Фрязины. Мы знаем, что они и другие гости получали во владение землю, что нашло отражение и в названии ряда населенных пунктов. Например, так возникла деревня Фрязино под Москвой (теперь город Московской области), деревня Фрязиново под Вологдой (сейчас район г. Вологды), деревня Сурожик, упомянутая в завещании Калиты.

Так возникла боярская фамилия Фрязины, представитель которой в начале XV века был княжеским волостелем в Заволочье.

Сурожане, видимо, отличались не только военной организацией, но и хорошим вооружением. «Задонщина», рисуя битву

русских с татарами, упоминает шеломы черкасские, байданы бесерменские, кинжалы и колчары фрязские.

По словам И.Е. Забелина, в Москве в XIV веке жили не только итальянские купцы, но и была колония мастеров-ремесленников (Указ. соч., с. 88). Например, до нас дошли сведения о замечательном мастере Борисе из Рима, который отлил серию колоколов как для московского Кремля, так и для собора Святой Софии в Новгороде. Считается, что Борис возглавлял и обучил целую группу колокольных литцов, живших в Москве, обслуживавших великокняжеский и митрополичий дворы.

Словом, появление корпорации итальянских гостей в Москве имело целый ряд серьезных позитивных последствий.

Но, как мы помним, в 1356 году это вызвало крайнее неудовольствие хана, который, видимо, узнал о характере и последствиях сотрудничества итальянцев с московским князем. Мы не знаем, чем закончился поход Ирынчя на сурожан в Москве в 1356 году. Но на следующий год летопись сообщает, что вновь пришел посол силен (с войском) и «велика бысть истома князем русским» (то есть тяжело им пришлось). В Орде узнали о росте сил Москвы и испугались того, что узнали.

В 1360 году, спустя три года после смерти Ивана Ивановича, ярлык на великое княжение получает не юный московский князь, а нижегородско-суздальский Дмитрий Константинович. Но Москва, собрав войско, смогла заставить нижегородского князя ретироваться. Тогда же хан отнял у Москвы его «купли» — Галич, Углич и Белозеро. Но и это будет через пару лет восстановлено (более того, в большем объеме).

В 1371 хан решит отдать ярлык на великое княжение тверскому князю Михаилу Александровичу. Но Москва окажет этому жесткое сопротивление, и закрепиться на великом княжении Михаил не сможет. И после ожесточенной борьбы в 1373 году Москва заставит Тверь подписать мир, по которому за московским князем останется великое княжение.

Это была победа. Могущество было создано.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
National security and human rights	
<i>Sir Rodric Braithwaite</i>	7
Notes from the Seminar	
<i>Yuri Girenko</i>	19
Theme of the issue	
«What matters... is the people's belief in its own possibilities»	
<i>Sergey Morozov</i>	21
Development of the banking system in Russia	
<i>Mikhail Zadornov</i>	27
XXI century: challenges and threats	
Russia's national interests and foreign policy	
<i>Konsantin Kosachev</i>	34
From local anti-terrorism to global [counter]terror	
<i>Lika Rygina</i>	40
Concept	
Russia's direction: towards the main highway of human development? ..	44
Discussion	
Human rights and politics	
<i>Andrey Yurov</i>	54
Future of civil society	
<i>Daniel Dettling</i>	62
Partisan stagnation and actual agenda	
<i>Alexander Shmelev</i>	66
Personal experience	
Entrepreneurship and leadership	
<i>Sergey Nedomslev</i>	71
Why does human work?	
<i>Alexander Zurabov</i>	76
Freedom and culture	
Liberty under threat: three views. Hayek, Keynes, Orwell	
<i>Lord Skidelski</i>	78
New practices and institutions	
Local self-government: reality and illusions	
<i>Yakov Silin, Alexey Kleshko</i>	84
IN MEMORIAM	
C'était Salmine	
<i>Yuri Girenko</i>	100
Books	
Rulers and Victims	
<i>Alexander Sogomonov</i>	102
Regional books' review	
<i>Eugeny Barabanov</i>	
<i>Andrey Perla</i>	105
Counterpoint	
<i>Alexander Arkhangelski</i>	108
Nota bene	
Russia and Italy. The first connections and the rise of Moscow	
<i>Gleb Turin</i>	111

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2006 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ премия основателю и директору Московской школы политических исследований Елене Немировской.

Выступления участников церемонии

К ЧИТАТЕЛЮ (№1, 3, 4)

СЕМИНАР

Брейтвейт Родрик

Национальная безопасность и права человека (№ 4)

Гиренко Юрий

Заметки с семинара (№ 3, 4)

Казаганов Сергей

Где находится Россия? (№ 3)

Коужер Кристофер

О политических идеях начала XXI века (№ 1)

Маргелов Михаил

Россия в глобальном мире: идет ли холодная война? (№ 3)

Петрова Ольга

Заметки с семинара (№ 2)

Сатаров Георгий

Коррупция и глобализация (№ 3)

Тренин Дмитрий

Глобальная безопасность и суверенные демократии (№ 3)

ТЕМА НОМЕРА

Аузан Александр

Общественный договор-2008: критерии справедливости (№ 3)

Барабанов Евгений

Этнос, нация и национализм (№ 1)

Задорнов Михаил

Развитие банковской системы в России (№ 4)

Кергорле Дени де

Культурное наследие — душа человечества (№ 1)

Лапасаран Хосе-Крус Перес

Принципы и преимущества децентрализации (№ 1)

Маркедонов Сергей

Апология российской идеи, или Как нам сохранить Россию (№ 1)

Мертес Михаил

Патриотизм и всеобщие ценности (№ 2)

Морозов Сергей

"Главное... чтобы люди поверили в свои возможности" (№ 4)

Сенокосов Юрий

Гражданская нация как универсальная ценность (№ 2)

Щаранский Натан

Действительно ли мы верим в демократию? (№ 3)

XXI ВЕК: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Арбатов Алексей

Ядерный козырь Ирана (№ 3)

Злобин Николай

Стратегия и импровизация во внешней политике (№ 3)

Косачев Константин

Национальные интересы России и внешняя политика (№ 4)

Мошкин Сергей

Уроки французского (№ 1)

Пикеринг Томас

Вызовы и возможности: Иран и Ирак (№ 3)

Рыгина Лика

От точечного антитерроризма к глобальному [контр]террору (№ 4)

Хиль-Роблес Альваро

Европа и Россия: общие ценности, которые нам вместе защищать (№ 1)

КОНЦЕПЦИЯ

Варданян Рубен

Как вырастить бизнес-элиту в современной России? (№ 3)

Дворкович Аркадий

Конкурентные возможности российской экономики (№ 3)

Путь России: по главной дороге развития человечества (№ 4)

Согомонов Александр

Средний класс на Западе и в России (№ 2)

ДИСКУССИЯ

Бахмин Вячеслав

Нужны аниматоры! О гражданском обществе и демократии в России (№ 1)

Волков Александр

Ренессанс социального дарвинизма (№ 2)

Волков Александр

Деньги и люди (№ 1)

Гиренко Юрий

Новый сезон политического театра (№ 1)

Гиренко Юрий

Опыт о патриотизме (№ 3)

Детлинг Даниэль

Будущее гражданского общества (№ 4)

Ковыришин Юрий
Об эффективности работы
уполномоченного по
правам человека в субъекте
РФ (№ 3)

Ллойд Джон
Легко ли журналисту
говорить правду? К вопросу
о журналистской этике
(№ 1)

Перла Андрей
Количество качества
(№ 2)

Чокан Хесус Эллой Бедоя
Общественное мнение и
демократия (№ 2)

Шмелев Александр
Партийный застой и
актуальная повестка дня
(№ 4)

Юров Андрей
Права человека и политика
(№ 4)

НАШ АНОНС

*Бусыгина Ирина, Захаров
Андрей*
Sum ergo cogito.
Политический мини-
лексикон (№ 3)

Рыжков Владимир
Дарованная демократия
(№ 2)

Составитель *С.К. Иванов*
"Вторая философия"
русского человека (№ 2)

СВОБОДА И КУЛЬТУРА

Егоров Сергей
Это странное слово
"свобода" (№ 2)

Иванов Сергей
Свобода и воля в русской
истории (№ 3)

Скидельски Роберт
Свобода под угрозой: три
взгляда. Хайек, Кейнс,
Оруэлл (№ 4)

Согомонов Александр
Свобода и справедливость:
из эпохи Просвещения в
XXI век (№ 1)

Хоскинг Джефффри
Структуры доверия в
русском обществе (№ 3)

НОВЫЕ ПРАКТИКИ И ИНСТИТУТЫ

Силин Яков, Клешко Алексей
Местное самоуправление:
реальность и иллюзии (№ 4)

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Дунаева Индира
Наталья Лосева: "Спасибо,
ребята!" (№ 2)

Зурабов Александр
Карьера как управление
собой (№ 4)

Недорослев Сергей
Предпринимательство и
проблема лидерства (№ 4)

Петрова Ольга
Юрий Страхов:
"Высокопарных слов не
надо опасаться" (№ 1)
Скидельски Роберт
Возвращение в Китай (№ 3)

ИДЕИ И ПОНЯТИЯ

*Бусыгина Ирина, Захаров
Андрей*
Суверенитет (№ 2)

Бурбулис Геннадий
Политософия как
жизнетворчество (№ 1)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ

Иноземцев Владислав
Россия и Запад (№ 1)

Малгэн Джефф
Уроки власти (№ 2)

Мордовин Александр
Изнутри наружу (№ 1)

Мордовин Александр
Не упустить главного (№ 2)

Сергеев Максим
Введение во власть (№ 1)

Фукуяма Френсис
Идентичность,
иммиграция и либеральная
демократия (№ 3)

КНИГИ

Гиренко Юрий
Москва, 1941-й (№ 2)

Захаров Андрей
Константы русского
консерватизма (№ 3)

Захаров Андрей
Россия: от империи к
империи (№ 1)

Согомонов Александр
Правители и жертвы (№ 4)

РЕГИОНАЛЬНОЕ КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Барабанов Евгений (№ 4)
Гиренко Юрий (№ 2)
Клинский Александр (№ 3)
Перла Андрей (№ 4)
Подольный Борис (№ 1)
Рыгина Лика (№ 1)
Суслов Евгений (№ 1, 3)

КОНТРАПУНКТ

Ведет Александр
Архангельский (№ 1, 2, 3, 4)

IN MEMORIAM

Гиренко Юрий
C'était Salmin (№ 4)

NOTA BENE

Кобрин Кирилл
Как устроено время в
медиа? (№ 1)

Пинто Диана
Двенадцать апостолов
демократии (№ 2)

Тюрин Глеб
Русь и Италия: начало
связей и возвышение
Москвы (№ 4)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:
СНГ И РОССИЯ

СЕМИНАР
(Голицыно, декабрь 2006)

Наши авторы:

Надежда Арбатова
Александр Архангельский
Гарольд Берман
Ирина Бусыгина
Александр Волков
Юрий Гиренко
Андрей Захаров
Владимир Мокрый
Ольга Малинова
Ярослав Романчук
Александр Рондели
Александр Согомонов
Марк Ткачук
Валерий Чалый

квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2007 г. (4 выпуска) (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2007 г. (4 выпуска) (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)202-85-01 или по эл. почте kira@msps.su
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте kira@msps.su или по тел. (495)202-85-01.

Подписано в печать 29.11.2006.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

123104, Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21.

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

ISBN 5-93895-091-1

9 785938 950917 >